

Annotation

В Империи, где без малого век правит Тёмный Властелин, живётся не так уж и плохо. Натурфилософы постигают тайны науки, народ не бедствует, полиция охраняет порядок, а рунное волшебство – доступно всем. Вот только у волшебства есть цена, и за любое чудо придётся платить самым дорогим, что у тебя есть. Особенно, если ты стал врагом повелителя Тёмной Империи.

* * *

Сергей Лукьяненко

Эттир первый Руна пятая, Райдо

Руна седьмая, Гебо

Руна двадцать вторая, Ингуз

Руна третья, Турс

Руна одиннадцатая, Исаз

Руна первая, Феху

Руна двадцатая, Манназ

Руна четвёртая, Ансуз

Эттир второй Руна восьмая, Вуньо

Руна пятнадцатая, Альгиз

Руна восемнадцатая, Беркана

Руна шестая, Кано

Руна тринадцатая, Эйваз

Руна девятая, Хагалаз

Руна десятая, Наудиз

Руна двадцать первая, Лагуз

Этир третий Руна девятнадцатая, Эваз

Руна двенадцатая, Йера

Руна двадцать третья, Дагаз

Руна четырнадцатая, Перт

Руна семнадцатая, Тиваз

Руна вторая, Уруз

Руна шестнадцатая, Соулу

Руна двадцать четвёртая, Одал

Мир Грисара

* * *

Сергей Лукьяненко

Маги без времени

© С. Лукьяненко, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Этир первый

Руна пятая, Райдо

Чуть позже я подумаю, как дошёл до жизни такой. Чуть позже, когда будет время.

А сейчас я стоял на потолке полутёмной залы, рядом со свисающей хрустальным водопадом люстрой. Мои ноги безжалостно пачкали старые фрески, изображавшие Шесть Героев Великой войны в момент их триумфа и гибели. Мои руки свисали вниз, к полу, и я пытался нацелиться на врага указательным пальцем.

Враг таился пятью метрами ниже – особняк доктора Ирбрана был по-настоящему богатым и просторным. Стены бальной залы (к чему она старому одинокому доктору – не знаю) терялись во тьме. Свет шёл только с улицы, от редких газовых фонарей и от потолочных фресок, написанных модными полвека назад светящимися красками.

Я на фоне светящегося потолка был виден прекрасно, а вот мой враг, бесшумно перемещающийся по натёртому паркету, – нет.

Может быть, это сторожевой пёс?

Только бы не пёс! Я люблю собак.

Нацелив палец точнее, я вызвал из памяти руну электричества. Мысленно нарисовал её на кончике пальца и влил десяток секунд.

Яркая голубая искра ударила вниз, клюнула врага и на мгновение осветила залу.

Ой-ёй!

Беру свои слова обратно, лучше бы собака!

Тварь на паркете походила на ребёнка лет девяти – голого, с неестественно широкими плечами, покрытого мелкой блестящей чешуёй с головы до ног. Возможно, когда-то тварь и была человеческим ребёнком – пряди волос, пробивающиеся между чешуйками на голове, и глаза выглядели совсем обычными, детскими. А вот рот с острыми зубами был слишком велик, и такие когти на руках и ногах никакой ребёнок не отрастит. Как он ходит-то по паркету, не клацая когтями?

Электрическая искра никакого вреда твари не причинила. Она лишь оскалилась, жадно глядя на меня и жуя воздух зубастым ртом. Языка, у существа не наблюдалось.

Решение идти по потолку было очень затратным, но оно меня спасло. Во мраке особняка существо подкралось бы ко мне совершенно незаметно. Его и выдал-то секундный отблеск на чешуйках.

Но похоже, что существо не умело летать, высоко прыгать и звать на помощь. Скорее всего, оно было совершенно безмозглым, глупее любого сторожевого пса. Несчастный зубастый уродец, гость из далёкого прошлого, гроза неосторожных воришек. Так что можно продолжать движение...

Я пошёл дальше прямо по фреске, безжалостно топча лица Героев – от Первого, юного и безусого, до Шестого, сторбленного и седого. Обогнул люстру. Ещё раз глянул вниз – тварь исчезла. Я вызвал руну света, вложил в неё три минуты и спроецировал себе на лоб. Смешно, знаю, но так удобнее всего. Покрутил головой – яркий луч obeжал пустую залу, выхватывая из темноты сдвинутые к стенам и закрытые чехлами стулья, тёмный провал давно не топленного камина.

Куда исчезла тварь?

Надо поторопиться.

Хоры проступили из темноты неожиданно. Когда-то, в пору юности хозяина особняка, когда здесь действительно случались балы, на маленьком балконе, выходящем в залу, сидели музыканты – скрипач, флейтист, клавесинист. Кстати, клавесин остался – старомодный, на четыре октавы. Крышка была открыта, струны обросли пылью, на клавишах тоже лежала пыль.

На всех, кроме дальних от меня.

И самых близких к приоткрытой двери, ведущей с хоров в глубину дома.

Я выбросил вперёд руку, вливая в Турс, руну удара, десять минут времени. Многовато, наверное, но я испугался. Маленький уродец оказался не так уж и туп!

И очень быстр.

Он прыгнул через клавесин, с неожиданным изяществом перемахнув крышку, и вытянул руки, целясь мне в горло.

Магия ударила его в полёте. Чешуя на груди создания промялась, будто от удара молота, он отлетел к двери, распахнул её спиной и с грохотом покатился вниз по невидимой лестнице. Сама тварь никаких звуков не издавала, но я понимал, что она цела – и очень, очень зла.

Доктор Ирбран не поскупился на стража.

Сильного и быстрого. И не такого уж лёгкого, как можно было предположить на вид.

Я пробежал вдоль хоров, спустился по стене до открытых дверей залы, перешагнул через притолоку. Самый неприятный момент – и до пола очень уж близко, и смена направления крайне неприятна, словно карабкаешься в гору, а потом стремительно бежишь вниз.

За дверями оказался длинный коридор, с окнами по одной стене и портретами на другой. Потолок здесь был без фресок, но с опорными балками-матицами, через которые приходилось перепрыгивать. Луч света из моего лба белым пятном прыгал в конце коридора. Руки приходилось прижимать к бокам – здесь до пола было близко, а тварь, как я убедился, умела прыгать.

А кстати – вот и она!

Уродец почти беззвучно бежал вслед за мной – хорошо, что по полу. Я обернулся и поймал взгляд его человеческих, детских глаз. Очень хотелось бы думать, что в этих глазах читалась мысль: «Убей меня, маг, избавь от мучений!»

Увы, всё что там было, – ненависть и желание разодрать мне горло.

По-хорошему стоило бы выбить одно из окон и убежать. Однако в особняке царила тишина, словно прокатившийся кубарем охранник никого не разбудил. Может, и так; бальная зала – в левом крыле, а лаборатория доктора – в правом.

А вложенной в прогулку по потолку недели было безумно жалко.

Коридор заканчивался, а я всё перебирал в памяти руны. Достичь нужного эффекта можно разными способами, и только глупый маг станет зря тратить время.

Наконец я выбрал руну. Вызвал её в памяти, впитал росчерк линий – и наполнил полными сутками своей жизни.

Развернулся к уродцу. Тот заподозрил неладное и начал тормозить, но он слишком уж разогнался.

Я наложил руну прямо на него.

Вся беда с рунами сна, паралича и даже смерти в том, что они действуют не на всех. У человека может быть защита от данной руны, может быть индивидуальная невосприимчивость. А у твари, подобной моему преследователю, могло вообще не быть потребности в сне, вместо мышц и нервов его тело могла наполнять вонючая магическая протоплазма, способное остановиться сердце тоже могло отсутствовать.

Зато всё живое имеет вес.

Уродец рухнул на пол и забарахтался, слабо шевеля конечностями. Когти с противным скрежетом царапали паркет, вырезая из него спирали стружек. Он пытался ползти, но когда ты внезапно стал в десять раз тяжелее, это не очень-то получается. Первый раз за всё время тварь издала низкий утробный рык.

– Бывай, – сказал я, спрыгивая на пол и выходя из коридора. Прикрыл за собой дверь, оставив тварь корчиться на полу. Через четверть часа заклинание рассеется, но этого времени мне хватит.

Карты этой части особняка оказались лучше. Я сразу понял, как идти – через оранжерею. Здесь, увы, по потолку двигаться было невозможно, стёкла бы меня не выдержали. Оранжерея оказалась куда ухоженнее бальной залы. В горшках и вазонах росли многочисленные травы и кустарники, названий которых я большей частью не знал. Имелось и несколько деревьев, для одного из которых – старой пальмы, обросшей пожухлым растительным мочалом, – в стеклянном потолке оранжереи был выстроен высокий купол. На пальме росли какие-то плоды, похожие на кокосы, но ярко-красного цвета и с шевелящейся бахромой. Я на всякий случай обошёл пальму как можно дальше. Какая-то тёмно-зелёная растительная дрянь попыталась потянуться ко мне тонким шипастым побегом, но едва я посмотрел на неё – съёжилась в своём горшке под лучом света.

Ненавижу такие навязчивые гарниры!

Со стороны оранжереи сейчас должна была сверкать от моего импровизированного фонаря. Но доктора Ирбрана ведь нет в особняке. Верно? А слуги если и заметят что-то, то вряд ли кинутся проверять, положатся на магического охранника. Хорошую домашнюю прислугу сейчас днём с огнём не найдёшь...

Оранжерея кончалась массивными металлическими дверями, ведущими в лабораторию. Видимо эксперименты доктора требовали самой свежей зелени. Для порядка я подёргал дверь. Увы, заперто. Затейливая замочная скважина одним своим видом намекала, что пытаться вскрыть замок – глупая затея.

Что ж, за это мне и платят.

Я вытащил из памяти руну ключа. Но вовремя задумался и посмотрел на замок ещё раз.

Ну конечно. Тройной антимагический ключ, работа мастеров из Теруна. При попытке открыть его руной замок атакует в ответ, подаст сигнал тревоги и заблокируется на сутки. А фантазия у терунских кузнецов затейливая – в меня может ударить огонь, лёд, яд, из скважины может выползти тварь (и необязательно такого размера, чтобы она могла поместиться в замке), подомной может взорваться пол или мои кости превратятся в жидкость...

Да, кстати, возможно и всё одновременно. Любой каприз за ваши деньги.

Поэтому я даже не стал пытаться вскрыть замок. Я вызвал руну клинка, зарядил её шестью часами своей жизни и вырезал петли у левой створки, после чего толкнул дверь ногой.

Та с грохотом упала внутрь лаборатории.

Вот этот звук, конечно, никак не могли не услышать слуги. И даже сделать вид, что не услышали, не могли. Так что оставалось одно – действовать быстро.

Внутри лаборатории было светло. Не от ламп – они все были потушены, и не от окон – их просто не имелось.

Зато оборудования у доктора было в достатке. И часть его светилась.

Например – огромный стеклянный змеевик, выходящий из перегонного куба. По змеевику сочилась густая оранжевая жидкость, в трубке – обычная, но в колбе, куда она капала, – светящаяся.

Светящихся колб и реторт вообще было изрядно. Против света я ничего не имею, но большинство из них почему-то ещё и побулькивало, издавая едкую вонь.

В центре лаборатории обнаружилось два операционных стола очень неприятного вида – судя по фиксаторам для рук и ног, доктору приходилось экспериментировать над очень сильными и очень недовольными существами. Причём, учитывая разнообразие и количество фиксаторов, – большая часть этих существ к людям имела слабое отношение.

А ещё светился здоровенный стеклянный цилиндр, заполненный прозрачной жидкостью. Я уже ожидал увидеть внутри какую-нибудь мерзость вроде расчленённого, но живого человеческого тела или хотя бы набор шевелящихся внутренностей. Но в прозрачной жидкости плавала длинная – метра полтора – роза, с огромным сочным бутонem ярко-красного цвета.

Я пожал плечами. Розы хороши для девочек, монстры хороши для воинов. А мне нужно совсем другое. То, за что мне заплатят.

Лабораторный журнал нашёлся рядом с операционными столами – толстый потрёпанный том с желтоватой бумагой, в замызганной обложке из свиной кожи. Увы, когда я открыл журнал, дата на первой странице меня не порадовала. Его вели с Нового года. Судя по количеству записей за первое число, доктор праздников особо не жаловал.

А мне заказали журнал двухлетней давности...

Сейф нашёлся у двери, даже не слишком замаскированный – стальной шкаф, небрежно покрашенный белой краской. Может быть доктор предпочитал прятать ценности перед самым уходом из лаборатории.

Опять терунский замок! Я снова вызвал руну клинка, с сожалением влил в неё шесть часов – и срубил боковую стенку сейфа.

Снова грохот. Надо торопиться.

Внутри сейфа было пять полок. Три заполняли колбы и амулеты, я едва подавил искушение взять несколько. Но незнакомый амулет – это слишком опасная вещь. Ещё одну полку занимали деньги – золотые и серебряные монеты, ассигнации, чеки и аккредитивы.

Опять же пришлось смирить жадность. У меня нет лицензии вора.

А самую верхнюю полку занимали лабораторные журналы. Я почти сразу нашёл нужный, сунул в широченный карман на куртке. Подумав, отправил туда и самый новый журнал – может быть, пригодится.

И увидел, что в глубине сейфа, за журналами, в углублении лежит ещё один амулет. Протянув руку, я достал его – серебристый диск на цепочке.

Лицевая сторона была гладкая, за исключением стилизованной буквы «А», зато на обороте была выгравирована составная руна. Очень сложная и незнакомая руна. Но сам амулет казался очень знакомым. Серебристый диск, буква «А», и что-то про руну... Я не помнил точно, где и когда я видел амулет, или слышал про него, или читал в книге. Но что-то вспоминалось. Причём не мрачное и страшное, а хорошее, торжественное.

Я засунул амулет в карман. Он лежал так, что вскрывай я сейф нормальным образом – вообще бы его не заметил. Вряд ли это ловушка.

А потом я поднял взгляд и увидел сторожевую тварь!

Нет, моё заклинание продолжало действовать. Но уродец даже под десятикратным весом ухитрился доползти до дверей лаборатории и сейчас тужился перетащить своё тело через порог. Одну руку создания оплетала оборванная колючая лоза, судорожно пытающаяся проколоть чешую. На спине дымилась красная жига – словно некий странный плод упал на него сверху и попытался прожечь насквозь.

– Ты упорный, – сказал я с невольным уважением. – Но извини, я закончил и ухожу...

И в этот момент уродец издал шипящий звук – гораздо более осмысленный, чем недавнее рычание.

В следующий миг стены лаборатории вспыхнули белой огненной сеткой. И та стала стремительно сжиматься, приближаясь ко мне!

Я не знал, что это такое. Подобных рун мы не изучали.

В одном я был уверен точно – касаться этой пылающей сетки я не хочу. Не потому, что умру. Более вероятно, что буду валяться на полу, крича от боли, пока не вернётся доктор Ирбран.

Я вытащил из памяти руну, которую не собирался использовать никогда. Влил в неё столько времени, сколько она захотела. И бросил себе под ноги.

Тварь разочарованно взывала, когда я исчез из лаборатории. Впрочем, возможно это взывл я, представляя все последствия.

Моросил дождь. Я стоял на площади Великой Любви, в той самой точке, которую давно наметил – на тот случай, если использую руну, которую использовать не собирался.

Основное преимущество этой точки было в том, что там никого другого и быть не могло. Это была спина вздыбленной лошади без седока. Ненастоящей, конечно, части памятника – Тёмный Властелин стоял на гранитном постаменте, держа лошадь под уздцы. Властелин был высечен из чёрного мрамора, а вот его лошадь, по непонятной прихоти скульптора, отлита из чугуна.

Чугун под дождём куда более скользкий, чем мрамор.

Я поскользнулся и упал, оседлав чугунную лошадку. С одной стороны, повезло, не навернулся с двухметровой высоты на постамент и ещё дальше, на мостовую. С другой... с другой – будь я девушкой, было бы не так больно.

А ещё по площади, с которой ночь и дождь разогнали всех прохожих, шёл гвардейский патруль!

Не знаю уж, существует ли в законах наказание за то, что я сел верхом на чугунную лошадь нашего доброго правителя. Вполне может быть! Например, это можно подвести под «пытался незаконно занять место Тёмного Властелина».

Поэтому я, постаравшись забыть об отбитых частях тела, соскользнул с лошади на постамент и замер, схватившись за мраморную руку. По лицу статуи стекала вода – казалось, что Властелин плачет. Я стоял, глядя ему в лицо.

– Эй, ты! – гвардейцы наконец-то подняли головы и увидели меня.

Я медленно опустил взгляд. И придал лицу всё возможное смущение.

– Простите... да живёт вечно незаменимый и вездесущий!

Спрыгнув на мостовую, я замер перед гвардейцами, не делая никаких попыток убежать. Трое гвардейцев в симпатичных голубых мундирах растерянно смотрели на меня. Наконец старший опомнился.

– Живёт вечно. Ты что там делал, парень?

Ох, как же я порадовался слову «парень»!

Не мужчина, не старикан. Парень!

– Простите, наверное, это дерзость... – Я опустил голову. – Я... мне захотелось дотронуться до Властелина. Пожать ему руку.

Гвардейцы ошалело смотрели на меня.

– Ты совсем ку-ку? – спросил старший, расслабляясь. – Это статуя, дружок!

– Понимаю, – ответил я, насупившись. – А самому Властелину руку пожать у меня шансов нет.

Гвардейцы переглянулись. Посмотрели на статую. Следов вандализма не наблюдалось.

– Задержим? – спросил старшего один.

Старший задумчиво смотрел на меня. Я понимал, о чём он думает. Вернуться в отделение... посидеть в теплом и сухом помещении, попивая горячий чай, пока мне оформляют привод за хулиганство. Потом старший сказал:

– Задержим и скажем, что арестовали юнца за то, что он пожал руку статуе повелителя?

Инициативный гвардеец пристыженно отвёл глаза.

– Иди-ка ты отсюда, – сказал старший. – Ночевать есть где?

– Есть, – закивал я.

– Тут столица, а не деревня, – продолжил старший. – И забираться на постаменты, даже с самыми искренними чувствами, запрещено. На первый раз – предупреждение!

– Простите... – Я уж совсем понурился, и гвардеец улыбнулся.

– Давай, давай... Вали отсюда. И берись за ум.

Кивая и смущённо улыбаясь, я пошёл прочь. Меня сейчас занимали не гвардейцы и даже не ограбленный доктор. Мне нужно было зеркало.

И оно нашлось совсем рядом – в витрине ювелирного магазина. Правда, за частой решёткой, но зато рядом с фонарём.

Я уставился на своё отражение.

На меня смотрел высокий, тощий, темноволосый юноша в потёртой куртке. Вполне молодой человек. Лет примерно девятнадцати. Над верхней губой чуть топорщатся усики – мерзкие и жалкие, такие надо безжалостно сбривать, а не пытаться отращивать.

Беда была в том, что ещё этим вечером я выглядел на восемнадцать. Руна переноса выпила из меня год жизни.

Всё имеет свою цену, особенно колдовство. Но магия признаёт лишь одну плату – твою собственную жизнь. Каждое заклинание отнимает у тебя немного от раз и навсегда отмеренного срока.

Нет, девятнадцать – это совсем неплохо. Знавал я магов, которые в моём возрасте уже выглядели солидными мужчинами, а то и стариками.

Но мне-то всего пятнадцать!

Руна седьмая, Гебо

Мне действительно было где ночевать. Клуб магов есть в любом крупном городе, а уж в столице их шесть, по числу Героев. Месяц назад, когда я

приехал в столицу, я выбрал клуб Танри, названный в честь Четвёртого Героя. Спросите, почему? Да потому, что большинство новичков выбирают либо клуб Уинварда – самого юного из магов, либо клуб Сигну – самого старого. Девушки выбирают один из двух, названных в честь женщин-магов – Фреды или Мирарек. Те, кто склонен к однополрой любви, и мужчины, и женщины, идут в клуб Риджара, известного пылкостью и неразборчивостью своих влечений.

А Танри был самым обычным и ничем не примечательным человеком. И магом стал обычным – остался в тени знаменитых товарищей, честно сражался и сжёг свою жизнь во славу повелителя. В его клубе спокойнее, просторнее и тише. А ещё тут собираются те маги, кто поумнее и сделали те же выводы, что и я.

Когда я подошёл к трёхэтажному каменному зданию, уже рассвело. Я приложил к дверям руку и пожертвовал вырезанной на двери руны защиты секунду своей жизни.

Это очень простой и очень удобный способ обеспечить магам уединение. Войти сможет только маг. Обычному человеку придётся звонить и ждать привратника. К тому же защита клуба постоянно растёт.

Толкнув створку двери (та удовлетворилась моим скромным подношением и открыла замок), я вошёл в вестибюль. Согласно давней традиции, зародившейся в те времена, когда магами были только мужчины, слева от дверей в стене были закреплены писсуары – чтобы нетерпеливый маг не тратил время на дорогу в туалет. Ещё слева была стойка для зонтиков, обычно пустовавшая – дожди идут часто, а маги забывчивы и не всегда возвращают зонты в клуб.

Справа была гардеробная и нормальные туалеты, для мужчин и женщин. Днём в гардеробной дежурит прислуга, но сейчас там никого не было.

Ну а прямо передо мной была лестница на верхние этажи, к комнатам внаём, и проход в сам клуб.

Что такое клуб магов – понятно, наверное, каждому. Отчасти ресторан, отчасти курительная, отчасти бильярдный и карточный залы, отчасти библиотека.

В первую очередь, конечно, бросаются в глаза книги. Шкафы идут вдоль всех стен, от пола до потолка, и крепкие открытые полки забиты толстыми томами, тонкими брошюрами, смотанными свитками, коробками с карточками, рукописями, разрозненными листками записей, лабораторными журналами... Всё это богатство впечатляет, особенно на первый взгляд. На второй – становится ясно, что большинство книг и записей общеизвестны и никаких тайн в себе не содержат. На третий – закрадывается обоснованное подозрение, что большая часть рукописных текстов и лабораторных журналов – всего лишь рефераты и курсовые студентов-магов. Ну а на четвёртый, если уж читатель напряжётся и отыщет стремянку, выяснится, что соблазнительные толстые тома на верхних полках – бутафория, обитые кожей деревянные бруски.

По-настоящему ценные книги в клубе, конечно, есть. Но они не стоят на виду, рядом с пьющими, чавкающими и курящими магами.

Час был такой ранний, что в клубе почти никого не было. Два пожилых мага катали шары на бильярде – неумело, но азартно. Одного из них, седобородого и лысого, я знал – ему было двадцать с небольшим лет, он выпускался как раз в тот год, когда я поступил в Академию, четыре года назад. Тогда он выглядел молодым мужчиной, лет двадцати-двадцати двух. Сколько ему было на самом деле, я не знал. Но за прошедшие четыре года колдовство сожгло не меньше сорока лет его жизни. Десять к одному – нехороший расклад. Либо парень слишком жаден, либо слишком азартен.

Либо – попал в передрыгу, вроде как я только что, и был вынужден сжечь слишком много жизни.

Я выбрал столик у одного из немногочисленных окон, между шкафом с многотомной энциклопедией «Основы рун» (с ежегодными дополнениями, конечно) и шкафом полным пыльных и скучных журналов «Методология минимального воздействия». Бильярдисты на меня внимания не обращали, я на них – тоже.

Подошёл заспанный официант, молча кивнул, я так же молча ткнул пальцем в меню, выбрав традиционный столичный завтрак: два жареных яйца, грибное суфле, жареная картошка и большая кружка кофе. Горячие булочки утром подавали бесплатно, совсем уж старые и обнищавшие маги порой неделями питались только ими.

В ожидании яичницы я попытался успокоиться. Заказ был выполнен. Никаких законов и установлений я не нарушил. Единственная проблема – нерационально потраченный год жизни.

Стать магом, в общем-то, могут многие. Первое – это умение разбираться в рунах. Говорят, что для этого требуется знание геометрии и искусства начертания, способности к языкам и хорошая зрительная память. Но недостаток любого из этих качеств можно компенсировать зубрёжкой и терпением. Футарк и десяток-другой составных рун, вроде электричества, способен запомнить каждый.

Второе – умение наполнять руны. Сами по себе руны мало чем отличаются от гражданской письменности, хоть ты их мысленно представь, хоть на бумаге напиши или на золоте выгравировь. Но если посмотреть на руну или чётко представить её, а потом потянуться к ней и наполнить собственной жизнью, она оживает. Руну можно просто активировать, можно прикрепить на себя, как я поступил с руной света, или впечатать в предмет – как делают кузнецы-рунознатцы из Торуна. Некоторые руны требуют совсем немного времени. Секунды, минуты, максимум часы. Ну какая разница: пойдёшь ты за фонарём, потеряв на этом полминуты, или зажжёшь магический свет, потратив то же самое время?

Но тут нужно уметь дозировать время. Неопытный маг способен бухнуть в магический свет пару месяцев – и ходить как идиот со звездой во лбу всю жизнь. Или потратить ещё пару месяцев на отмену заклинания.

А ещё полным-полно составных рун сложных, тяжёлых, в любом случае требующих огромного вливания времени. Как правило, это те руны, которые слишком сильно и явно нарушают законы мироздания.

Как перенос в пространстве.

И хоть ты сто раз заречёшься использовать сложные руны, но на всякий случай их выучишь. Потому что иногда выбор будет прост – умереть или потратить год-другой жизни. Что выберешь? Правильно, год.

Жадность, гордыня и любовь – вот три главных врага любого мага. Захочется стать богатым, захочется добиться признания, захочется любви – и маг решается использовать свою силу по полной. И умирает дряхлым стариком, не дожив до двадцати. В Академию, где я учился, берут в основном детей, а выпускают в свет подростков. Но, как правило, эти подростки выглядят куда старше своих лет. Вот мне было пятнадцать, выглядел я на восемнадцать. Сейчас уже на девятнадцать. Что дальше?

Многие ведь даже не доживают до выпуска. За год учёбы у нас случалось пять-шесть несчастных случаев. Кто-то не рассчитал силу и вкачал в простенькую руну всю свою жизнь. Кто-то обозлился на учителя, на товарища – и затеял магическую дуэль, в которой сам себя сжёг. Кто-то замахнулся на совсем уж трудную и тяжёлую руну – и угробил своё время впустую, надорвался.

Так что классический облик мага, к которому все привыкли, – седой, неспешный, бородатый, вовсе не показатель истинного возраста. Все мы юнцы.

Я это понял очень быстро и своё время берёг. С запоминанием рун у меня дела были неплохи, а вот с дозированием времени – по-настоящему великолепны. Я никогда не тратил на обучение больше, чем следовало. Не ленился сходить за свечкой, закрыть дверь руками, а не руной, закутаться в тощее одеяло, а не нагреть комнату зимой. Не ввязывался в пустые поединки и соревнования. Не стремился поразить наставника, раньше времени овладев сложной руной.

Помню, когда после трёх месяцев занятий у нас отчислили треть набора – мальчишек и девчонок, которым никак не давалось запоминание рун или дозирование времени, пришёл день оплаты обучения. По коридорам Академии ещё шатались зарёванные дети, висли на наставниках, умоляли их оставить, пытались нарисовать по памяти сложные руны (двое или трое даже убедили дать им второй шанс), а нас, справившихся, повели принимать присягу ученика.

И платить за обучение, конечно. Магов всегда просят заплатить вперёд.

Дозировать время мы уже кое-как умели. Но многие не считали это важным – в десять лет и жизнь кажется бесконечной, и перспектива повзрослеть не пугает. Плата за весь курс составляла один год, но какой-то мальчишка сразу сказал, что заплатит тремя годами и туманно пояснил: «В тринадцать лет у тебя уже всё по-взрослому!» Я же уточнил у наставника, мастера Креберта, достаточно ли будет одного года, не обидится ли на меня Академия, – и влил в аккумулирующую руну ровно требуемое время. Ну не

совсем ровно; потом мне сказали, что я отдал один год и два дня. Так вот, наставник после этого посмотрел на меня с интересом и одобрительно похлопал по плечу. Ему было лет тридцать, примерно так же он и выглядел – один из немногих магов, умевших ценить время.

И до самого выпуска я расходовал время аккуратно и бережно. Рекорда не поставил, но за всё обучение потратил всего лишь полтора года. За месяц после выпуска – ещё пять месяцев. А этой ночью – целый год.

Обидно – слов нет.

Внешне я не особо изменился, разве что усы эти дурацкие стали пробиваться. Ну, может быть, чуть-чуть выше стал и плечи немного шире. В штаны я заглядывать не стал, там вряд ли что-то за год могло измениться. По всему выходило, что сам виноват, но могло быть и хуже.

– Грисар!

Я обернулся – в зал вошла Мира. Она помахала мне рукой, я махнул в ответ. Мира немного старше меня, повыше ростом и гораздо красивее. Яркая, синеглазая, белокожая, светлые волосы заплетены в толстую косу по северным обычаям. В общем – влюбляться без шансов. Я и не пытался. Но зато мы были друзьями.

– Мне того же, что и ему! – сообщила Мира официанту, только-только высунувшемуся с кухни с подносом. Официант кивнул и вернулся обратно. Завтрак откладывался.

– Привет, Мира, – сказал я.

– Привет. – Она уселась напротив меня. Помахала рукой бородавчатому магу у бильярда – тот её проигнорировал.

Ну ещё бы. Они ровесники, учились вместе. Но Мира на вид двадцать с небольшим, она всегда очень аккуратна со временем. Девочки вообще бережливее, если нужна магия небольшая и точная, то лучше обращаться к ним. Впрочем, если девушка-маг разозлится или расчувствуется, то тут уж держись – ничего не пожалеет.

– Как дела, малыш Грис? – Мира усмехнулась, глядя на меня. – Я видела, ты вчера уходил поздно вечером...

На «малыша» я не обиделся. Маги обижаются на слово «старик».

– Нормально. Работал.

Мира внимательно изучала моё лицо, особенно усы. Потом спросила:

– Сколько потратил?

Врать смысла не было. Мира – славная девчонка, а когда я поселился в клубе, взяла надо мной шефство. Объясняла, что и как, чем жизнь в столице отличается от провинциальной, какие законы надо соблюдать строго, слава Тёмному Властелину, а какие необязательно – опять же ему слава.

Честное слово, если бы не понимал, что это без шансов, я бы в неё влюбился.

– Год, – сказал я.

Мира болезненно поморщилась:

– За один раз?

– Да.

Ей, конечно, хотелось спросить, какая руна потребовала столько времени. Но она смолчала. Такие вещи спрашивать не принято.

– Бывает, Грисар. Порой дерьмо случается. Но хоть не зря?

– Ты же видишь – живой и жду завтрак, – ответил я.

А тут подошёл и официант, и мы на время замолчали, занявшись едой. Готовят в клубе вкусно, даже обычную яичницу пожарят как надо – яйца не растеклись, но и не превратились в подошву. Грибное суфле ещё лучше: там настоящие белые грибы, а не шампиньоны. Мы ели молча и с аппетитом.

Где-то у дверей звякнул звонок – кто-то пришёл в клуб и пытался вызвать привратника.

– Ты при деньгах? – спросила Мира, перейдя к кофе.

– Более-менее.

– Заплатишь за мой завтрак?

Я удивился. Богатых магов тут у нас нет. Те, кто ухитрился разбогатеть, в клубных комнатухах не живут. У них свои дома в престижных районах столицы, свои места для общения и свой круг знакомых.

Но и совсем уж нищих среди магов не водится.

– Всё семье отправила, – пояснила Мира. – Не рассчитала. Думала, выполню заказ раньше, а никак не справлюсь. Нет, я могу слить время...

– Перестань, – опомнился я. – Будто ты меня не угощала! Время сливать – последнее дело.

В клубе была аккумулирующая руна, наподобие той, что стояла в Академии. Любой мог пожертвовать немного времени и получить немного денег. Другое дело, что это совсем не так выгодно, как отработать заказ. Скромный завтрак обошёлся бы Мире в несколько часов времени.

– Спасибо, – ответила Мира. Без всякой лишней патетики. Она не чувствовала себя обязанной, а я не сделал ничего особенного. Точно так же и она меня угостит, если потребуется, и денег займёт, и поможет.

– Какой у тебя заказ? – спросил я.

Мира отмахнулась.

– А как семья? – зашёл я с другого края.

Мира была родом из окраинных северных провинций, которые в войну выступили против Тёмного Властелина. Сражались северяне долго и упорно, это и сам Властелин неоднократно говорил, но, конечно же, проиграли. Родители Миры были из мелкого дворянства, к счастью, не замеченного в очень уж усердном противостоянии нашему повелителю. Просто люди честно делали свою работу и подчинялись своим сюзеренам. Так что они остались живы, и даже не попали на перевоспитание – у них лишь конфисковали имущество и позволили трудом искупить свою вину. Однако с этим трудом получалось не очень – тяжело осваивать новую профессию, если ты всю жизнь был бургомистром в маленьком городке. Содержала их по большей части Мира – и родителей, и старшего брата с сестрой.

– Как обычно, – Мира вздохнула. – Папа сидит дома и строит грандиозные планы, мама учит детей музыке. Брат вроде как в гвардейцах прижился, копит на офицерский патент. Отдельно живёт. И то хлеб!

Я кивнул. Мои-то родители самые обычные мещане с юга Тёмной Империи. Отец держит мелкую лавку, мать ему помогает. Живых детей кроме меня в семье шестеро, это у отца всегда хорошо получалось, лучше, чем торговля. Так что моё призвание мага они восприняли с радостью, раз в месяц присылают письмо, а иногда, с оказией, шлют мелкие подарки. Ну и денег не просят. Пока, во всяком случае.

– Может всё-таки помочь? – снова спросил я.

Мира колебалась, это я видел. И тут в зал вошёл тот самый человек, которому я был обязан потерянными годами жизни. Нет, не доктор Ирбран, чтоб его сожрала одна из его тварей, лучше всего мелкая чешуйчатая. А тот, кто заказал мне кражу лабораторного журнала.

Честно говоря, я предполагал, что это такой же экспериментатор, как и Ирбран, только менее удачливый и надеющийся поживиться плодами экспериментов коллеги. Вид у него был такой, докторский и злодейский одновременно – тощий и нескладный, высоченный, но при этом сутулый, с угловатым лицом, на котором круглые очки в дорогой золотой оправе смотрелись неуместно. В чёрном костюме, сшитом на заказ, но всё равно сидящем на нём нелепо. Увидев меня, заказчик даже не улыбнулся и не кивнул – просто направился к столу с грацией насекомого, которому оторвали парочку лап.

– Уйти? – спросила Мира негромко.

– Не надо, это недолго, – ответил я.

Заказчик подошёл и лишь теперь кивнул, словно, несмотря на свои очки, не был до конца уверен, ко мне ли он идёт. Придвинул стул, сел, кинул на Миру равнодушный взгляд. Спросил:

– Всё ли у вас в порядке, любезный юноша?

В вопросе не было ни подлинного интереса, ни волнения. Как будто заказчик знал, что такой вопрос положено задать, и выполнял скучный непонятный ритуал.

– Спасибо, господин Сект, – ответил я. – Отчасти, но не совсем.

Имя, возможно, было вымышленным, но мне-то какое дело? Патент на кражу, который он мне вручил вчера, настоящий – я же не идиот, воровать без лицензии. Всё остальное лишь предмет обсуждения.

– Вам удалось добыть искомое?

– Искомое при мне, – ответил я столь же напыщенно. – И даже более того.

– Хорошо, – господин Сект достал из кармана увесистый кошель с серебряными монетами. Понятно, что чек или ассигнация удобнее, но на монетах нет номеров, их не отследить, так что в наших кругах они столь же популярны, как и полсотни лет назад.

– Возникли проблемы, – пояснил я. – Мне удалось достать журнал, но в лаборатории была ловушка.

Я покосился на Миру. Может зря не попросил её уйти? А, ладно...

– Мне пришлось использовать руну переноса, – продолжил я.

Мира понимающе кивнула.

– Но ведь всё в порядке? – уточнил Сект.

– Да. – Я достал из кармана оба журнала. – Но я потерял год жизни. Это стоит совсем других денег.

Господин Сект задумался, не отрывая взгляда от журналов.

– Понимаю. Это прискорбно. Но условия нашего договора не включали оплату любых рун, которые вы решите применить. Я объяснил задание, вы назвали цену, я её принял.

– Всё так, – согласился я. – Однако там была магически преображённая сторожевая тварь, охранные заклинания...

– В задании было сказано, – прервал меня Сект, – что в особняке возможно наличие магической охраны того или иного рода. Этот факт не является форс-мажором.

Я кивнул. Спорить было бесполезно.

– Если вы не согласны с итоговой суммой, то мы можем передать наш договор на рассмотрение суда, – любезно предложил заказчик.

Всё. Это был финал. Суд мою сторону не примет, скорее оштрафует за попытку обмана заказчика и вымогательство дополнительной оплаты.

– Хорошо, – сказал я. – Согласен. Но смотрите: я добыл два журнала, тот, что вы заказывали, и текущий...

– Меня не интересуют современные опыты этого шарлатана, – недовольно сказал Сект. – Он добился успеха один лишь раз, два года назад. Я могу взять этот журнал в придачу, но не заплачу за него ни гроша.

Мира сочувственно смотрела на меня.

Я молча протянул Секту журнал. Один, тот самый, что он заказывал. Сект взял журнал и отдал мне кошелек. Сказал, вставая:

– С вами было приятно работать, молодой маг. Надеюсь, мы расстались без предубеждений и взаимно открыты к возможному будущему сотрудничеству.

Отвечать я не стал, да он и не ждал ответа. Двинулся к выходу. Небось, спешил изучить лабораторный журнал конкурента.

– Вот же сволочь, – сказала Мира, когда Сект вышел.

– Я сам виноват, – ответил я. – Заказ был хороший, но я никак не ожидал такой защиты в особняке. Изменённая тварь – да сколько их осталось-то в мире? Думал, он преувеличивает.

– Они никогда не преувеличивают, – с презрением сказала Мира. – Хоть бы немного добавил!

– Может, у него это последние деньги, – попытался я защитить заказчика, чтобы не чувствовать себя совсем уж болваном.

– Да ну – правда, что ли?! Ты его костюм видел? Пошит по последней моде, мастерская на Золотом ряду. У него рубашка стоит больше, чем он тебе заплатил!

Я вдруг почувствовал, как на глаза наворачивается предательская слеза. Молодой маг! Приятно работать! Будущее сотрудничество! Как же меня развели...

– Эй, Грис, всё в порядке, – быстро сказала Мира, придвигаясь ко мне. Бросила взгляд на бильярдистов, борющихся за последний шар, и быстрым движением салфетки промокнула мне глаза. – Успокойся.

– Извини, – буркнул я. – Как маленький...

Как ни странно, но мне была приятна её забота.

– Всё нормально. Все мы младше, чем есть. После такой траты времени нервы шалят, по себе знаю.

– Ты-то откуда знаешь?

Мира вздохнула.

– Была одна ситуация... Времени требовалось неделю-две, а я запаниковала и влила полгода.

– Понятно, – сказал я.

– Все мы иногда ошибаемся, – вздохнула Мира. – Слушай, нечего тебе тут киснуть. Знаю я, чем это заканчивается – пьянством и куражом.

– Я не пью.

– Будешь пить, все маги пьют. У тебя уже тело юноши. – Она вдруг смутилась. – В этом возрасте все с цепи срываются... Пойдешь со мной? Поможешь с заказом? Напополам не поделюсь, но двадцать процентов – твои.

– Что за заказ? – спросил я.

– Да ерунда. Надо замочить одного типа.

Руна двадцать вторая, Ингуз

«Люди по природе склонны делать друг другу гадости, и бороться с этим бесполезно», – так давным-давно сказал Тёмный Властелин, когда объяснял народу новые правила жизни.

Какие суровые законы не принимай, всё равно кто-то будет воровать, а кто-то захочет кого-то убить.

Поэтому у нас ничего не запрещено. Только это дорого.

Хочет господин Сект ограбить доктора Ирбрана? Получи лицензию. Укажи, что собираешься украсть, и уплати цену в казну. А потом иди, воруй. Или найми кого-нибудь.

Хочешь кого-то убить?

Аналогично.

Но для убийств есть гильдия убийц, среди которых, кстати, есть и маги. Нанимать для убийства обычного мага – неслыханно!

– Мира, ты серьёзно? – спросил я.

Мира улыбнулась.

– А, заинтересовался? Нет, убивать никого не надо. Надо замочить.

Я её сразу не понял. Есть очень много слов, которыми люди заменяют неприятное слово «убить». Пришить, пристукнуть, упокоить, порешить, уложить... Ну и «замочить», конечно.

Мира вздохнула.

– Слушай. Есть такой торговец сахарным песком, Орми Снапс. То, что у тебя в кружке кофе сладкий, – его заслуга. У него огромный склад в порту. Мне заказали этот склад замочить. Понял?

– Тьфу на тебя, – сказал я. – Так склад, а не самого Снапса?

– Если он там окажется, то пусть тоже намокнет, – кровожадно сказала Мира. – Платят две тысячи.

– Неплохо, – согласился я. – А зачем?

– Откуда мне знать? Может, кому-то сладкое нельзя есть. А может, кто-то считает, что цены на сахар вырастут и можно будет Снапса разорить, а самому подняться.

– Вот это вернее, – согласился я. – Только цены и так выросли; видно, этот Снапс придерживает сахар, хочет повернуть какую-то махинацию. В чём проблема?

– Так ты в деле?

Я посомневался ещё пару мгновений и кивнул:

– Да.

– Тогда пошли, – сказала Мира. – Покажу тебе, в чём проблема.

– Только переоденусь и деньги отдам на хранение, – сказал я.

– Тоже переоденусь, – оживилась Мира.

Маленькое отделение банка у нас в клубе тоже есть. И поверьте, это бывает полезнее, чем настоящий душ с тёплой водой, а ведь приятнее душа с тёплой водой люди ещё ничего не придумали.

В полдень мы с Мирой сидели в портовом кафе. Не в дешёвом кабаке, где оттягиваются матросы, и не в обычной пивной, где работники порта выпивают свою кружку эля и съедают кусок мясного пирога в обеденный перерыв, а в настоящем дорогом кафе для людей благородных, обеспеченных и праздных. Кафе стояло возле пассажирских пирсов, на возвышении, рядом с управлением порта и храмом Всех Богов. Отсюда был замечательный вид на море, на порт, на корабли и, если повернуться, на город, раскинувшийся на холмах. Замок Властелина сиял на вершине горы белым бриллиантом. Дождь к утру

закончился, и небо было безоблачным и чистым, как в первые дни лета. Даже жарко стало.

Мы с Мирой ели мороженое и пили холодный лимонад. Наверное, только этим лимонадом мы и отличались от множества парочек за столиками. Я, конечно, вино пробовал, и не раз, но до сих пор не понял, что в нём хорошего. А так – мы были хорошо одеты, молоды. Мира очень красивая, но и я тоже не урод. Мира оделась в длинное платье из сиреневого шёлка, взяла зонтик от солнца и сумочку, словно настоящая дама из высшего общества. На мне был бежевый костюм и небрежно повязанный галстук – как на молодом хлыще из верхних районов.

Сахарный склад был перед нами как на ладони. Стоял он среди прочих помещений, где хранили привезённые или ждущие отправки товары. Высокое кирпичное здание с окнами на самом верху, обнесённое крепким забором и с охранниками, прохаживающимися по двору.

– Я вначале думала, всё будет просто, – объясняла Мира. – Вызову волну, есть три подходящие руны..

Я знал четыре, но спорить не стал.

– Но тут простая волна не годится, – продолжала Мира.

Это я тоже понимал. Во-первых, склад был далеко от воды. Во-вторых, на возвышении. В-третьих, вокруг стояли другие склады, а если повредить чужой товар – то по нашему следу кинутся регуляторы.

– И охраны что-то много, – заметил я. – Может, сладкому королю сообщили, что на его товар выписали лицензию?

– Может быть, – уныло призналась Мира.

Конечно, предупреждать жертву было нельзя. Но если у тебя есть друзья в полиции, они вполне могут намекнуть. Всем хочется сладкой жизни.

– Если мы как-нибудь вдвоём вызовем одну-единственную волну? – спросила Мира. – Чтобы она все склады перемахнула, а ударила по одному?

– И залила крепкий склад? И никого не утопила?

Мира вздохнула.

– Откажись, – посоветовал я. – Найдёшь другой заказ.

– Я взяла задаток, – призналась Мира.

Это было серьёзно. Если задаток взят, то отказываться нельзя. И солидный штраф, и пятно на репутации.

– Сколько?

– Половину. Грис, я тебе всё оставшееся отдам. Только помоги!

– Мира, оно того не стоит, – сказал я. – Хочешь займу денег?

Мира опустила глаза.

– Давно ты вокруг склада вертишься?

– Четыре дня уже. Ничего не придумала. Была бы тут река рядом, но реки нет...

Я вздохнул и ещё раз посмотрел на здание.

– Ливень бы сработал, – продолжала Мира. – Но крыша крепкая, её придётся рушить и аккуратно.

Магия – штука очень мощная, вот только цена высока. Поэтому всегда надо думать, какое именно заклинание тебе нужно применить. Иногда одного и того же можно достичь совсем разными способами.

Мира северянка. У них там воды полно. Холодные моря, частые дожди, зимой – снег. Они воду не ценят, вода у них всегда есть. А я всё-таки с юга.

– Значит, придётся... – Мира вздохнула. – Смерч. Крышу сдерёт и выбросит в море. И потом ливень.

Я прикинул в уме, сколько она собирается потратить, и покрутил пальцем у виска.

– Ты совсем ку-ку? Боевую магию на дурацкий склад сахара? Полтора года потеряешь! За жалкую пару тысяч!

– А что делать?

Лицо у неё было такое печальное, что я забыл про свои горести и невольно усмехнулся. Мира обиженно отвернулась.

– Карандаш есть? – спросил я и взял со стола салфетку.

– Да. – Мира оживилась.

– Смотри. – Я расправил салфетку и принялся рисовать руну.

– Лагуз, – сказала Мира. – Озеро. Ну и что?

Я нарисовал вокруг руны ещё одну.

– Ингуз...

– Не знаешь это сочетание? – спросил я.

Мира морщилась и честно пыталась вспомнить.

– Источник. Рождение озера. Призыв воды из земли.

– Грис, я дура! – воскликнула Мира. И, порывисто потянувшись через стол, поцеловала меня сладкими от мороженого губами.

– Ты чего! – смутился я. – Сейчас лимонад опрокинешь!

Мира засмеялась, выпрямилась, лукаво глядя на меня:

– Грис, ну ты всё-таки... Прости-прости-прости! Грис, умница, ты меня спас! Мы же учили это сочетание!

– Просто ты никогда не думала, что придётся добывать воду в пустыни. – Я сам смешался и, забрав её салфетку, вытер щёку и губы. – Здесь вода близко, море же рядом. И почва мягкая. Вливай в источник неделю. Или полторы, для верности. Потом бросай в центр здания.

– Поняла, – счастливо улыбаясь, сказала Мира.

– Может, потренируешься?

– Да ничего, справлюсь. Я две недели волью.

Я пожал плечами. Можно и две, конечно. Хотя я бы попытался обойтись неделей.

– Прямо сейчас и сделаю, – твёрдо сказала Мира, ещё раз посмотрев на салфетку. – Спасибо, Грис. Тысяча вся твоя.

– Полтысячи, – поправил я. – Но вот магия – вся твоя.

– Хорошо!

– И подожди часик, – сказал я. – Съешь ещё мороженого, здесь ореховое вкусное. А я пойду.

Мира недоумённо смотрела на меня.

– Загляну в лавку рядом с клубом. Куплю мешок сахара.

Мира кивнула. Поняла. Попросила:

– Мне тоже, ладно?

– Я сегодня добрый, – согласился я.

Самое верное средство от грусти – сделать что-то хорошее. Конечно, с точки зрения сахароторговца Орми Снапса, я ничего хорошего не совершил, а напротив – учинил страшную мерзость, разбой, разорение и свинство. Но как по мне – задирать цены тоже нехорошо. По миру Снапс не пойдёт. А уж какая радость будет портовой бедноте, когда по мостовым потекут сахарные реки! Небось, все кастрюли и банки заполнятся сладким сиропом, а дети будут лежать вдоль канав и пить прямо из них.

Так что настроение у меня здорово улучшилось.

В лавке недалеко от клуба я купил два полотняных мешочка сахара – каждый на двенадцать фунтов. Продавец посмотрел на меня задумчиво – наверное, после ухода поменяет ценник.

Сахар я оттащил в свою каморку на четвёртый этаж. Спрятал в шкаф. Вполне хватит пережить предстоящие скачки цен.

Вообще-то, называя свою комнату каморкой, я не совсем прав. Там есть нормальная длинная кровать, есть шкаф для одежды и вещей, есть два стула и столик, есть полка для книг. И окно есть, довольно большое и с чистыми стёклами. Туалеты у нас прямо на этаже, с фарфоровыми унитазами и рукомойниками. Вот душевые комнаты – внизу, в подвале, но это не беда, людям же не надо мыться каждый день.

В коридорах уже было людно. Маги любят поспать, и для многих завтрак начинался в обед. Прошли, болтая о девчонках, два рослых мага, на вид лет сорока. Один бессовестно врал о своих ночных похождениях, хоть сразу было видно, что компанию ночью ему составляли только подушка с одеялом. Второй делал вид, что верит, а может, и впрямь верил. На самом деле им обоим лет по двадцать – я видел, как один из них на простой руне истратил вместо пяти минут полсуток времени. Таких полно, на самом-то деле.

Прошла к лестнице моя ровесница (на вид), с которой мы как-то вместе делали одну несложную работу. Вот ей и в самом деле лет пятнадцать, хотя точно я не знаю, девчонка училась в другом заведении, Школе магии. Но она очень аккуратно тратила время, и я её уважал. Мы поздоровались. Судя по халату и полотенцу, волшебница спешила в душ. Странно, вроде чистенькая.

Я спустился в клуб. Есть пока не хотелось, мороженое и лимонад отбили аппетит. Так что я побродил вдоль полок, вытащил потрепанный том Рунного Определителя и сел в тихом уголке. Ненужный заказчику лабораторный журнал я оставил в комнате, а вот амулет прихватил.

Сейчас я положил его перед собой на стол, зажёт лампу – современные, на земляном масле, давали такой яркий свет, что тратить магию было бы глупо.

Итак, что мы имеем?

Серебряная цепочка. Серебряный диск. Это хороший металл для запечатления руны, хотя и бронза сработала бы не хуже.

На диске – буква «А». Не руническая, обычный гражданский алфавит.

На обороте очень странная и незнакомая руна.

Странно, амулет мне знаком, а вот руна – нет.

Значит, я видел амулет, но только с одной стороны? Такую интересную руну я бы точно запомнил!

Я честно пытался вспомнить. И занятия в Академии, и все прочитанные книги, и рассказы про амулеты – всё вытащил из памяти.

Но почему-то ничего не вспоминалось.

Ладно, займёмся руной...

Подошёл официант – тот же, что работал утром. Я прикрыл амулет ладонью при его приближении и попросил зелёного чая «Дыханье дракона». А едва официант отошёл, приступил к изучению руны.

Основных рун двадцать четыре. Они сгруппированы в три эттира и составляют футарк, рунный алфавит. При желании рунами можно писать слова, как обычными буквами, но это глупо. Ведь каждая руна – это то или иное магическое воздействие.

Возьмём, к примеру, третью руну первого эттира – Турс. Одна из основных боевых и силовых рун, иногда её называют шипом или колючкой; говорят, что название восходит к забытому древнему богу. Начертить наяву или мысленно Турс, влить в него время – и ты можешь нанести удар. В зависимости от очертаний руны удар может быть пробивным, будто копьё, или увесистым, словно молот.

Но это только первая ступень. Вся магия к двадцати четырём рунам, конечно, не сводится. Даже с изменениями в начертаниях этого не хватит для всего многообразия магических действий.

Поэтому руны сочетают друг с другом, комбинируют. К примеру, чтобы срезать дверь с петель, я использовал сочетание Турса и Райдо, шип и путь. При правильном взаимодействии получается новая руна – Клинок. Руна электричества хоть и проста, но тоже сложена из двух рун.

Из двадцати четырёх простых рун при сложении и умножении получается немислимое количество комбинаций. В учебниках их называют составными рунами, или рунными фразами. Не все из них реально работают, а некоторые работают, но так, что пользы никакой. Но всё же сочетание из двух рун уже рождает настоящую сложную магию.

Бывают руны, составленные из трёх рун футарка. Бывают и из четырёх – их очень сложно удержать в голове, ещё труднее насытить, но порой нужны и они.

Самая сложная руна, которую я знал, была составлена преподавателями Академии из шести основных. Считается, что сочетание шести рун – это предел, доступный человеку. Для активации эта руна требовала два часа времени, а последствием её применения были плывущие по воздуху мыльные пузыри.

Но очень красивые пузыри, честно признаю!

Конечно, я не знал всех сочетаний рун. Никто на свете их не знал. Но существуют базовые правила. Если человек наливает в кастрюлю воду и ставит на огонь – он получает кипяток. Если вода кипит долго, она вся превращается в пар.

Так и волшебник, беря руну Кано и руну Лагуз, получит кипящую воду, а добавив времени – пар, а никак не что иное.

Но руна, начертанная на медальоне, поставила меня в тупик. Была она столь сложной и запутанной, что угадать хотя бы одну базовую руну я не мог. Вот эти черточки складывались в Альгиз, но это мог быть и Манназ, к которому прибавили повернутую Кано. А это что вообще такое? Йера? Да нет, слишком уж начертание странное. Вообще на спираль похоже.

Может это и не руна вовсе?

Мало ли... ювелир безграмотный выгравировал. Или сумасшедший маг. Или любитель розыгрышей руку приложил.

Минут двадцать я рылся в справочнике, пытался найти хоть какой-то аналог таинственной руны. Увы, ничего. Так что я захлопнул Рунный Определитель и мрачно уставился на амулет.

Амулету от моего злого взгляда было ни жарко, ни холодно.

Я медлил, но искушение было слишком велико. Такую безумную руну я запомнить не мог, поэтому неотрывно смотрел на неё, вливая в узор секунду за секундой.

Вначале мне показалось, что отклика вообще нет. Время вливалось в амулет, словно вода в сухой песок пустыни.

Потом что-то дрогнуло. На второй минуте я почувствовал слабый-преслабый отклик.

Всё-таки это руна. Но какая?

Я со вздохом спрятал амулет в карман. Официант как раз нёс мне поднос с чаем – маленький чайник белого фарфора, две чашки, молочник, вазочка с печеньем...

Стоп! Почему чашек две?

И тут я заметил идущего за официантом человека в длиннополом чёрном сюртуке, чёрных брюках и приплюснутой шляпе-котелке, которую он не потрудился снять даже в помещении. Вот уж чего мне не хватало – регулятора!

Эти ребята сами по себе магией не владеют. Кажется, это что-то вроде непрямого условия для их работы, чтобы никакого сочувствия к нам не возникало. Зато они пользуются мощными амулетами, некоторые из которых, по слухам, зарядил для них сам Тёмный Властелин. Большинство регуляторов – немолодые мужчины, отслужившие в армии или в гвардии, кое-кто пришёл из полиции, но встречаются и совершенно чудные типы – и доктора, и механики, и философы.

Идущий ко мне регулятор был кем-то средним между доктором и философом. Звали его Эмир, был он плотным и добродушным, с близорукими, часто мигающими глазами; про себя он рассказывал охотно, но мало – как это

получалось, ума не приложу. Вроде улыбается и говорит, говорит, говорит, а потом ты понимаешь, что сам ему рассказал то, чего и не собирался, а он тебе – какую-то ерунду. Как учился на доктора в университете, как потом ушёл к философам, как пробовал изучить магию, но способностей не нашлось.

С другой стороны, был Эмир мужиком не вредным, молодёжь старался беречь, за мелкие нарушения только ругал, но даже штраф не накладывал. Не самый плохой человек.

В любой другой день я бы его чаем и сам с удовольствием угостил.

– Чай за мой счёт, юноша, – садясь напротив, сказал Эмир. Официант быстро расставлял посуду, торопясь скрыться. Регуляторов побаиваются не только маги.

– Да нет уж, я угощаю, – ответил я. И не удержался от подначки: – Платят-то вам не щедро, господин регулятор!

– Верно, – признал Эмир. – Зато все мои годы прожиты. Но я не откажусь, не откажусь от чая... да ещё с пирожными. Ходят слухи, что сладости подорожают.

– С чего бы? – удивился я.

– У сахароторговца Снапса, пусть его жирная задница побыстрее слипнется, случилась неприятность. Прямо посреди главного склада сахара прорвались подземные воды. Замочило все запасы, которые Снапс готовил, чтобы начать спекулировать. По улицам до сих пор текут сиропные реки. Говорят, народ размышляет, не бросить ли дрожжей выше по течению, чтобы к морю доходила бражка.

Я ухмыльнулся. Судя по тону, Эмир претензий не имел.

– Какой кошмар, – сказал я. – Очень удачно, что я сегодня прикупил немного сахара. Совершенно случайно.

– Ага, – кивнул Эмир и наконец-то налил чай – и себе, и мне. – Я как раз потому и подошёл. Хотел узнать: может, ты руну предвиденья открыл?

– Три вещи недоступны магии, – важно ответил я, отпивая чай. – Вернуть потраченное время, узнать грядущее будущее и постичь истинное прошлое.

– Короче, со временем всегда проблемы, – кивнул Эмир. – Хотя я слышал, что у диких горцев есть святилище, где женщины-предсказательницы видят будущее.

– Враки, – сказал я убеждённо. – Если узнать будущее, то его можно изменить. А как тогда его узнаешь, если оно не случится?

– Может, и враки, – согласился регулятор. – Ничего больше рассказать не хочешь?

– Происшествие на складе торговца было лицензировано? – на всякий случай уточнил я.

– Конечно, – сказал Эмир. – Иначе я бы говорил с тобой иначе, парень.

– Спросите у Миры, – предложил я.

– Ага, – произнёс он. – Понял. Неожиданно изящное решение, она никогда не смотрит вниз... Может, ей кто помог?

– Мир не без добрых людей.

– И то верно. – Эмир налил себе вторую чашку. – Ну, надеюсь, жена вовремя прочитала мою весточку и тоже прикупила сахарку... А ты как, кстати, юный Грис? Выглядишь повзрослевшим..

Я выдержал его взгляд и ответил с лёгким раздражением:

– Вы же знаете, Эмир, как говорят у нас в Академии. Магия берёт своё понемногу, но, когда счёт накопится – платишь сразу.

Честно говоря, только что придумал эту фразу. Но прозвучала убедительно. Эмир мигнул и отвёл взгляд. Мне кажется, его смущало то, как мы платим за волшебство.

– А ты не знаешь, никто сегодня ночью не хулиганил? – спросил он вдруг. – За тебя я спокоен, ты парень умный, но вдруг кто-то польстился на лёгкие деньги?

– Что такое? – насторожился я.

– Ограбили почтенного натурфилософа, доктора Ирбрана. Известный человек... в узких кругах. Наглое вторжение с применением магии.

– Ну ведь по лицензии же? – спросил я.

Лицензия, заверенная и подписанная, лежала у меня в кармане.

– Если бы, – вздохнул Эмир. – Ограбили без лицензии. Не завидую я этому магу, Грис... Ладно. Спасибо тебе за чай.

Он встал и пошёл к выходу. А я комкал в кармане лицензию, медленно осознавая весь ужас своей ситуации.

Я не просто ухнул год жизни бесплатно.

Я ещё и совершил ограбление без лицензии.

Мне подсунули фальшивку – и я поверил!

До самой двери в вестибюль я сверлил взглядом спину Эмира; удивительно, что он не почувствовал мой взгляд. Когда регулятор вышел, я невольно задержал взгляд на ростовом портрете над дверью (да-да, у нас тут потолки повыше бальной залы натурфилософа). На портрете, понятное дело, был изображён четвёртый маг, Акс Танри, в честь которого и был назван клуб.

Внешность у Танри была самая заурядная, одежда простая, портрет от времени потемнел, да и живописец не блистал талантами.

Поэтому, когда я наконец-то осознал, за что зацепился мой взгляд, то лишь хлопнул ладонью по столу. Даже не заорал.

На груди Акса Танри висел амулет, серебряный диск на серебряной цепочке. На диске была выгравирована буква «А».

Я не только совершил нелегальное воровство.

Я ещё и украл амулет одного из Шести Героев.

За меньшие прегрешения повелитель лично развеивал преступников прахом по ветру.

Руна третья, Турс

Чай я допил, и пирожные съел все.

А теперь лежал на койке, даже не сняв ботинки, и смотрел в потолок.

По всему выходило, что положение у меня аховое. За магическое ограбление без лицензии меня станут искать все регуляторы Империи. А за святотатство может и лично Тёмный Властелин подключиться.

В отличие от нас, рядовых магов, повелитель Империи бессмертен, вечен и потому во времени и силе волшебства не ограничен. Он – бог. Или полубог. Или человек, но получивший божественную силу.

У всех церковников своё мнение, они из-за этих вопросов непрерывно грызутся, устраивают диспуты, порой переходящие в массовые драки, церковь Властелина давным-давно разделилась на три конфессии – Его Божественного Величия, Его Божественного Происхождения (там внутри есть ещё два течения, одно считает, что Богом был отец Властелина, другое, что Богиней была его мать) и Его Божественного Возвышения. Если бы высшие иерархи не боялись Тёмного Властелина, то давно устроили бы религиозную резню во славу Его. Но они боятся. А Властелин не считает нужным объяснять свою родословную.

Одно несомненно – немногим меньше века назад Шесть Героев помогли Властелину победить и получить власть над Империей, свергнув прогнившую монархию и короля-тирана. Поэтому мы чтим Героев, а оскорбление их памяти является преступлением не меньшим, чем посягательство на Властелина. Может даже большим, потому что посягай на него или не посягай – ничего не изменится.

А Властелину обнаружить меня – раз плюнуть. Он вольёт в поисковую руну десяток лет. Или сотню. И найдёт меня.

Странно, что до сих пор не нашёл.

При этой мысли я неожиданно приободрился.

Кто сказал, что Тёмный Властелин в курсе случившегося святотатства?

Откуда у натурфилософа, балующегося созданием монстров, священный амулет Четвёртого Героя? Такая ценность должна в алтаре собора храниться, к ней верующие должны по праздникам прикладываться!

Если амулет валялся в сейфе, в неприметном отделении, так, может, Ирбран и сам не знает о его происхождении? Или же знает, но скрывает! Но тогда он преступник не меньше, чем я!

– Грис!

Мира вошла в мою комнатку даже не постучав. Она по-прежнему была в праздничном платье, только зонтик и сумочку где-то оставила. Весёлая. И чуть-чуть навеселе. Не мороженое она там ела, а вино пила.

– Ты что такой кислый? – она присела на край койки, наклонилась и, лукаво улыбнувшись, чмокнула меня в щёку. Нравится ей меня поддразнивать. Но я на это не куплюсь. Любовь, она для мага – главный враг.

– Я в дерьме, – честно ответил я.

Мира отстранилась и внимательно меня осмотрела. Сказала:

– Уверен? Вроде как выглядишь прилично, ничем не пахнешь.

Вот даже не поймёшь, шутит она или всерьёз! У северян странное чувство юмора.

– Послушай, Мира. Наниматель меня обманул. Лицензии на кражу у натурфилософа не было.

– Что? – воскликнула Мира.

– Сама посмотри, – я кивнул на стол.

Мира схватила листок бумаги, внимательно осмотрела. Тщательно изучила саму бумагу, гербы, водяные знаки, подписи. Потом ткнула пальцем в сургучную печать, вливая туда немножко времени. Твёрдо сказала:

– Лицензия настоящая!

– Да, только на другой дом. В лицензии написано Аллея Невежд. А натурфилософ живёт на Аллее Невеж.

Мира задумалась.

– Это не одно и то же?

– Абсолютно. Невежа – человек грубый, невежливый. А невежда – человек тупой, невежественный.

– Кто только придумал давать улицам такие названия! – воскликнула Мира.

– А то, что клуб стоит в Свиногонном тупике, тебя не смущает? Или улица Вшивого Белья?

– Исторические названия – совсем другое дело. – Мира любила поспорить с очевидными фактами. – Грис, это обман, ты пострадавший. Регуляторы поймут!

– Не факт.

– Почему ты вообще пошёл по неправильному адресу?

– Потому что господин Сект вначале отвёл меня к особняку, долго про него рассказывал. Затем мы пошли в ресторан, где торговались о цене. И когда, наконец, Сект согласился, выдал мне задаток и лицензию, я уже совсем заморочился!

– Всё равно надо идти к регуляторам, – решила Мира. – Это подстава.

– Есть ещё проблема, – вздохнул я. – Видишь на столе побрякушку на цепочке?

И рассказал ей про амулет.

Вот теперь Мира задумалась по-настоящему. А я лежал и страдал. Всегда приятнее страдать, когда с кем-то поделился своей бедой. Кто говорит, что разделённое горе вполтину меньше, а вот наш регулятор однажды сказал, что это перекладывание ответственности. Наверное, он прав.

– Тогда надо идти к натурфилософу, – решила Мира. – Отдашь ему амулет. Может, даже не стоит говорить, что ты понял, чей он. Пожалуйся на Секта, сдай его. Ты этому обманщику ничем не обязан! Ну и пообещай отработать свою вину. Доктор отзовёт жалобу – что ему с твоего наказания? Куда приятней выгоду поиметь!

Я вспомнил мрачноватую лабораторию, операционные столы, чешуйчатого монстра. Кто его знает, что решит доктор? Может, он совместит наказание и выгоду, сотворит из меня нового уродца. Буду бегать ночами по особняку наперегонки с зубастой тварью.

Но всё-таки в словах Миры был резон.

– Я помогу, – добавила Мира. – С тобой пойду.

– Со мной не надо, – решил я. – Но спасибо. Помощь мне потребуется.

Не собирался я возвращаться на Аллею Невеж в ближайшие дни. И даже недели и месяцы. Но кто же знал, что всё так сложится!

Я почистил свой лучший костюм – тот, в котором ходил в порт. У меня не слишком богатый гардероб. Но я поменял рубашку на белую батистовую, а Мира настояла, чтобы я повязал на шею галстук, который она мне принесла, модный и дорогой, шнурок из плетёного чёрного шёлка. Не знаю, откуда он у нее; может быть, своему парню подарок готовила, она говорила, что у неё есть парень.

В руках у меня был портфель, словно у стряпчего или нотариуса. В портфеле лежал свежий лабораторный журнал, отвергнутый Сектом.

Особняк днём выглядел совсем иначе. Не мрачным и жутким, а обычным богатым домом, лишь чуть запущенным. Возился возле клумбы садовник, ворота в сад открыл лакей с невозмутимым лицом. Никогда не подумаешь, что этот дом ночью ограбили.

– Важная информация для доктора натурфилософии Ирбрана, – сказал я торжественно.

Лакей не стал ни спорить, ни переспрашивать. Кивнул и двинулся к особняку. Я за ним, по выложенной полированным камнем дорожке. Когда мы проходили мимо клумбы, я глянул на садовника – тот вздыхал, оглаживая и поправляя поломанный куст белых роз. Розы жалко, конечно. Но я не нарочно, темно было.

Окно, через которое я проник в особняк, было по-прежнему открыто. Может, они и не поняли, что я поднялся по стене и вошёл сразу на второй этаж?

По всему выходило, что меня оставят в передней зале, сразу у входа, где стояли диванчики и аляповатые скульптуры, изображавшие девушек в ярких платьях. Как по мне, так раскрашивать мрамор – дурной вкус, лучше его оставлять белым.

Но лакей жестом велел подыматься за ним по лестнице. Мы миновали вход в бальную залу, прошли по коридору, мимо поворота к комнатам прислуги – и вышли к лаборатории. Только не через оранжерею, а к другому входу.

Вот тут уж мне велели подождать. И я честно ждал за закрытой дверью минут пять. Эта дверь была вовсе не такой крепкой, как идущая из оранжереи, и у меня возникло подозрение, что доктор больше опасался растений, которые выращивал, чем воров.

Наконец лакей вышел, явно получив от хозяина кучу указаний. Он даже на меня взглянул с лёгкой растерянностью, словно удивился, что я ещё тут.

– Доктор примет вас в лаборатории, молодой человек, – сказал он. – Попрошу вас ничего не трогать, по сторонам не смотреть и не отвлекать доктора слишком уж надолго. Его время слишком ценно.

Я послушно кивнул и второй раз за сутки вошёл в лабораторию почтенного доктора Ирбрана.

Здесь всё было, как и ночью, только под потолком светили яркие лампы. Вскрытый сейф уже убрали, быстро же они! Лабораторные журналы, амулеты и деньги в беспорядке лежали на одном из операционных столов, вперемешку со скальпелями, пилами и прочей хирургической жутью. Похоже, доктор Ирбран проверял, что именно похищено.

– Ну? Что встали? Быстрее!

Я не сразу заметил доктора натурфилософии. Он стоял у стеклянного цилиндра, внутри которого плавала красная роза, и разглядывал её, удостоив меня лишь короткого взгляда. Маленький рост и чистый белый халат удивительным образом делали его неприметным.

– Здравствуйте, доктор, – сказал я.

– Добрый день. Или вечер, что там? Доставайте бумаги.

Голос у доктора был тихий, но властный. И грустный.

– Да, сейчас, – растерялся я и полез в портфель за лабораторным журналом. Достал его, подошёл к Ирбрану и протянул.

– Когда привезут сейф? – беря журнал, спросил доктор. – Это что?

– Какой сейф? – не понял я.

– Новый! Надёжный! Откуда у вас мой лабораторный журнал?

Доктор наконец-то посмотрел мне в лицо. Был он на голову ниже меня, пузатый и немолодой. Волосы начинали лысеть и были бережно уложены, чтобы скрыть это. Бледно-голубые глаза близоруко щурились.

– Возвращаю, – сказал я.

– Вы не из компании «Гарант покоя». Вы – вор, – сказал доктор без особого удивления.

– Да.

– Маг? – Доктор продолжал меня осматривать и под его взглядом становилось всё неудобнее.

– Да.

– Любопытно. – Доктор небрежно пролистал журнал. Я его тоже смотрел, но мало что понял. Записи на латыни, цифры, жутковатые наброски вскрытых человеческих и звериных тел. – Вы раскаялись?

– Нет, – честно сказал я. – Это ведь обычная работа. Но меня обманули, подсунули фальшивую лицензию.

– Ха, – презрительно произнёс доктор и небрежно положил журнал к остальным. – Где остальное?

– У аниматора. Его зовут Сект.

– Не знаю такого. Где он?

– И я не знаю. Но он получал лицензию по адресу Аллея Невежд, в канцелярии полиции должны быть его данные.

Доктор расхохотался.

– Ах вот как! Невежд! Изящно! Верно, юноша?

Я промолчал.

– Вас обвели вокруг пальца, как деревенского дурачка, – презрительно сказал доктор. – Вы полезли в те сферы, куда вам соваться не стоило. А теперь пытаетесь вылезти сухим из воды.

– Виноват, – признал я. – Обвели. Позвольте искупить свою вину.

Доктор молчал, сложив руки на груди. Насмешливо смотрел на меня. Потом сказал:

– Молодой, амбициозный, наивный. Что мне с тебя взять?

– Можете простить и отпустить, – предложил я.

Доктор снова засмеялся, но резко оборвал смех.

– Зачем этому... Секту... журнал экспериментов двухлетней давности?

– Он говорил, что там что-то важное...

– Балбес. Я не храню важного на бумаге. – Доктор, будто утратив ко мне интерес, снова уставился на розу в цилиндре. – А где амулет?

– У товарища, – сказал я. – Давайте договоримся, как мы всё уладим, и я его принесу.

– Ко всему ещё и наглый, – сказал доктор. Но это прозвучало скорее одобрительно. – Значит, так. Отработаешь магией, года три-четыре потратишь. Для экспериментов мне нужны рунные знаки, которые надо зарядить. Амулет принесёшь сегодня же – чем быстрее, тем лучше. Если надо будет дать показания регуляторам, всё расскажешь как есть. Как тебе такое предложение?

Четыре года. Ну ладно, пускай три. Много!

Но я буду живой и на свободе.

Немного старше Миры.

И ещё дурацкие жалкие усики сменятся нормальными усами.

– Спасибо, доктор, я согласен, – быстро сказал я. – Простите, это была моя невнимательность.

Доктор смотрел на меня, о чём-то размышляя. Потом вздохнул:

– Поддай-ка мне со стола браслет, сынок. Чёрный браслет с красным камнем.

Я взял со стола браслет – он лежал на виду. Увесистая вещица. Чёрный металл, похоже, что дешёвая сталь. А вот красный камень оказался рубином, только огранённым очень странно, он был округлый, как голубиное яйцо.

– Вот. – Я протянул доктору браслет.

Ирбран неторопливо взял браслет у меня из рук, надавил на камень – браслет раскрылся на два полукружия. И неуловимо быстрым движением, которого я от доктора никак не ожидал, захлопнул на моём запястье.

– Так будет лучше, – удовлетворённо сказал Ирбран.

– Я не собирался вас обманывать! – воскликнул я. Браслет наверняка был каким-то устройством для слежки. – Это совсем не нужно! Клянусь!

– Не люблю полагаться на клятвы – особенно если человек меня уже разок обманул, – сказал доктор. – Браслет довольно прост, юноша. На нём руна замка, чтобы снять его мог только я. И всё.

Я поднял руку с браслетом. Не удержался и спросил:

– Тогда зачем он?

Доктор улыбнулся.

– Руна замка не совсем обычная. Она очень хорошо пьёт время. Любое. Может впитать более полувека. Любое заклинание, которое ты попытаешься применить, вначале начнёт наполнять браслет. И только когда он насытится, ты сможешь колдовать.

– Значит, я не смогу колдовать! – возмутился я.

– Верно! – совсем уж развеселился доктор.

– Это не нужно, я не собираюсь вас обманывать, – сказал я. – Но, если так хотите... хорошо, я сейчас схожу за амулетом.

– Ты не понял, юноша, – сказал доктор. – Я решил не отпускать тебя. Точнее, я отпущу тебя через пару часов, когда мы немного повозимся с твоей головой и я буду уверен в послушании.

Я отступил от доктора на шаг. И попытался, рефлекторно, вызвать руну Турс. Влил в неё без малого час.

Моё время ухнуло куда-то в глубины чёрного браслета.

– Ты как-то изменился в лице, – сказал доктор. – Попробовал? Всё работает?

– Отпустите меня, – я оглянулся и схватил с заваленного предметами лабораторного стола нож – длинный хирургический нож с зазубренной кромкой. – Я и так всё верну, я же сам пришёл!

– Скорее всего, но предпочитаю быть уверенным, – сказал доктор. – Бери его, девочка.

Где пряталась чешуйчатая тварь, я так и не понял. Может, под столами, а может, за шкафами с колбами. Но подскочила она ко мне мгновенно. Одной рукой сжала горло, заставляя согнуться в три погибели, другой вывернула за спину руку, так, что державшие нож пальцы разжались. И потащила к свободному столу.

Мной овладела паника.

Я рвался из её лап, пинался, пытался упасть на пол. Но мелкая тварь ухитрилась пережать мне горло так, что я задышался и в глазах потемнело. А мои удары и пинки её совершенно не волновали.

Учитывая, что она вытерпела ночью, нечего было и надеяться победить её голыми руками. И уж тем более рассчитывать на пощаду.

– Доктор Ирбран! – прохрипел я. – Если вы... не отпустите... я скажу всем, что амулет принадлежал...

Тварь сильнее придавила мне горло, и я замолчал. Но при этом она остановилась и выжидающе уставилась на Ирбрана.

Доктор подошёл и сочувственно посмотрел мне в глаза.

– Да ты совсем простак, мальчик. Вот теперь у меня даже нет выбора. На стол его, девочка!

Полупридушенного, меня забросили на стол – и доктор быстрыми движениями затянул на руках и ногах кожаные петли. Те были жёсткие и заскорузлые, словно не раз намокали. И не в воде.

Тварь что-то прорычала.

– Ну хорошо, раздень его, – добродушно сказал доктор. – Всё равно одежда запачкается...

Он отошёл к своим лабораторным шкафам, а тварь запрыгнула на стол. Заглянула в лицо своими человеческими глазами.

Как она собирается меня раздеть? У меня руки и ноги привязаны к столу!

Тварь протянула лапу и острым когтём вспорола скруток, от воротника и по рукаву, к обшлагоу.

– Она предпочитает, когда пациенты голые, – сказал Ирбран. – Любопытство, полагаю. С одной стороны, нам это не очень важно, я пока не собираюсь тебя оперировать, но брызги крови неизбежно будут, и тошнить тебя тоже станет, а ещё ты непременно обделаешься.

Он вернулся, неся в руках банку из толстого стекла. В банке извивалась лиана.

– Ты, наверное, видел её ночью, – сказал Ирбран. – Это прелюбопытное создание! Во влажных землях юга есть целые леса, захваченные Жохар-До-Лакши, «древом ночи». Это паразитическая лиана, которая выработала уникальный механизм своей защиты и размножения. Сама лиана растёт на деревьях, высасывая из них соки и, со временем, полностью замещая древесину. А вот её отростки впиваются в животных и людей, имевших неосторожность приблизиться. Укол лианы крайне болезненный и лишает живые существа воли. Они приближаются к оплётённому лианой стволу и застывают, будто зачарованные. Тем временем лиана прорастает сквозь тело и поражает мозг. Большая часть животных и людей погибают и служат лиане удобрением. Но меньшая часть выживает, юный маг! Они становятся рабами лианы. Стебель их отпускает, но они не уходят далеко, незримая нить держит их на расстоянии десяти минут ходьбы. Они бродят вокруг дерева-хозяина, ловят для него добычу, удобряют своими испражнениями, приносят воду в жаркие дни, укрывают от солнца – лиана не любит свет. Если дереву ночи грозит беда, рабы бьются за него насмерть. Те немногие, кого удалось оттащить от дерева достаточно далеко, разрывали связь и приходили в себя. Они описывали своё рабское состояние как неслыханный экстаз, как чувство всепоглощающей любви и полноту бытия... Многие вновь возвращались к Жохар-До-Лакши, не в силах жить обычной жизнью.

Доктор поднёс банку к моему лицу, позволив полюбоваться зелёным червём. Тот, словно почуяв добычу, начал дёргаться во все стороны. Чешуйчатый уродец тем временем обстригал с меня одежду. Когда он принялся за брюки, я вдруг ощутил стыд. Нелепость, но факт! То, что мерзавец Ирбран называл тварь «девочкой», меня смутило.

– Я исследовал древо ночи и обнаружил, что если вводить отросток лианы прямо в сонную артерию, он легко проникает к мозгу и редко приводит к смерти. Но самое удивительное, мой друг, происходит, когда после этого раб видит не дерево, а человека! Всё его естество охватывает любовь и желание подчиняться. Замечательно, правда?

Доктор наклонился надо мной и хихикнул. Доверительно прошептал в самое ухо:

– Я знаю, что того же можно добиться магией. И, кстати, я ею владею. Но куда полезнее не тратить время попусту.

Он потрепал меня по щеке.

– Сейчас тебе станет очень больно. Но через час, когда я смою с тебя кровь и дерьмо, ты будешь обожать меня всей душой! И отправишься за амулетом с искренним желанием угодить. Возможно, я даже верну тебе способность к магии...

Поставив банку рядом, Ирбран вернулся к своим стеллажам. Достал и начал натягивать на руки длинные, по локоть, кольчужные перчатки. А я, совершенно голый, извивался на столе, под внимательным взглядом чешуйчатой твари.

– Я не хочу здесь быть! – закричал я. – Всё что угодно! Пусть это кончится!

– Увы, увy, – сказал доктор, приближаясь и поправляя перчатки. – Это не сон, ты не проснёшься. Кстати, знаешь, почему тебе дали фальшивую лицензию? Да потому что никто в здравом уме со мной связываться не станет. У меня есть определённая репутация и очень хорошие связи, юноша...

Он стал раскручивать притёртую пробку. Лиана выпрямилась, будто атакующая сколопендра.

– Забирай меня! – крикнул я.

И вот тут доктор насторожился. Его взгляд забегал по моему телу – и замер чуть выше пупка. Там, где Мира тонким пером начертила следящую руну.

– Ах ты гадёныш! – крикнул доктор. Протянул руку, схватил откуда-то длинный тонкий скальпель. Он явно собирался срезать с меня руну вместе с кожей.

Но в этот миг Мира наконец-то метнула в меня руну Пути.

Мир исчез – и появился снова.

Я покатился по дощатой площадке, покрытой несвежими опилками, стукнулся головой, вскрикнул от боли. Присел.

С одной стороны, более нелепое место для переноса трудно было бы придумать. Я оказался на арене цирка-шапито.

Голый.

С антимагическим браслетом на запястье.

С болтающимися на руках и ногах петлями. Стол, к счастью, за мной не последовал.

Зато последовала чешуйчатая тварь. Она стояла в паре шагов, опустившись на четвереньки, покачиваясь и шипя.

Не на меня, кстати. А на выползающий из перевернутой банки обрывок кровожадной лианы.

Из плюсов было только то, что сегодня в цирке выходной. Ни одного зрителя на трибунах, ни одного сраного клоуна или тупого силача на арене.

Впрочем, какой в этом плюс, когда я один-одинёшенек, без магии, а рядом мелкий, но неубиваемый монстр и зелёная пакость, превращающая людей в безвольных рабов!

Боги живые и мёртвые, Тёмный Властелин, мамочка с папочкой – чем я заслужил такую судьбу?

Умереть голым на арене цирка!

Я же с детства ненавижу клоунов!

Руна одиннадцатая, Исаз

Идея с цирком-шапито принадлежала Мира. Она там когда-то подрабатывала. Не фокусником, конечно, – магам запрещено заниматься цирковыми фокусами, это ведь жульничество. Мира работала на страховке – сидела за кулисами и была готова в любой миг подхватить падающего воздушного гимнаста, придержать гирию, вырвавшуюся из рук силача, обездвигнуть тигра или иного опасного зверя, набросившегося на дрессировщика.

Работа нетрудная, магию приходится применять нечасто, а если даже и приходится, то времени тратишь совсем чуть-чуть.

Но и платили за эту работу скудно, а внимания она требует полного. Такая работа для стариков, которые уже никуда не спешат и хотят зарабатывать небольшие деньги без усилий. Однажды Мира о чём-то задумалась и едва не упустила падение «Блистательной Треси – воздушной гимнастки с зонтиком» (мне кажется, публике больше всего в Треси нравилось то, что из одежды у неё был лишь зонтик, а вовсе не те кульбиты, что она выделяла под куполом). Мира её всё-таки поймала, уже у самой арены. Но Треси была недовольна тем, что её поймали за ногу и она, болтаясь голышом перед зрителями, вызвала громкий хохот – все приняли её падение за отрепетированную шутку. А Мира натерпелась страха больше, чем гимнастка.

Как бы там ни было, из цирка она ушла без скандала, порой даже заглядывала туда поболтать со знакомыми. И точно знала, что сегодня выходной, представлений не будет, а все артисты, положившись на сторожа, отправятся пьянствовать.

Честно говоря, я бы предпочёл, чтобы сейчас на арене были пара силачей, дрессировщик со свирепым тигром и ещё какой-нибудь мастер мечей с острыми клинками.

Я сидел в луче света, падающего через окно в брезентовом куполе цирка. Голый, перепуганный и лишённый магии.

Передо мной застыл, подобный змее или насекомому, побег лианы. Сейчас, вытянувшись и свернувшись на арене спиралью, он походил скорее на кобру.

За ним на четвереньках стояла мелкая тварь в своей броневой чешуе и скалила несоразмерно большую пасть. Нет, не просто скалила, откашливалась, будто что-то застряло у неё в горле. Внезапно она с мучительным стоном выплюнула что-то тёмно-зелёное, извивающееся – и раздавила резкими движениями рук или передних лап. Харкнула кровью. И повела головой, осматриваясь. Прищурилась, глядя на меня.

– Мира! – закричал я, сдвигая ноги. Ещё не хватало, чтобы лиана или тварь вцепились в самое важное место на мужском теле!

Да где же она?

Тварь прыгнула. Я рванулся, покатился по арене, уходя с её пути.

Но тварь целилась не в меня. Двумя ударами когтистых рук она исполосовала побег лианы на мелкие кусочки, хоть в салат клади. Потом растоптала ошмётки, ничуть не беспокоясь, что они в неё вцепятся и выпрямилась.

Встал и я.

Ох, дурацкое ощущение, когда ты в опасности и гольшом! Сразу становится ещё страшнее, будто одежда может защитить от монстра...

– Хорошая девочка, – сказал я. – Умная девочка. Убила тварь. Двух тварей убила. Спасибо. Мы же не враги? Верно? Я могу уйти?

Я сделал шаг назад.

Тварь издала тихий писк. Потом быстрыми шагами подошла ко мне.

И, обхватив лапами, прижалась головой к животу.

Несколько мгновений я в ужасе ждал, что жуткое создание вцепится мне зубами в живот. Или выпустит когти и располосует спину до самых почек.

Но тварь просто стояла. Чешуя оказалась неожиданно тёплой и мягкой.

– Хорошо-хорошо, – сказал я. – Мы не ссоримся, всё хорошо.

Тварь снова пискнула.

– Ты... боишься? – внезапно понял я. – Ты чего-то боишься, да?

Голова твари вжалась мне в живот ещё сильнее. И вроде как кивнула.

Это было так нелепо, что я едва не рассмеялся.

Бронированное чудище немыслимой силы ищет у меня защиты!

– Грис! – раздалось сверху. – Грис, отойди в сторону, я боюсь попасть в тебя!

Мира наконец-то проявилась. Она стояла в проходе на верхних рядах и целилась в нас указательным пальцем.

Тварь зарычала, отскочила, раскинула руки, выпустила когти.

И встала между мной и Мирой. Даже вытянулась как могла выше.

– Стой! – закричал я. – Стой, Мира! Никакой магии! Не трогай её!

– Это же тварь доктора! – крикнула Мира в ответ.

– Да, но... – я помедлил. – Мне кажется, она пытается меня защитить!

– Я ей попытаюсь! – пригрозила Мира. – У меня чистый Турс! Полгода – никакая чешуя не спасёт!

Если Мира действительно собиралась влить в руну удара полгода жизни – чешуя и впрямь не спасёт. Да ничего не спасёт, даже крепостная стена. Создание разлетится в кровавую пыль.

– Мира! Не смей! – крикнул я. И, обмирая от страха, шагнул к чешуйчатому созданию и взял её за плечо. Тварь зарычала, но не обернулась. – А ты успокойся! Она не враг! Не враг! Она беспокоится обо мне!

Тварь повернулась и уставилась на меня своими прозрачными детскими глазёнками. Я непроизвольно прикрыл срам левой ладонью.

– И не рычи! – добавил я. – А то мне самому страшно.

Тварь медленно опустила руки. Покосилась на Миру. На меня. Но не зарычала.

– Она тебя хочет обратно к Ирбрану оттащить! – сказала Мира, всё ещё угрожающе целясь в создание. – Потому и защищала!

– Это так? – спросил я. – Я не пойду к доктору! Лучше потрачу всё своё время и сдохну.

Тварь смотрела на меня изучающе. Потом покачала головой.

– Так ты всё понимаешь, – сказал я. – А говорить не можешь?

После короткой паузы тварь вновь покачала головой.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда... тогда я иду своей дорогой, ты идёшь своей. К доктору возвращаешься или куда там... домой к себе убегаешь? Ты из дикого леса, дикая тварь?

Опять пауза. Потом создание странно дёрнуло плечами. Будто на мой вопрос не было однозначного ответа.

– Ох, рискуешь ты... – Мира медленно спустилась к нам. В руках у неё был тёмный свёрток, она кинула его мне. – Держи.

Это оказался плащ. Длинный чёрный плащ!

– Какая ты молодец! – Я отвернулся от Миры и принялся разворачивать свёрток. – Как ты догадалась...

– Беспокоилась, что ты будешь весь в крови, – сказала Мира. – Увидеть тебя голым, честно говоря, не рассчитывала.

Я торопливо набросил плащ на плечи. А Мира не унималась:

– У нас девчонки как-то пари затеяли – кто первой тебя увидит без штанов. Зря я не участвовала.

– Это другое, – сказал я обиженно. – Это не секс ни разу.

– Какая разница, формулировка была «без штанов». Сразу скажу: ты неплохо выглядишь.

– Дура, – не выдержал я, чувствуя, как краской заливают лицо.

– И это благодарность за полгода жизни, которую я на тебя убила?

Застегнув плащ на груди, я почувствовал себя увереннее.

– Мира, спасибо. Я благодарен. Это время с меня! И... ты очень хорошо всё рассчитала. Полгода? Лучше бы никто не справился!

– У меня было время всё рассчитать, – ответила Мира, поглядывая на неподвижную тварь. – Как только я увидела лицо этого Ирбрана, сразу поняла, что ничем хорошим разговор не закончится. Я тянула, потому что хотела тебя одного вытащить. Но поняла, что не получится.

– Лицо как лицо, – сказал я. – Мне поначалу он даже понравился.

– Я его видела как-то, – Мира сморщилась. – Он разок приходил в Академию. Предлагал выкупить несколько учеников, которых отчислили перед присягой.

– Как выкупить?

– В полное владение. Говорят, несколько семей согласились и продали, деньги Ирбран давал хорошие.

– Вот же сволочь! – воскликнул я.

– Сволочи, – поправила Мира. – А доктор... учёные, все они – бессердечные создания, а уж натурфилософы – мерзее прочих. Всем известно, что на детях лучше всего экспериментировать.

Мы, не сговариваясь, посмотрели на чешуйчатое создание.

– Думаешь, это человеческая девочка? – спросил я, невольно понизив голос.

– Надеюсь, что нет, – ответила Мира, тоже тише, хотя я был уверен, что создание доктора Ирбрана нас слышит. – В южных землях живут племена разумных рептилий, людоящеров. Они мелкие и покрыты чешуей. Вполне подходящее описание, верно?

Тварь переступала с ноги на ногу. Слушала.

– Мы пойдём, – сказал я. – Слышишь? Пока!

Чешуйчатое создание уселось на покрытый опилками манеж. Закрыла глаза. Похоже, она собралась тут остаться.

– Грис, вот только не надо... – умоляюще сказала Мира.

– Ну не могу я так! – воскликнул я. – Да ты представь, что будет, когда цирковые вернутся! Они же на неё накинутся, а она их порвёт!

– Цирковые привыкли с животными иметь дело.

– Мира, ты не представляешь, на что она способна!

– Цирковые – они народ умелый!

– Ну значит её зарежут! Тебе не жалко?

– И что, по улице её вести? – спросила Мира. Я понял, что она сдаётся.

– Тут найдётся ещё один плащ? Небольшой?

– Можно поискать что-то у карликов-жонглёров, – Мира пожала плечами. – У них полно ярких тряпок, они любят заметно одеваться. Есть плащи с капюшонами в разноцветную клетку. Только куда ты собрался её вести?

– В клуб нельзя, – согласился я.

– Нам самим туда нельзя! Доктор либо регуляторов вызовет, либо наймёт бандитов. С деньгами у него проблем нет!

Бандиты, конечно, вот так запросто в клуб не войдут. Не зря мы, входя, оставляли в дверях секунду времени – в защитных заклинаниях эти секунды сложились в годы и десятилетия.

Но регуляторы – это регуляторы.

– У меня есть одна идея, – сказал я. – Только вот ещё проблема... – я помахал рукой с тяжёлым железным браслетом. – Ирбран нацепил на меня. Тут руны, они пьют любую магию, которую я применяю.

– Слышала я про такое, – неожиданно сказала Мира. – Штука хорошая, вот только... пошли.

Вслед за Мирой я забрался в один из вагончиков, соединённых с шатром. Судя по обстановке и запахам, тут обитали цирковые силачи – на полу валялись тяжеленные гири, цепи и прочие атрибуты их профессии. На столе стояла кастрюля с засохшими остатками густой мясной каши, которую силачи едят как ненормальные, чтобы нарастить мышцы, над кашей радостно гудели мухи.

– Где-то тут, – Мира рылась в вещах, бесцеремонно раскидывая грязные тряпки, к которым я бы побрезговал прикоснуться. – У них вечно работа с железом... ага...

Под горой тряпок обнаружился сундучок с инструментами. Мира выбрала из них клещи со здоровенными ручками, пощёлкала с довольным видом.

– Давай руку.

– Мира!

Заглядывающая в дверь фургончика чешуйчатая людоящерка возмущённо рыкнула.

– Да не бойся ты!

Я вытянул руку. Мира приладила клещи к браслету, примерилась. Я закрыл глаза и попросил:

– Если руку разрежешь, то сразу прижги, ладно?

Клещи зловеще щёлкнули и браслет, развалившись, слетел с моей руки.

– Пять минут в силу перекачала, – сказала Мира, пряча клещи в сундук. – А ты прав, даже от меня в браслет время тянуло.

Я пнул браслет, потёр руку. Ни царапины. Я запоздало спросил:

– А если бы там была магическая ловушка? И он бы меня сжёг?

– Да говорю же – знаю я про такие браслеты! – воскликнула Мира. – Не делают на них лишних ловушек. Ну... обычно не делают. Всё уже в порядке!

Тварь доктора Ирбрана недовольно заурчала. Похоже, ей самоуверенность Миры тоже показалась несколько наигранной и рискованной.

Хорошо, что уже вечерело. Мы ушли из цирка вовремя – едва мы покинули ярмарочную площадь, где стоял шатёр шапито, и пошли по улице, с другой стороны на площадь вошла весёлая пьяная толпа артистов. Впереди шли карлики и, горланя какую-то песню, размахивали горящими факелами.

– Хуже нет, когда цирковые напьются, – вздохнула Мира.

Шли мы втроём, чешуйчатое создание послушно шагало между нами. В плаще с надвинутым на голову капюшоном оно выглядело ребёнком, которого ведут домой старшие брат с сестрой. Интересно, что капюшон был опущен до самого рта и плотная материя закрывала твари глаза – но это ей ничуть не мешало.

Нужная канцелярия полиции была недалеко, хоть в этом нам повезло. Мы остановились в квартале от неё, и Мира в последний раз попыталась меня переспорить:

– А если ты уже в розыске? Если Ирбран подал жалобу?

– Если подал, то регуляторам. Полиция – она сама по себе. Она магов не ищет, разве что по особым случаям.

Мира вздохнула. И предложила:

– Давай следящую руну обновлю.

– Не надо, всё хорошо будет, – сказал я с уверенностью, которой не испытывал. И, пожав ей руку, зашагал вперёд. Чешуйчатая тварь попыталась двинуться за мной, но я покачал головой – и она смирилась, осталась с Мирой.

Непохоже было, что волшебницу это сильно порадовало.

...Вот уж не знаю почему, но мостовые вблизи полицейских постов и канцелярий становятся куда грязнее, чем на обычных улицах. Вроде как это дело полиции – не только ловить жуликов и воров, но ещё и следить, чтобы граждане не выкидывали мусор где нельзя, не истязали животных, не наказывали слишком строго жён и детей. Но при этом возле полицейских постов – самые большие кучи, самые побитые собаки и женщины с самыми огромными синяками и шишками. Да и сами полицейские часто такие, что при виде их хочется перейти на другую сторону улицы.

Гвардейцы Тёмного Властелина, напротив, должны заниматься только защитой его чести и достоинства (никто в здравом уме не скажет, что наш повелитель нуждается в том, чтобы охраняли его жизнь). Казалось бы: броди по улицам в нарядной форме и ничего не делай. Но как раз гвардейцы чаще ловили преступников (потому как их существование оскорбляет достоинство Властелина), готовы были утихомирить пьяницу или драчуна, а то и всыпать плетей лентяю, выплеснувшему помой на улице.

Мне порой кажется, что это специально так задумано, чтобы в полицию шли люди обычные, не слишком-то законопослушные и прилежные. Зато в гвардию отбирают тех, кто готов защищать порядок. И горожане сразу видят: где городские власти и полиция – там особой помощи не жди, а где люди Властелина – там всегда защитят.

Так что я шёл, внимательно глядя под ноги, стараясь держаться под горящими фонарями (даже их тут зажгли через раз). У канцелярии чуть задержался, поправляя плащ и причёсывая ладонью волосы. Потом вошёл и оказался в душном маленьком зале, где решёткой был отделён угол для задержанных. Канцелярия оказалась совмещена с обычным постом.

Как оно обычно и бывает, там уже сидели на скамьях несколько бедолаг – угрюмый пьяница с окровавленным лицом, худощавый юноша с длинными нервными пальцами карманника, два господина довольно приличного вида, которые одновременно пытались держаться подальше друг от друга – и от пьяницы с карманником. Небось повздорили в квартале весёлых девочек, загремели в полицию...

– Что тебе? – неприветливо спросил меня полицейский, дядька немолодой и мрачный, в расстёгнутом по причине жары мундире.

– Мне бы в канцелярию, – сказал я.

– Приходи в рабочие часы, – ответил полицейский. Достал из-под заваленного всяким хламом стола кувшинчик с пивом, отхлебнул прямо из него. Поморщился – пиво явно было тёплым.

– Там всегда кто-то есть, – настаивал я. – У канцелярии не бывает нерабочих часов.

– Умный, – скривился полицейский. – Маг, что ли?

– Да.

Полицейский размышлял. Требовать с меня деньги было не за что (да у меня их при себе и не было), но пропустить просто так ему натура не позволяла.

– Тут жарко, – сказал я. – Ваше пиво нагрелось.

Я протянул руку и капнул несколько секунд в руну Исаз.

– Ого, – сказал полицейский, удовлетворённо заглядывая в кувшин. – Постой-ка, а можешь ещё один?

Я охладил и второй кувшинчик.

– По коридору, третья дверь направо, – махнул рукой полицейский с удовольствием отхлёбывая пиво. – Вот же красота, как с ледника...

Дверь в канцелярию оказалась незапертой. Там и впрямь было тихо и пустынно по причине вечернего времени, но среди шкафов и полок возился старый дед в таком же старом ветхом мундире – проглядывал папки, расставлял их по полкам.

– Вечер добрый, здоровья вам, – сказал я.

– И ты не хворай, – ответил дед. Бросил косой взгляд. – Волшебник?

– Да.

– Пацан... – презрительно сказал дед. – Что тебе?

Я опустил глаза. Немного поунижаться иногда полезно.

– Помогите, пожалуйста. Я потерял лицензию. Договор заключил, а лицензию потерял!

В общем-то я ему не врал. Лицензия вместе со всей моей одеждой осталась в лаборатории проклятого доктора Ирбрана.

– Какой-то ты неловкий, – проскрипел дед с явным удовольствием. – Лицензию потерял. Ходишь в рванине, босиком... да я бы по городским говнам без обуви и шага не сделал! Приходи с заказчиком, будем восстанавливать. Порядок такой!

- Да я и адреса его не знаю... - признался я.
- Балбес... - сказал дед с удовольствием. - Вот же балбес...
- Он недавно, три дня назад, лицензию выписывал...
- В нашей канцелярии? Есть ещё южная и верхняя.
- В вашей.
- Как зовут заказчика?
- Господин Сект... Вы только адрес мне скажите, я к нему пойду, попрошу копию лицензии сделать...

Дед хмыкнул.

- Доктор Сект? Да знаю я его, он частенько ходит... Тупик Семи Радостей, шестой дом. Это через канал, минут десять ходьбы. Тебе так и пять. Если в дерьмо не вляпаешься по дороге.

Дед захихикал. Что-то у него явно было связано с дерьмом и ходьбой босиком! Но сейчас я готов был расцеловать старого хрыча.

- Спасибо вам! Спасибо, здоровья, внуков хороших, содержания достойного...
- Иди уж, балбес, - возвратился дед к своим полкам.

Я уже был в дверях, когда он добавил:

- Ты с ним поосторожнее. Помешанный он... Года два как совсем сбрендил. Впрочем, и раньше безумным был, да, безумным...

Похоже, у старого полицейского оказался очень дурной глаз - выходя из здания канцелярии, я вступил в какую-то дрянь и потом с омерзением отмывал её в канаве. Текущая там вода тоже образцом чистоты не являлась.

Если особняк доктора Ирбрана на вид никак не принадлежал учёному натурфилософу, а скорее стоился бы успешному торговцу, то доктор Сект («Так я и знала, что он тоже доктор», - сказала Мира) жил в помещении мрачном даже с виду - два этажа, окна закрыты глухими ставнями, ни одного огонька с улицы не видно. Сам тупик Семи Радостей был коротким, в шесть домов, идущих по одной стороне, с другой тянулась длинная высокая стена заброшенных королевских казарм. Во время боёв за столицу Тёмный Властелин ударил по казармам каким-то очень неприятным заклятием и соваться в них до сих пор не рекомендовалось, особенно в ночное время.

Понятное дело, что такое соседство наложило отпечаток и на ближайшие дома. Все они выглядели мрачными и запущенными, сады вокруг домов стояли с облетевшей листвой, словно уже царила поздняя осень, ставни к вечеру

закрывали торопливо и с грохотом – кроме тех домов, где их, похоже, и не открывали. Дом доктора Секта был одним из таких.

– Не люблю я учёных, – жаловалась Мира, пока мы подходили к дому. – Волшебство – оно честнее. Даёт силу, но забирает жизнь. Знаешь, чем и за что платишь. А учёные, они всё норовят природу обмануть...

Я с Мирой не спорил, но и не поддакивал. Все норовят природу обмануть, это в человеческой натуре.

– Вы ждите у ворот, – сказал я. – Давайте поговорю с ним вначале.

Но вначале мы ждали все вместе. Я несколько раз подёргал за рычаг, в глубине дома гулко и мрачно звякнул колокол, но к нам никто не торопился выйти. Скрытая под плащом чешуйчатая «девочка» явно нервничала, несколько раз тихонько заныла и угомонилась только после моей просьбы молчать. И без этих скулящих звуков было неприятно тут находиться! Может, она чувствует какие-то учёные эманации или запахи?

Только минут через пять открылась дверь в доме и к калитке подошёл слуга. Я ожидал увидеть старика или хотя бы мужчину зрелого возраста, но слугой оказался молодой парень, по виду – так наш с Мирой ровесник. На нём была ливрея, явно надетая второпях и не до конца застёгнутая.

– Доктор Сект сегодня не принимает, – сказал юноша. – Утром приходите.

– Меня доктор Сект примет, – ответил я с уверенностью, которой не испытывал. – Скажите ему, что пришёл волшебник Грисар.

– А, – сказал парень без удивления. – Да, вас велено впустить, если войдёте. О дамочке и ребёнке разговора не было.

– Мы подождём, – согласилась Мира. И даже положила руку на плечо чешуйчатого создания, когда то попыталось двинуться за нами. Монстр от этого касания вздрогнул, словно хотел отстраниться... а потом вдруг прижался к Мире всем телом. Мира с удивлением глянула на скрытую плащом фигурку и неловко погладила по голове.

Юноша, откровенно позёывая, повёл меня к дому, перед этим тщательно заперев ворота.

– Что за садом не ухаживаете? – спросил я.

– А что, садовником хочешь наняться? – без всякого трепета спросил парень. – Тут из старых казарм волшебство доносит, когда ветер северный. Цветы сразу мрут, деревья болеют. Давно бы пора всё спилить... Только они стонут, когда их пилишь. Так стонут, что кровь в жилах стынет.

Меня оставили ждать в приёмной зале, освещённой только тремя свечами в подсвечнике. Лакей даже его порывался унести, но поймал мой возмущённый взгляд и двинулся в глубины дома в полутьме, что-то недовольно бормоча про магию и лентяев.

Ну да. Свет вызвать нетрудно. Но я и так за прошедшие сутки поистратился!

Доктор Сект явился минуты через две. В том же самом костюме и очках, что днём. С добытым мной лабораторным журналом. Журнал был закрыт и заложен листом бумаги на каком-то интересном доктору месте.

– Вы меня обманули, доктор Сект, – сказал я сразу, даже не вставая. Людей нервирует, когда с ними говорят сидя, а они стоят.

Доктор мигнул. Потом с достоинством ответил:

– Я выдал вам годную лицензию, где всё было указано чётко и правильно.

– А потом показали совсем другой дом! На улице со сходным названием.

– Но разве я при этом сказал, что именно этот дом надо ограбить? – спросил Сект.

Я задумался. Признал:

– Нет. Но это как бы подразумевалось.

– Ваша ошибка, – равнодушно сказал Сект.

– Если меня поймут, то и журнал у вас заберут! – заметил я.

– Пускай. Всё, что мне нужно, я уже прочитал, – равнодушно сказал доктор.

– Пустая трата времени, Ирбран сам не знал, почему у него получилось. Хотите, отдам?

– Мне нужна помощь, – сказал я. – Помощь и защита. За мной погоня. Я чуть не попал на вивисекцию к вашему... коллеге.

По лицу Секта прошла гримаса.

– Он мне не кол... – Сект замолчал. Потом вздохнул: – Я не такой, как он.

– Как по мне – мало чем отличаетесь, – ответил я. – Всем вам, учёным, плевать на людей.

– Вам нужны деньги? – спросил Сект неожиданно.

Неужели совесть проснулась?

– Мне нужно убежище!

Сект вздохнул и неожиданно сел на соседний стул. Снял очки. Протёр.

– Юноша. Я допускаю, что в наших отношениях был элемент... недоговорённости. Я хочу предложить вам новый контракт.

– И какой? – настороженно спросил я.

– Обещаю вам всю помощь и защиту, которую смогу дать. Но вы должны будете мне помочь. В особняке моего... в особняке доктора Ирбрана есть существо... Вы говорили, что встретили там монстра?

– Чешуйчатый монстр ростом с ребёнка, – осторожно сказал я. – Был такой. Жутковатое создание.

– Доставьте его сюда! – сказал Сект с напором. – Но только живым и невредимым! Если вы это сможете, – я сделаю для вас всё! Всё, что угодно!

– Напишите это на бумаге, заверьте своей подписью и печатью, – сказал я. – Я запечатлею ваше обещание руной.

– И вы попыгаете выполнить задание? – заинтересовался Сект.

– Пишите, доктор, – сказал я. – Пишите. И велите вашему слуге принести мне горячего чая, пока будете писать.

Руна первая, Феху

Больше всех был недоволен сегодняшними событиями слуга Секта, юноша по имени Вендж. Он, как я понял, привык ложиться рано и наше позднее вторжение воспринял как личную обиду. После ему снова пришлось идти к воротам, вести в дом Миру и чешуйчатую тварь, а потом выслушивать от ошарашенного доктора Секта распоряжение приготовить нам с Мирой комнаты и ужин – и это уж совсем не доставило ему удовольствия.

– Прислуга придёт только завтра утром, – сообщил парень, открывая нам гостевые комнаты, одновременно и пыльные и сырые. Себя он к «прислуге», видимо, не относил. – Могу подмести, но тогда не уснёте, всё в воздух поднимется.

Обстановка в комнатах была старомодная, мебель массивной, с гнутыми ножками и покрытыми резьбой дверцами, кровать высокая, с пятью или шестью тюфяками, когда-то мягкими, но давно слежавшимися.

– Мы тут нечасто гостей принимаем, – уточнил парень, открывая окно и впуская в комнату немного свежего воздуха.

– Оно и видно, – согласилась Мира. – Комнаты одинаковые?

– Во второй гобелены коричневые.

Мира провела пальцем по стене, смахивая пыль. Под её рукой серый гобелен, изображавший плавающие по реке лодочки и кораблики, обрёл голубизну.

– Хорошо, я во вторую пойду, – сказала Мира.

– Ванная комната, – Вендж ткнул пальцем в неприметную дверь. – Персональная у каждого.

– Горячая вода есть? – важно спросил я.

– Котёл по выходным топим, – фыркнул лакей. – Да вам что? Вы же маги. Набрали воды да и нагрели. Полминуты в Кано – жалко, что ли?

Руны, конечно, не секрет. Детей им учат, чтобы определить, есть ли в ребёнке умение к магии. Но парень говорил очень уж уверенно, и цену определил правильно.

– Я в Мастерской магии учился, – пояснил Вендж, увидев мой взгляд. – Ушёл. Сложные руны учу плохо, в уме их представляю с трудом, время вливаю неаккуратно.

Мастерская магии – одно из соперничающих с Академией учебных заведений. Ну или как посмотреть. С их точки зрения – Академия с Мастерской соперничает. В Тёмной Империи есть ещё Школа магии, но она считается попроще. В других странах есть свои заведения для обучения волшебников, некоторые славятся, некоторые нет. В Северном Царстве, которое от Империи откололось, есть город-крепость Рунное Древо, оно считается самым древним и знаменитым, но говорят, что туда молодёжь не берут. Туда приходят умудрённые опытом и сединой волшебники, чтобы остаток жизни потратить в познании рунных тайн...

Я заглянул в ванную комнату, зажёл магический свет. Там было ещё сырее, но имелась и чугунная ванна, и фарфоровый унитаз, и умывальник с зеркалом. Кран на трубе совсем прикипел, но я его отвернул – и полилась бурая, плохо пахнущая вода.

– Пусть сбежит немного, застоялась, – посоветовал Вендж и повёл Миру в комнату напротив.

Конечно же, я не стал ждать у ванны, глядя на коричневую струйку воды. Я активировал руну ветра (это сочетание Соулу и Лагуз) и, завернув её воронкой, прошёл по комнате, собирая пыль и отправляя в окно. Это стоило мне минуты, но зато спать я смогу в чистой комнате.

...Сект, что уж скрывать, был поражён, когда Мира подвела к нему создание доктора Ирбрана. Чешуйчатая «девочка» послушно сняла капюшон – Сект вытаращился на неё, снял и протёр очки, уставился на меня, потом на монстра. Спросил:

– Безопасно?

– Кажется, да. – Я рассказал ему всё, что произошло после моего визита к Ирбрану. Не скрывая и того, что пришёл виниться и сдал самого Секта с потрохами.

Сейчас чешуйчатая тварь сидела в клетке в лаборатории самого Секта (скажу честно – выглядела та не менее пугающе, чем у его коллеги). Впрочем, я

велел «девочке» зайти туда, лишь когда Сект клятвенно пообещал, что не собирается ничего с ней делать, а просто не хотел бы оставаться со столь пугающим созданием наедине. Все объяснения Сект пообещал дать через час, за ужином, предложив нам пока привести себя в порядок.

Мы с Мирой согласились. Я не считаю, что внешность для мужчины столь уж важна, но после лаборатории Ирбрана чувствовал себя грязным. И не только физически. Так себя чувствуют, наверное, те, над кем надругались или, как минимум, долго глумились...

Когда я привёл комнату в порядок и вернулся в ванную, из крана текла уже чистая вода. Я заткнул сток тяжёлой деревянной пробкой, которую не мешало бы помыть, набрал воду, скинул единственное, что прикрывало мою наготу – плащ, и забрался в воду. На краю ванны лежал кусок иссохшегося мыла, когда-то пахнувший цветами, а сейчас лишь щёлочью. Вода и впрямь была холодной, так что я истратил полминуты и нагрел её, после чего уселся и принялся намыливаться. Обнаружил, что потраченный на перенос год оставил ещё один явный след – на груди стали расти волосы.

Ну, невелика беда. Усы заметнее. Надо, кстати, решить – брить их или оставить. Обычный парень моих лет точно бы оставил. Но маги стараются казаться моложе.

В дверь ванной комнаты постучали, и голос Венджа произнёс:

– Я оставляю чистую одежду на кровати, волшебник Грисар.

– Спасибо, – пробормотал я.

Особого пиетета парень, похоже, не испытывал. Может, оттого, что и сам когда-то учился на мага, а может, потому, что считал себя не просто лакеем, а помощником Секта.

– Тварь-то та не опасна? – спросил через дверь Вендж.

– Нет. Не знаю. А что?

Вендж чуть приоткрыл дверь и, старательно не глядя в мою сторону, пояснил:

– Да жутковатая она. Вроде мелкая, как дитё, а задела меня плечом – чуть не упал. Весит, будто взрослый человек. А ещё эта чешуя. И глаза жуткие.

– Глаза у неё как раз человеческие.

– Оттого и жуть! – сказал Вендж.

– А скажи, ты давно прислу... помогаешь доктору Секту?

– Я три года как его доверенный помощник.

– Не случилось ли доктору Секту два года назад потерять близкого человека? Ребёнка? Дочку или внуку?

Вендж искренне засмеялся.

– Ты что? Решил, что доктор Ирбран украл родного ребёнка у доктора Секта? И своим мастерством преобразил в монстра?

– Была такая версия, – сознался я.

– Ошибочная, – сообщил Вендж. – Могу зайти?

– Да заходи, мне-то что, – сказал я.

Венджу явно хотелось посплетничать. Он подошёл к ванне и заговорщицким шёпотом пояснил:

– Лет десять назад Тёмный Властелин объявил натурфилософам конкурс на создание изменённых – бойцов, превосходящих обычных людей силой, ловкостью и живучестью. Дело сложное, сам понимаешь, но и награда обещана высокая. Сект был близок к созданию изменённых, но Ирбран украл его секрет.

– Ирбран уверял, что не знает Секта, – вспомнил я.

Вендж пожал плечами.

– Врёт. Так вот, Ирбран украл открытия Секта и создал эту чешуйчатую тварь. Вот только вышло это у него один раз.

– А что же Сект ничего не создал? Если это его открытие?

Вендж замаялся. Похоже, ответить ему было нечего.

– Может, Ирбран какой-то важный ингредиент похитил?

– Понятно, – сказал я, хотя как с моей стороны – так всё ещё более запутывалось. Причём начиная с конкурса Тёмного Властелина. Никогда не слышал, чтобы величайший волшебник мира интересовался натурфилософией и чего-то там заказывал учёным. Да и мерзавец Ирбран, когда я назвал имя Секта, выглядел искренне удивлённым. – Спасибо, что прояснил ситуацию.

– Если что – спрашивай, – кивнул Вендж. – Слушай... а эта, волшебница... сколько ей лет-то? Настоящих?

– Не знаю.

– Не твоя подружка?

– Друг, – уточнил я.

– Ага. Ну, если вдруг она заскучает и меня позовёт... – Вендж ухмыльнулся. – Ты же в обиде не будешь?

– Сама разберётся, – уклончиво ответил я. Не походил Вендж на парня, который бы Мире понравился. Может он и не дурак, и даже немного в магии понимает, но слишком уж самонадеянный и самодовольный.

– Ясно. – Вендж напыжился так, будто уже получил от Миры все возможные знаки любви и внимания. – Ну пойду я, мне ещё ужин подавать. Мы гостей-то не звали, доктор Сект один живёт...

– Точно у него не было внуки? – всё-таки спросил я.

– Он и женат не был, – сказал Вендж и тут же изрёк такую пафосную глупость, что услышь его Мира – захохотала бы в голос. – Для настоящего учёного семья – это наука, а любовь – это знания!

– А потом учёные ходят по публичным девкам, делают глупости и получают дурные болезни... – тихо сказал я, когда Вендж вышел.

Когда мы с Мирой вошли в столовую залу, Сект уже сидел во главе стола, а Вендж расставлял последние блюда. Было их, впрочем, немного – два сорта холодного варёного мяса, хлеб, овощи, бутылка вина. Одежда, которую мне принёс Вендж, оказалась впору и не одеждой слуги, как я опасался, а костюмом благородного господина. Старомодным – возможно, его носил сам Сект в юности. Но чем хороши костюмы богачей – они особо не меняются. То две пуговицы на камзоле в моде, то три, то четыре, а всё остальное неизменно. Мира осталась в своём.

– Гостей не ждал, – сказал Сект. – Готовить не умею, а стряпня Венджа годится только монстрам. Но вино должно быть хорошим.

Он подумал и уточнил:

– Сам я, впрочем, не пью.

Мира налила себе вина. Мне и Секту Вендж налил воды из кувшина. Надеюсь, это была не та вода, что текла из труб.

– Ты свободен, – бросил Сект слуге. – Утром как обычно.

Как ни странно, но Вендж ничуть не огорчился, что его отсылают. Поклонился доктору, почти дружески кивнул мне – и ушёл.

– Я готов обрисовать вам сложившуюся ситуацию, – сказал Сект, протирая очки. – Вы можете продолжать ужин.

С нашей стороны возражений не последовало. Сект посмотрел вслед Венджу и вздохнул:

– Небесталанный юноша. Но совмещает искреннее самодовольство с ленивым любопытством. Непозволительно для натурфилософа... Итак. Вы хотите знать, что за тварь привели в мой дом?

– Хотелось бы, – сказал я. – Тропический людоящер?

– Не совсем. Людоящеры ещё меньше, чешуя их не столь прочна и они немногим умнее животных. Копья и силки – вот вершина их эволюции. Они

живут стаями, не строят настоящих домов и речь их крайне скудна. Но в них есть потенциал, который можно использовать при скрещивании с человеком.

– Тьфу! – воскликнула Мира. – Какая гадость!

– Я веду речь не о плотской любви, – сказал Сект. – Искусство натурфилософии, подкреплённое толикой магии, позволяет соединить воедино различные существа, сплавлять плоть и соединять разум. Так когда-то были выведены грифоны, мантикоры, русалки, кентавры. Но уже столетия, как благородное искусство создания гибридов безвозвратно утеряно, а немногие выжившие твари слишком ценны для использования.

– Благородное, – фыркнула Мира, нарезая на тарелке мясо. – На столе не гибриды, надеюсь?

– Есть их было бы слишком расточительно и опасно, – ответил Сект. С юмором у него всё было сложно. – Так вот, наш повелитель восемь... нет, уже девять лет назад собрал натурфилософов и предложил возродить гибридов. Создать новое существо – с разумом человека, послушанием собаки и силой медведя. – Сект презрительно усмехнулся: – Самые глупые принялись помещать человеческий мозг в медвежье тело и пришивать к нему собачьи железы. Но медведь для натурфилософии не пригоден, ни с чем не уживается. Я же сразу обратил внимание на людоящеров. Они слабы и глупы, но их тела – прекрасная основа для экспериментов. Всё шло хорошо, некоторые особи показывали любопытные результаты. – Сект помолчал. – Я даже отослал результаты экспериментов в канцелярию Властелина и получил одобрение. А потом... три года назад моя лаборатория была разграблена, все результаты экспериментов исчезли. Среди бела дня! Я отлучился из дома на несколько часов, в доме была охрана, все двери были заперты и руны активированы. Но когда я вернулся, то всё надо было начинать с самого начала. Даже вольер с людоящерами, привезёнными для экспериментов, был пуст.

– А охрана? – заинтересовалась Мира.

– Жива. Все клялись, что не слышали ни звука и не видели ни тени.

– Магия, – сказал я с уважением. – И судя по объёму работы, кто-то нанял целую группу магов. Один бы надорвался, обчищая лабораторию через руну переноса.

– Собственно говоря, вот и всё. – Сект крутил в руках бокал с водой. – Я был в отчаянии. Если бы не Вендж с его наивной верой в мой гений – мог бы и покончить с собой. Все эти годы я пытался повторить свои наработки, но многое забылось, да и времени катастрофически не хватало. И тут я узнал, что доктор Ирбран, этот заносчивый мерзавец, два года назад создал чешуйчатого монстра, явно на основе людоящера. Только ему могло хватить наглости и денег, чтобы обокрасть меня! И, к сожалению, ума – чтобы воспользоваться наработками.

– Можете это доказать? – заинтересовался я.

– Нет, – Сект нахмурился. – Я уверен, что он виноват. Его лабораторный журнал однозначно свидетельствует, что Ирбран сменил направление

экспериментов как раз после того, как меня обокрали. Но он не дурак и нигде этого прямо не говорит.

– Гадость эта ваша наука, – сказала Мира.

– В познании нет ничего гадкого, – ответил Сект.

– Людей с животными соединять – мерзко!

– Я не соединял, – буркнул Сект. – Потому и не добился успеха, вероятно. Я пытался развить природный разум людоящеров и придать им больше силы и послушания. С силой и послушанием получалось, с умом – ничего. А вот Ирбран – да. Он добавил к монстру человеческую часть. Это существо – гибрид человеческого ребёнка, людоящера и, возможно, какого-то насекомого. Полагаю, что...

– Тьфу! Бе!.. – воскликнула Мира, отодвигая тарелку. – Вот даже не хочу знать, какого! Вы мне аппетит испортили!

Сект пожал плечами. Вздыхнул:

– Может, и не насекомое. Может, броненосец или чешуйчатая пума. К сожалению, я пока не могу найти выход из сложившейся ситуации. Вас я подставил, юноша, каюсь. Вы совершили ограбление без лицензии. Доказать, что Ирбран – вор, я пока не могу. Человек я не бедный, но Ирбран богаче, а его успехи сделали его вхожим в канцелярию Тёмного Властелина.

– Вы подписали мне бумагу! – напомнил я. – Обещали помощь!

– Да, да, – Сект кивнул. – Я не отказываюсь. Вы в безопасности в моём доме. Завтра я свяжусь с теми немногими знакомыми, кто вхож в высшие сферы. И буду требовать аудиенции у повелителя.

– А если откажут? – спросил я.

– Тогда я сделаю признание. Сообщу, что обманул вас, юноша, и выдвину обвинения в адрес Ирбрана. Будет большой скандал! Репутация его будет безнадежно испорчена, а Тёмному Властелину придётся так или иначе вмешаться. Он не любит скандалов!

Доктор Сект воинственно блеснул очками.

Мы с Мирой переглянулись.

Не такой уж я наивный, чтобы поверить, что натурфилософ Сект внезапно раскается и решит пострадать из-за меня. Не бывает такого с господами учёными.

А вот злость на Ирбрана и уверенность в его вине и впрямь могут заставить Секта поднять шум. Мы с Мирой – птицы невысокого полёта, в начавшейся перебранке на нас и внимания не обратят.

– Очень разумный план, доктор Сект, – одобрил я. – Нельзя оставлять такие вещи безнаказанными. Что станет с наукой, если учёные примутся воровать друг у друга идеи?

– А вы умны для своего возраста, юноша, – благосклонно кивнул мне Сект. – Да, нельзя чистое знание марать обманом и низкой кражей!

Похоже, он ничуть не видел противоречия своих слов и поступков – ведь и сам обманом вынудил меня к краже! А уж о том, что натурфилософы в своих лабораториях творили с животными и людьми, Сект и в принципе не задумывался.

Удивительные вещи наука делает с людьми.

Не могу сказать, что поздний ужин с доктором Сектом меня совсем уж успокоил. Всё-таки я понимал, что по сравнению с Ирбраном мой покровитель слабоват.

Но я вымылся, хорошо поел и даже выпил два глотка вина (оно оказалось сладким и вкусным). Кровать оказалась мягче, чем выглядела. Пыль я из комнаты вымел, в открытое окно задувал свежий прохладный воздух.

Так что уснул я мгновенно.

Мне даже приснился какой-то странный сон, в котором я снова мылся в ванне, но вместо слуги в дверь вошла Мира и тоже стала раздеваться, чтобы вымыться. Я с ней спорил, но как-то вполсилы, и она уже стала расстёгивать платье...

И тут я почувствовал магию. Сразу осознал, что сплю. Мира исчезла, а я раскрыл глаза. В комнате было темно, в доме тихо.

Чем лучше активирована руна, тем труднее это почувствовать. Если ты правильно, соразмерно нужной работе влил в неё время, то всё оно превратится в волшебство и сторит без остатка. Но если дать руне больше времени, чем нужно, то остаточная сырая магия будет ощутима.

Вот сейчас кто-то недалеко от меня потратил лишние пару суток...

Мира?

Я вскочил, стараясь не шуметь, натянул штаны и надел ботинки. Всё было тихо. Выйдя из комнаты, я приложил ухо к двери, ведущей в спальню Миры. Ни звука. Слабый свет из окна не давал возможности ориентироваться, поэтому я зажёл совсем уж крошечный огонёк и пошёл по коридору в сторону лаборатории. Это сейчас самое ценное место в доме.

Магия.

Доктор Сект волшебством не владел.

Значит...

Дверь в лабораторию была приоткрыта, внутри горел свет. Я осторожно заглянул внутрь и похвалил себя за догадливость. Вендж, верный слуга доктора Секта и маг-недоучка, которому было так неинтересно всё связанное с монстром, стоял перед клеткой и смотрел на чешуйчатую тварь. Та замерла напротив, слегка раскачиваясь вправо-влево и раскинув руки. Готовилась драться? Или обнимать Венджа? У ног твари стояла миска с водой и миска с чем-то, похожим на остатки ужина. Я смутился, сообразив, что вчера совершенно не озаботился кормлением несчастного монстра.

Вендж протянул к клетке руку, и я ощутил руну Турс – времени опять было потрачено больше, чем нужно, но эффект последовал незамедлительно. Прутья клетки – толстые, укрепленные рунами, разошлись, образуя дыру, сквозь которую вполне мог протиснуться человек, не то что мелкий монстр.

Чешуйчатая «девочка» сразу же рванулась вперед, и Вендж хладнокровно впечатал в неё руну Феху, да ещё с какими-то хитрыми расширениями. Феху – руна имущества и скота. А ещё она руна плодородия и любви – ну вот так получилось, почему-то обилие имущества сразу вызывает у всех любовь...

Эффект, похоже, был таким же, как от мерзкой тропической лианы – любовь и желание повиноваться. Мелкий монстр остановился, будто уткнулся в стену. Вендж рассмеялся, но как-то натужно. И я понял, что он никак не может закрепить руну: «девочка» сопротивляется, и руна всё пьёт и пьёт из Венджа время.

– Остановись! – закричал я и для начала ярко осветил лабораторию. Полупустые шкафы, пыльный операционный стол, пробирки и реторты с засохшими жидкостями – давно уже доктор Сект, погруженный в свои обиды и печали, не скрещивал людоящеров с другими существами.

Вендж повернулся и без колебаний ударил в меня Турсом.

Но я этого ждал. И ударил Турсом навстречу – вот только не так сильно, как Вендж, не преодолевая магию, а сбивая её в сторону.

Дом содрогнулся. Стену справа от меня размолотило в кирпичную пыль, брызнула деревянная щепка от мебели.

Вендж рассвирепел.

Всё, что он нам мимолётно рассказал – про плохую память на руны и неумение строить их мысленно, оказалось ложью. С интервалом в мгновение он метнул в меня ещё один Турс – острым невидимым клинком, обрушил десятком ледяных клыков Хагалаз и попытался испепелить, используя Кано.

Верно было лишь то, что Вендж плохо рассчитывал силу. Короткая схватка, где я отразил каждый удар, истратив от силы неделю жизни на одну и ту же руну ветряного щита, забрала у Венджа не меньше года! Он совсем не экономил время! Лицо его ещё оставалось молодым, но что-то в нём поменялось, затвердело, стало совсем взрослым и жёстким.

– Оставь её, Вендж! – крикнул я.

– Что ж тебе не спалось, сопляк? – зло ответил Вендж. И развёл руки, формируя какую-то руну... чудовищную тройную руну, где был смешан воедино огонь, лёд и ветер. А потом стал вливать в неё время – и лицо его совсем потеряло юношескую мягкость, ожесточилось, в уголках глаз появились морщины, веки набухли...

Он сколько лет вливает в заклинание?

Я с ужасом понял, что отбивая такую сложную руну, буду вынужден и сам потратить десяток лет.

Наверное, на моём лице что-то отразилось, потому что Вендж засмеялся и стал сводить руки. Руна была уже так накачана временем его жизни, что стала светиться в воздухе.

И в этот миг чешуйчатое создание запрыгнуло на Венджа сзади, обхватило тонкими длинными руками и одним рывком свернуло голову назад. Мерзко хрустнули позвонки. Руна замерцала и исчезла, руки волшебника опали, а ноги подкосились.

Тварь зарычала, продолжая висеть на оседающем теле. Рванула горло Венджа зубами – небрежно, будто проверяя, жив ли тот. Потом выпрямилась и пошла ко мне – мелкое и жуткое подобие человеческого ребёнка...

Остановилась в полушаге, глядя в лицо.

Потом открыла окровавленный рот.

– Сеннера... Меня зовут Сеннера, маг.

Голос её не был совсем уж детским. И противным шипящим змеиным голосом тоже не был. Обычный голос юной девушки – как он из такой пасти-то раздаётся!

– А меня Грисар, – глупо ответил я.

– Знаю, – сказал монстр.

Руна двадцатая, Манназ

Доктор Сект на ночь облачался в пижаму. Я от него такой модной молодёжной причуды не ожидал.

Впрочем, даже пижама у Секта была строгая, словно деловой костюм. И лицо оставалось столь же невозмутимым, словно мы встретились за накрытым к завтраку столом, а не посреди ночи в разгромленной лаборатории. Я сидел

на короточках рядом с телом Венджа и обшаривал его карманы, Сеннера стояла возле клетки. Назвав своё имя, она вновь погрузилась в молчание, но я уже как-то привык к её поведению.

– Кто этот человек и зачем вы его убили? – спросил Сект.

– Посмотрите внимательнее, доктор, – посоветовал я.

Сект нахмурился. Вгляделся в лицо Венджа. Осмотрел разрушения, особо сосредоточившись на гнутых прутьях клетки. Спросил:

– Он применил сильную магию?

– Вендж тут годами швырялся направо-налево, – пояснил я. – С Академии не припомню, чтобы кто-то так нелепо тратил свою жизнь. Либо он бы меня прикончил, либо я превратился бы в старика, защищаясь. Хорошо, Сеннера помогла.

– Кто?

– Сеннера, – я взглядом указал на монстра. – Она заговорила. Назвала своё имя.

– И?

– И всё. Снова молчит. Ваш слуга пытался её похитить...

Сект бесстрастно смотрел на Венджа. Даже на подошедшую Миру внимания не обращал. Мира тоже ничего спрашивать не стала, лишь нахмурилась и подошла ближе.

Сект сказал:

– Как я уже упоминал, после ограбления меня охватила смертная хандра. Слуг я частью уволил, а некоторые разбежались. Из дома я практически не выходил, работать перестал. Когда Вендж пришёл наниматься ко мне, я лишь махнул рукой, что он воспринял как одобрение. Но через какое-то время его послушание и оптимизм заставили меня бороться и продолжать исследования. Очень неприятно понимать, что Вендж был засланным агентом, а я этого не разгадал.

Он отвернулся от тела, и Вендж будто перестал для него существовать. Зато Сеннера теперь вызывала ещё больший интерес.

– Ты можешь говорить? – наклонившись, спросил Сект.

Существо молчало.

– Какова твоя человеческая составляющая? Сколько тебе было лет? Ты что-то помнишь о себе?

Никакого ответа.

– Она говорила! – сказал я.

– Верю, – ответил Сekt. – Можешь ли ты широко открыть рот, Сеннера?

Существо медленно распахнуло... нет, всё-таки это лучше назвать пастью, а не ртом. Зубы были острыми и треугольными, как у хищных морских рыб.

– Посвети мне, юноша, – потребовал Сekt.

Я зажёл на ладони волшебный огонёк и поднёс к Сеннере. Та не шевелилась, лишь глаза следили за светом.

– Да, – сказал Сekt. – Язык всё-таки есть, и он человеческий, но находится глубоко в горле. Очевидно, связки тоже сохранились. Тела совмещены крайне любопытно... жестоко, но эффективно...

Он вздохнул и выпрямился. Похлопал Сеннере по плечу. Возможно, это даже было проявлением сострадания с его стороны.

– Почему она такая тяжёлая? – спросил я. – На вид ребёнок, а весит как взрослый мужик.

– Потому что все три её тела совмещены в одном объёме, – сказал Сekt. – Человеческое, людоящерное и... – он задумался. – Нет, это всё-таки не насекомое. Что-то тропическое, бронированное и сильное. Не ящерица, теплокровное. Любопытно. Видимо, и впрямь – бронированный кот.

– Как можно совместить в одном маленьком теле трёх существ? – спросил я.

– Магическая натурфилософия, – сказал Сekt. – Не натурфилософия в чистом виде, и не магия тоже. Соединение одного и другого. Я шёл этим же путём, но мне не везло, руны отторгались. А Ирбрану улыбнулась удача. Полагаю, он случайно использовал в эксперименте девочку с магической силой! Я знал, знал, что он шарлатан и никудышный учёный!

Последние слова Сekt произнёс с неожиданным энтузиазмом.

– Вот почему этот негодяй до сих пор не производит монстров толпами! У него получилось, но он даже не понял, почему! Ирбран не смог повторить эксперимент, жалкий ничтожный шарлатан, он не разобрался в причине своего успеха...

Он начал ходить по лаборатории, уже не обращая ни на кого внимания и бормоча:

– Возможно, это не планировалось... реакция перепуганного ребёнка... если бы провести анатомирование...

Сеннера издала тихий рык.

– Ах, оставь! – воскликнул Сekt. – Я не собираюсь тебя резать, результаты непредсказуемы. И в любом случае я бы тебя вначале умертвил или полностью обезболит. Я не злодей!

Мира посмотрела на меня и покрутила пальцем у виска. Мне осталось только кивнуть. Эти учёные – они сами немного монстры.

– Что вы будете делать, доктор? – спросил я.

– Всё то же самое, что и планировал, – ответил Сekt. – Жалко, очень жалко, что Вендж оказался предателем, придётся искать другого слугу...

Он вдруг приободрился:

– А вы не хотели бы занять его место, волшебник?

Я покачал головой.

– Может быть, вы? – Сekt наконец-то соизволил заметить Миру. – Обещаю, что не буду домогаться вас и требовать плотских утех! Я выше этого.

– Нет-нет, – быстро ответила Мира. – Спасибо за предложение. Но я очень слаба в науках. И ещё боюсь вида крови. И всяких тварей, у которых больше чем пара ног.

– Например, кошек? – уточнил Сekt. – У них две пары ног.

– Нет! Когда больше чем две пары.

– Ясно. Насекомых и пауков, – Сekt кивнул. – Нередкая ситуация для женщины. Очень жаль...

Где-то в глубинах дома часы гулко пробили четыре раза.

– Полагаю, нам надо отправиться спать, – решил Сekt. – День предстоит очень насыщенный.

– Спать? – я посмотрел на мёртвого слугу, на проломленную в сад стену. – Спокойно спать?

– Сеннера, не будете ли вы так любезны... – начал Сekt. – Ваша потребность в сне представляется мне крайне незначительной, а боевая мощь – огромной. Вы могли бы покараулить дом, пока мы спим? Если кто-то попыбует войти – растерзайте его.

Сеннера посмотрела на меня. Потом на Секта. И кивнула. После чего опустилась на четвереньки и, подобно сторожевой собаке, удалилась в темноту коридоров.

Мне показалось, что она сделала это нарочно. Из презрения к Секту отпустила на волю свои нечеловеческие инстинкты, а сама укрылась в глубинах разума.

– Вот проблема и улажена, – сказал Сekt.

Вернувшись в свою комнату и забираясь в кровать, я вспомнил, как мать в детстве спрашивала меня – хочу ли я стать магом или натурфилософом. У меня ведь была очень хорошая успеваемость в школе. И я даже размышлял,

балбес! Неужели мог бы стать таким же безумным доктором, как Ирбран или Сект?

Я взмахнул рукой и погасил магический огонёк, сопровождавший меня из лаборатории.

И тут же скрипнула дверь. Я напрягся, привстал в кровати.

– Тихо, Грис, это я!

– Мира?

Я не просто растерялся. Я перепугался. У меня во рту пересохло.

– Грис, не подумай ничего... – Мира нырнула ко мне под одеяло. Прижалась. Она была голая, совсем. Как и я. Пижам у нас не было. – Я не за тем, чтобы... ну... Мне не по себе. Этот жуткий дом, тварь эта ходит по коридорам...

– Она не тварь, – прошептал я заплетающимся языком. – Несчастливая девочка...

– Всё равно, – прошептала Мира в самое ухо. – Несчастливая тварь. Давай вместе положим.

– Давай, – ответил я шёпотом.

– Просто положим, – уточнила Мира. И без всякого перехода спросила: – У тебя были женщины?

– Нет.

– У меня тоже, – ответила Мира. – То есть мужчин не было. Но мы с одной девчонкой целовались, хотели попробовать, как это... Просто баловались. Ничего серьёзного.

Я молчал, осторожно касаясь Миры.

Она была другом. Другом, и всё тут. Я никогда не думал, что у нас с ней что-то случится в постели.

Но сейчас мне безумно хотелось, чтобы у нас было всё и сразу.

– Мира...

– Ты знаешь, как?

– Ну... да... вроде как.

– Я тоже... вроде как...

Мы лежали, едва касаясь друг друга и нас трясло. Обоих. От волнения, страха и желания.

Я повёл рукой вдоль её тела, и, когда ладонь дошла до бедра, меня словно током пронзило.

Миру тоже.

И мы принялись целоваться, обнимаясь, хватая друг друга, ощупывая, уже ничего не стесняясь, с жадным ненасытным любопытством и закипающим восторгом – друг от друга, от того, что мы сейчас делаем и что сделаем в следующее мгновение.

Всё было точно так, как мне рассказывали, и совсем по-другому, и уж тем более не походило на все детские шалости и волнующие сны. Мы несколько минут не могли разобраться друг в друге и в том, как и что собираемся делать, а в голову мне лезли непрошенные мысли о чешуйчатом создании, крадущемся сейчас по коридорам, о мёртвом теле Венджа, который этим вечером утверждал, что будет помогать Миры.

А потом вдруг у нас всё получилось, и все мысли у меня исчезли, осталась только Мира, и я, и наши соединившиеся тела, и краткая, как миг, вечность времени впереди.

Когда я проснулся, было уже светло. И Миры в моей кровати не было. Но я знал, что она была, и всё изменилось, всё стало совершенно другим.

Ну, во-первых, я теперь был мужчиной не только на вид. Во-вторых, мне это очень понравилось. В-третьих, никаких сомнений, что всё кончится хорошо, у меня теперь не оставалось.

Как что-то вообще могло быть плохо после случившегося?

Я заглянул в ванную комнату. Нашёл там большой ковш, набрал холодной воды и пару раз облился, стоя в ванне. Умылся и минуту изучал себя в зеркало.

Надо обзавестись бритвой.

И научиться ею пользоваться.

Одевшись, я спустился вниз. В столовой зале было пусто. Я прошёл в лабораторию – и обнаружил Сеннеру, стоявшую возле разбитой стены и смотрящую в сад. Жутковатый сад, при дневном свете ещё мрачнее, чем ночью. Корявые деревья, ссохшиеся, но живые. Редкие листочки на некоторых ветках. А ещё часть веток подрагивала, хотя ветра не было.

Кошмар, одно слово. Тёмный Властелин порой придумывал такие затейливые руны, что в Академии даже не пробовали их изучать.

Тела на полу не было. Только слабое пятно от крови на тёмном паркете.

– Сеннера... – мне вдруг стало не по себе. – А где труп?

Девочка-монстр искоса глянула на меня, будто обижаясь на что-то. Потом встряхнулась. Протянула руку, взяла меня за ладонь и потянула в сад – через проломленную стену. Она прошла легко, а мне пришлось нагнуться.

Между деревьями – как раз теми, у которых подрагивали ветви, я увидел пятно свежевскопанной земли.

– Ты его похоронила, – понял я с облегчением.

– Думал, съела? – неожиданно спросила она.

– Да, – признался я. – Извини. Здорово, что ты говоришь!

– Я бы могла, – сказала Сеннера задумчиво. – Плохой сад.

– Это магия.

– Знаю, – согласилась Сеннера.

– Ты была магом? Или твои родители – маги?

Сеннера посмотрела на меня. Но ничего не ответила. Отпустила руку и вернулась в дом.

Как ни странно, но аппетит мне ночные события не отбили. Поскольку надеяться, что доктор Сект будет столь любезен, что соорудит нам завтрак, не приходилось, а прислуга появиться не спешила, я отправился на кухню.

Может доктор и не придавал особого значения питанию, но кухня была хорошая. С огромной плитой, с дорогой посудой из меди, чугуна и стали – хоть пир закатывай. В шкафах стояли тарелки и супницы из дорогого мийского фарфора, у нас в Академии из такого ел только ректор за своим столом. Столовые приборы, конечно же, оказались из серебра – старые, тяжёлые, начищенные до блеска. Я смотрел на них и думал про Венджа. Он ведь был такой же, как я, только ушёл из Академии. А потом... кто его приблизил к себе, кто нанял, кто отправил к сломленному доктору Секту – следить и побуждать доктора к работе? И что он чувствовал, этот парень, изо дня в день изображая почтение и восхищаясь человеком, который ему был безразличен? Как быстро он его возненавидел? Или стал равнодушен и бродил по дому, начищая серебро, ассистируя в экспериментах и ожидая, когда его слежка закончится... И как он обрадовался, когда понял, что сейчас выслужится перед настоящим хозяином, вернёт ему утраченное.

Я вздохнул. Не заслужил Вендж своей страшной смерти.

Как по мне – так надо самому жить и другим не мешать. Но не всегда так получается.

Я разжёг плиту – дрова были сложены ещё с вечера, поставил кипятиться чайник. В шкафу-леднике нашёл свежее масло, молоко, яйца, пахнущую чесноком селянскую колбасу и дорогой копчёный окорок, печёночный паштет и жёлтый дырчатый сыр. Яйца я поставил вариться, сыр, колбасу и окорок нарезал. В буфете обнаружил корзину с хлебом – простая руна на привязанной к ручке картонке отгоняла от хлеба насекомых и сохраняла свежесть. Как ни пыжился доктор Сект, а без магии и он не обходился!

В общем, когда спустилась Мира – мы улыбнулись друг другу, но не сказали ни слова, завтрак был уже на столе. Сеннера ходила вокруг, временами привставая на цыпочки и заглядывая на тарелки.

– Доброе утро, – осторожно сказала ей Мира.

Сеннера уставилась на неё злыми глазами (да что с ней происходит-то? – то жмётся к ней, то ненавидит), но ответила:

– Привет.

Мира просияла. Похоже, превращение жуткой твари в человеческое существо, пусть и такое неполное, её радовало.

– Что ты ешь? – спросил я.

– Всё, – ответила Сеннера. Ещё раз обвела взглядом стол и четыре тарелки.
– Это для меня?

– И для тебя тоже, – сказал я.

Сеннера забралась на стул, протянула руку, взяла варёное яйцо с тарелки – и проглотила. Целиком, вместе со скорлупой. Вызывающе глядя на меня.

– Если почистить, вкуснее, – заметил я.

Сеннера потянулась ещё за одним яйцом.

– Замечательно, – доктор Сект вошёл в столовую залу и уставился на Сеннеру сквозь свои очки. – Я вижу значительный прогресс в сознании... э... пациента.

При появлении доктора Сеннера сразу съёжилась на стуле и отдернула руку от еды. Видимо, все натурфилософы не вызывали у неё доверия.

– Мой бывший слуга? – обводя взглядом всех нас, спросил Сект.

– Она зарыла его в саду, – пояснил я.

Доктор задумался. Потом кивнул:

– Интересно. Учитывая уровень остаточной магии в корневой системе деревьев... Я откопаю его на следующий год, это очень интересно.

Миру, по-моему, чуть не стошнило. Во всяком случае, она отложила миску с паштетом, который собиралась намазать на хлеб. Сказала:

– Доктор Сект. Мы с Грисаром хотели бы сходить в клуб Танри.

– Да? – удивился Сект.

– Да? – удивился и я.

– Мы там живём, – пояснила Мира. – Там наши вещи. Рунные книги, учебные записи. Одежда. Сбережения.

– Это небезопасно, – заметил Сект. – Мой дом укреплён защитными рунами, а в клубе...

– Клуб – самое надёжное место для мага, – улыбнулась Мира. Сердито посмотрела на меня, и я торопливо сказал:

– Мира совершенно права. В клуб могут войти только маги. Там нас защищают законы и правила. И если уж прижмёт – мы перенесёмся прямо сюда.

Сект развёл руками.

– Хорошо. Но наша... э...

– Сеннера, – напомнил я.

– Наша гостья Сеннера останется здесь, – сказал доктор. – Она наиболее ценный... наиболее важное доказательство преступления. Мы с ней проведём несколько экспериментов.

Сеннера оскалила зубы.

– Существует небольшой шанс обратить процесс вспять, – сказал Сект. Подцепил вилкой толстый кусок колбасы и принялся его жевать. – Разделить организмы, слитые воедино.

Сеннера застыла. Да и мы с Мирой опешили.

– Шанс невелик, – продолжил Сект. – Процесс опасен. Но если в конце концов наша гостья решит рискнуть – я проведу эксперимент. Это крайне интересно! Это ещё более удивительный прорыв в познании природы, чем создание гибридов!

– Я останусь, доктор Сект, – сказала Сеннера.

– Замечательно, – кивнул натурфилософ. – Подумайте сами, молодые люди – как чудесно было бы уметь превращаться в кентавров, грифонов, русалок! Соединяться с быстроногими конями, с величавыми львами и орлами, с проворными дельфинами! Но не навсегда – а лишь на время. Сегодня – парить в облаках, завтра – нырять в глубины морские!

Он взял ещё кусок колбасы и вздохнул:

– Жаль, что я боюсь высоты и глубины. Но, возможно, слиться с конём я бы попробовал!

Сам не знаю, что нас насмешило. То ли двусмысленность фразы про сливание с конём. То ли представшая в воображении картина – тощий торс доктора Секта и украшенная очками голова на лошадином туловище.

Мы с Мирой принялись хохотать.

Сект мрачно уставился на нас. Потом пожал плечами:

– Ничего смешного. Многие не умеют плавать и боятся высоты.

Мы с трудом задавили смех, но он ещё долго булькал в нас, временами прорываясь наружу. Сект ел, сосредоточенно и обстоятельно, будто уже превращался в коня, и на наше фыркание внимания не обращал.

– А повелитель хотел именно воинов? – спросила Мира, чтобы отвлечься. – Или разных существ?

– Речь нашего доброго Тёмного Властелина шла о воинах, – подтвердил Сект. И сам задумался. – Не знаю, зачем, ведь Властелин сам способен уничтожить любую армию.. Но если будут предложены варианты различных превращений, то разве он не оценит этого? Непременно оценит!

Мира потянулась за чайником, наклонилась, я увидел её грудь в вырезе платья – и меня словно обдало тёплой волной. Мира почувствовала мой взгляд, улыбнулась, потянулась ещё дальше, застенчиво потупив глаза...

Сеннера вытянула свою несоразмерно длинную руку и протянула ей чайник.

– Спасибо, – поблагодарила Мира.

Наш слегка очеловечившийся монстр ей не ответил.

* * *

Как бы мы ни уверяли Секта в своей безопасности, но из его дома вышли осторожно, оглядываясь по сторонам. Я запомнил место в саду, куда мы перенесёмся, если обстоятельства вынудят нас к тому. И шли мы быстро, стараясь не приближаться к узким проулкам, где могла ждать засада.

Но всё было спокойно. Болтались по улицам попрошайки и бездельники, поглядывающие на нас недобро, но быстро понимающие, что перед ними маги. Потом пошли кварталы повеселее, там была праздная публика побогаче и подорожее. Учителя вели держащихся за руки парами школьников то ли в музей, то ли на занятия в парк. Мы с Мирой, переглянувшись, тоже взялись за руки и, хихикая, некоторое время шли рядом с экскурсией.

Возле клуба тоже никакой засады не было. Мы влили в дверь по секунде и вошли.

– Только давай быстро, – сказал я Мире.

– Ты поразишься, как быстро я умею собираться, – усмехнулась девушка.

– Поглядим, – согласился я.

И мы кинулись по комнатам.

Я торопливо покидал одежду в мягкий кофр – самое большое, что у меня было из сумок. Спрятал туда же несколько магических безделушек, конспекты и пару томов с рунами. Амулет, прихваченный у Ирбрана, засунул в карман.

Тут и раздался стук в дверь.

Да не может такого быть, чтобы девчонка меня опередила!

– Мира? – спросил я.

Она звонко рассмеялась.

Я всё-таки открыл очень осторожно, мало ли. Но это и впрямь была Мира с увесистым чемоданом в руке.

– Этого не может быть, – твёрдо сказал я.

– Проиграл, – засмеялась Мира, входя. – Дурачок, я все вещи собрала вчера утром. Думала, что не справлюсь с заданием и придётся съезжать с позором.

– С заданием... – я покачал головой. – Ты про сахарного короля Снапса? Словно сто лет назад это было, а не вчера...

Мира кивнула. И прильнула к моим губам.

Минуту мы стояли и целовались. Я почувствовал, что у меня кружится голова. Мира лукаво улыбнулась, опустила руки и принялась расстёгивать мне ремень.

– Мы... мы спешить должны... – прошептал я.

– Поверь, ты не удержишься, – задорно пообещала Мира. – Я тебя хочу, Грис...

Я не стал спорить. Принялся стягивать брюки... и застыл. Из коридора слышались шаги. Многочисленные. И какие-то уж очень официальные.

Руна четвёртая, Ансуз

Когда в дверь постучали, мы с Мирой стояли рядом, встрёпанные, но уже застёгнутые на все пуговицы. Очень, очень напряжённые. И надеющиеся, что неизвестные уйдут.

Постучали снова.

Потом я услышал знакомый голос:

– Волшебник Грисар, я знаю, что вы здесь. Откройте.

«Регулятор Эмир!» – одними губами прошептала Мира. Я кивнул.

Поколебался чуть-чуть и отпер дверь.

За порогом стоял Эмир. За его спиной – комендант клуба и несколько полицейских. Комендант, мужчина пожилой и добродушный, выглядел расстроенным. Полицейские – мрачными. А по Эмиру ничего не поймёшь, если он сам того не желает.

– Доброе утро, регулятор, – сказал я.

– Доброе утро Грисар, доброе утро Мира, – он скользнул по нам взглядом и словно бы сразу всё понял. – Извините, что отвлэк. Служба.

Я кивнул.

– Могу ли я зайти? – спросил Эмир вежливо.

– Только вы, – сказал я. – У меня тут тесновато, сами понимаете...

– Размер комнат определён правилами клуба! – встрял комендант, но тут же осёкся.

Эмир вошёл и даже прикрыл за собой дверь. Потом спросил, сочувственно:

– Ты что натворил, парень?

Я пожал плечами.

– Тебя приказано доставить на собеседование в АП.

Я не понял, о чём речь.

– Администрация повелителя, – пояснил регулятор.

– Канцелярия?

– Нет, Администрация. Это куда выше. Вам предъявлен целый букет нарушений. Незаконное проникновение, кража без лицензии, похищение несовершеннолетней, работоторговля, эксперименты на людях...

– Что? – возмутился я.

– Надеюсь, что это ошибка, – сказал Эмир. – Тот Грисар, которого я знаю, никогда не нарушал законы. Но нам придётся пойти и разобраться. Напишешь заявление, всё объяснишь, побеседуешь с дознавателями...

Мира умоляюще посмотрела на меня.

– А Мира? – спросил я.

– К сожалению, тоже, – сказал Эмир. – Пособничество в преступлениях. Но вы не волнуйтесь, повелитель ценит своих магов и не позволит их обидеть! Если вы невиновны, всё будет хорошо.

Мира едва заметно покачала головой.

– Господин регулятор, мы сейчас не можем никуда идти, – сказал я.

Эмир помолчал мгновение и неожиданно кивнул.

– Хорошо. Тогда я попрошу вас оставаться в клубе в ближайшие дни и надеть браслеты для отслеживания вашего местонахождения. Стандартная процедура. Дознаватели сами наведаются к вам.

Его рука скользнула в карман – и вернулась с двумя железными браслетами. С недавних пор хорошо мне знакомыми.

Эмир собирался лишить нас магии. Он соврал. Первый раз на моей памяти соврал!

– Нет, – воскликнул я. – Нет, Эмир!

Регулятор оказался очень быстрым – он схватил меня за руку и попытался защёлкнуть на ней браслет. И у него бы получилось, если бы не Мира, которая ударила его в челюсть коротким сильным крюком. Эмир поканулся и рухнул на колени. Браслеты упали на пол. Я вытаращился на Миру.

– Старший брат – это большой опыт! – сказала Мира, тряся рукой в воздухе.

– Зря... – пробормотал Эмир, вставая и сплёвывая кровь. – Зря вы...

Я успел заметить, что его рука вновь лезет в карман, уже в другой. Перехватил кисть, сжал и заставил выпустить мне в руку тонкую костяную пластинку с выгравированной руной сна. В руне пульсировало время, не меньше полугода.

Да что ж такое, почему игра пошла по-крупному? Вендж швырялся годами, регулятор пришёл нас арестовывать с амулетом огромной силы!

– Эмир, не надо! – пряча пластинку, сказал я. – Отпустите, мы уйдём!

– Вы сами не понимаете, что натворили... – Эмир сплюнул кровью. Вот теперь я почувствовал кое-что в его глазах. Тоска. И растерянность. – Я тоже не понимаю, но... вам лучше сдаться мне. А иначе...

– Нет, – твёрдо сказал я.

Регулятор застонал. И я с ужасом увидел, как у него на лбу начинает разгораться руна Ансуз.

Дождаться, пока руна сработает, я не стал.

Руна переноса – Райдо и Наудиз, в Путь вписана Нужда, узор покрыт крошечными шипами, рвущими время в клочья, ибо лишь крайняя нужда заставит человека заплатить полгода или год жизни, чтобы преодолеть пару-другую миль.

Лицо Эмира стало меняться, в глазах была уже не тоска – ужас.

Я оторвал от своей жизни ещё один год, влил его в руну переноса и обнял Миру.

Сад доктора Секта, когда стоишь посреди него, кажется совсем уж мрачным. Деревья будто вначале обморозились, потом обгорели – и застыли между жизнью и смертью. На первый взгляд – всё мертво. На второй – видишь кое-где редкие крошечные листики.

И эти листики шевелятся, вздрагивают, будто хотят оторваться от ветки и убежать подальше.

– Что это было, Грис? – Миру трясло, она отстранилась от меня, огляделась. Пробормотала расстроенно: – Чемодан забыла... Грис?

Я тоже забыл свою сумку. Сходили за вещами, называется...

– Сильно изменился? – спросил я и затаил дыхание.

Мира замотала головой:

– Нет. Честное слово, совсем нет. Вот в прошлый раз я заметила, а сейчас нормально. Каким был, таким и остался...

– Ты видела руну? – спросил я, чуть успокоившись. – У Эмира на лбу?

– Ансуз, – кивнула Мира. – Что это? Зачем?

– Не знаю. Я вообще не слышал, чтобы её в одиночку рисовали, да ещё и на теле!

Мы успели сделать только пару шагов к дому Секта, как из дыры в стене выскочила Сеннера. И при виде её мы остолбенели.

Чешуйчатый монстр приделся. На Сеннере были цветастые шаровары и что-то вроде блузки, грубо обрезанной ножницами по подолу и по рукавам.

– Кошмар... – прошептала Мира.

В одежде несчастное создание выглядело ещё чудовищнее, чем без неё. Всё равно как если нарядить в девичью одежду здоровенную ящерицу.

За спиной Сеннеры появился Сект.

– Я решил её одеть, – сообщил Сект. – Несмотря на свой странный облик и чешую, она юная девушка. И ходить без одежды – верх неприличия... Вы вернулись быстро. Проблемы?

– Проблемы, – кивнул я. – Откуда у вас детская одежда?

Честно говоря, я подумал, что натурфилософ всё-таки и сам экспериментировал на людях.

– Это старый дом, – пояснил Сект. – Шаровары принадлежали ещё моей бабке. Что у вас случилось?

Мы прошли в дом – Сеннера крутилась вокруг, но не произносила ни слова. Я обратил внимание, что лаборатория выглядит куда более живой – колбы и перегонные кубы были помыты, а некоторые – заполнены жидкостями, пахло едким и пряным, светильники были заполнены каменным маслом и протёрты от пыли.

– Регулятор, – сказал я. – И полиция. Ирбран обвинил нас в воровстве, похищении несовершеннолетней, работоторговле!

– Мерзавец, – согласился Сект. – Работоторговля здесь совершенно ни при чём. И что же: вы использовали магию?

Мы присели за лабораторный стол и я вкратце рассказал доктору, что произошло. Кроме того, что мы с Мирой чуть было не занялись любовью, конечно.

– Ирбран нажал на все рычаги, – сказал Сект мрачно. – Но ничего. Я с утра вспомнил не менее трёх людей, которые обязаны мне. Двум я помог по мужской части, одного спас от мерзкого паразита... и что особенно важно – каждый год ему требуется новая доза моего лекарства. Очень серьёзный человек. Из канцелярии повелителя.

– А нет никого из Администрации? – спросил я.

– Ну что вы, юноша! – Сект глянул на меня снисходительно. – Администрация повелителя – это три человека, три его ближайших соратника и тайных доверенных лица. Знать их – всё равно что с самим Тёмным Властелином быть на короткой ноге. Даже имена этих троих от посторонних скрыты. Это маг, военачальник и натурфилософ...

Сект замолчал. Снял очки, хотел было протереть – да так и остался сидеть, подслеповато глядя на меня.

– Нас приказали доставить в АП, – сказал я. – Приказ шёл оттуда.

– Два года назад почтенный натурфилософ Эрвуд, о котором ходили слухи, что он-то и есть член АП, скончался от преклонных лет, – сказал Сект. – Если это так и есть, то его место мог занять другой натурфилософ, заслуживший к этому моменту доверие повелителя...

– Ирбран? – с ужасом спросила Мира.

Сект развёл руками.

– И что тогда? – продолжала расспросы Мира.

– Тогда... тогда я ничем не могу помочь, – сказал Сект. – Никому. Ни себе, ни вам.

Сеннера издала тихий вздох.

– И тебе тоже, бедное создание.

– Так нельзя! – сказал я. – Это же обман! Вы должны быть в Администрации повелителя, вы добились успеха!

– Не я, – неожиданно сказал Сект. – Я наметил путь, я всё придумал, но мне не хватило духу... я не смог использовать в экспериментах детей.

Он замолчал, глядя куда-то сквозь меня. Пробормотал:

– Они так плакали. У меня слабые нервы для натурфилософии. Если бы было можно работать на мёртвом материале, но надо на живом и в сознании... я всех отпустил. А Ирбран смог. Он и добился успеха.

Сект встал и нацепил очки. Твёрдо сказал:

– Господа маги, я ничего не смогу для вас сделать. Полагаю, что ваш арест – дело часов, если не минут. Вам стоит спастись самостоятельно.

Мы с Мирой ошарашенно смотрели друг на друга.

– Я могу дать вам немалую сумму денег, – продолжал Сект. – Лучше всего – в золоте. Вряд ли мои чеки и векселя завтра будут стоить бумаги, на которой написаны. Да, лучше в золоте. Уходите, если надо – используйте свою магию.

– И куда же мы уйдём? – воскликнул я. – Прятаться от Администрации – всё равно что от самого Властелина!

– В иные страны, конечно, – ответил Сект с таким удивлением, будто я сказал неслыханную глупость. – Северное Царство, Западные Княжества, Восточные Провинции, Южные Королевства, в конце концов! Золото ценят везде, магия тоже существует во всём мире. Если бы повелитель мог распространить свою власть на весь мир – он бы уже давно его покорил.

– Ого, – сказала Мира.

Я тоже растерялся от такой неслыханной дерзости. То, что сказал Сект, было настоящей государственной изменой. Всем же известно, что повелитель остался в Тёмной Империи лишь потому, что не хотел принуждать иные народы, пожалел их несчастных жителей, которых тиранические правители погонят на войну. Тёмный Властелин вечен, все народы рано или поздно сольются в счастливую семью под его покровительством.

– Сейчас вернусь с деньгами, – сказал Сект. Двинулся куда-то; наверное, к своему кабинету. Остановился и окликнул Сеннеру: – Иди со мной, несчастное создание! Золото – тяжёлый металл, а я стар!

Сеннера послушно побежала за ним. Шаровары раздувались при каждом шаге, серо-зелёная чешуя шуршала, цепляясь за ткань, – и выглядело это настоящим безумием.

– Мира, – сказал я. – Я виноват перед тобой.

– Да чем ты виноват?

– Я спутал улицы. Я поверил Секту и спутал улицы. И ты ввязалась во всё это.

Мира кивнула. Потом сказала:

– Верно. Но дальше я сама решила тебе помочь. Так что ты ни в чём не виноват.

– Спасибо.

Она искоса посмотрела на меня:

– Ты готов уехать?

– А ты? – сразу спросил я.

– Мои родители не в ладах с Властелином, ты же знаешь, – Мира слабо улыбнулась. – Я с детства много чего плохого о нём слышала и даже думала, не уехать ли в Северное Царство. Там у нас есть родственники. Дальние. Если ты готов...

– С тобой готов, – сказал я. И почувствовал, как становится легче на душе. – Конечно! Маги нужны везде! Мы молоды, у нас всё получится!

– Что будем делать с Сеннерой?

Вот тут я замялся.

– Меня она не любит, – сказала Мира. – Ты любишь меня, поэтому она меня не любит.

– Да брось ты! Она – маленький монстр!

– Она девушка. Может, и постарше нас.

Я вздохнул.

Перспектива уезжать из страны с жуткой чешуйчатой тварью меня не радовала. Всё равно что размахивать флагом с надписью: «Эй! Вот мы, беглые преступники!» А если Мира права, и Сеннера в меня влюблена... Страх и ужас!

– Оставим Секту, – сказал я. – Он обещал попробовать её излечить.

– Ему не дадут на это времени.

– Вдруг успеет, – упрямо сказал я, и мы посмотрели друг на друга. И я, и Мира прекрасно понимали, что к Секту нагрянут с минуты на минуту. Но оба понимали, что Сеннера – непосильный груз, невозможный спутник.

– Может, и успеет, – грустно сказала Мира.

Послышались шаги – вернулся Сekt. Невозмутимый, холодный, ко всему безразличный. Натурфилософ, который не решился перешагнуть последний рубеж.

Вслед за ним шла Сеннера, неся в руках тяжёлые кожаные кошель.

– На первое время вам хватит, – сказал Сekt. – Вероятно, вы хотели бы забрать с собой Сеннеру. Но я решительно против.

Сеннера что-то пискнула.

– Против, – повторил Сekt. – Она вас свяжет, это опасно. Я же постараюсь обратить её изменения вспять.

Он смотрел на нас, и я понял, что он всё понимает. Что сейчас врёт для Сеннеры, чтобы помочь нам.

– Если получится... – я осёкся и поправился. – Когда получится, отправь её вслед нам, хорошо? Вряд ли те, кто преследует чудовище, станут искать девушку. Я напишу тебе, когда мы обустроимся в другом месте.

Сеннера подошла, положила кошель на пол перед нами. Потом на миг прижалась ко мне. Покосилась на Миру. Фыркнула. Но всё-таки обняла и ее. А потом вернулась к Секту.

Совершенно невозможно было угадать, когда она станет говорить по-человечески, а когда изображать из себя монстра и обходиться нечленораздельными звуками.

– Я бы посоветовал вам пробираться в порт и плыть на юг, но именно там вас примутся искать, – продолжал Сekt. – Возможно, стоит подняться по реке к северу. Город-крепость Рунное Древо – хранилище могучей магии, с ними не ссорится и сам повелитель... А возможно, стоит пойти пешком на восток или запад. Или затаиться на время поблизости. Правильнее всего будет, если вы сами сделаете выбор, а я не буду его знать.

Я кивнул.

– Идите, – строго велел Сekt. – Нечего отвлекать меня от работы!

Пристегнув кошель к поясу (ох, хорошая приманка для воров, но кто же подумает, что в нём золотые монеты?), я дал второй Мире. Та растерянно покрутила его в руках – ну, верно, ей разве что в руках его нести, на манер сумочки... Я закрепил на поясе и второй. Штаны попытались съехать.

– Многовато денег для нас, – сказал я и оставил второй кошель на столе. – До свидания, доктор!

– Прощайте, волшебники, – ответил Сект.

Сеннера молча стояла возле доктора, сверлила нас недобрым взглядом и молчала.

– Пока, Сеннера, – сказал я. – Буду рад тебя увидеть... после излечения.

Она ничего не ответила, и мы пошли к выходу из дома. Выбираться через проломленную стену было бы как-то совсем неуместно.

– Мы даём им шанс, – тихо сказала Мира. – Может, и побольше своего.

Тупик Семи Радостей был безлюден, мрачные сады при старых обветшалых особняках – тоже. Только в одном саду, сквозь ржавый решётчатый забор я увидел человека. Красноносый старикан в висевшей на нём мешком одежде пилил дерево. Полсада уже было в пеньках, а рядом с домом заполнялась поленица. Наше появление старика не заинтересовало, он продолжал медленно орудовать одноручной пилой.

Дерево негромко стонало при каждом движении зубчатого полотна.

– Что-то у меня нервы сдают, – сказала Мира очень спокойно. – Знаешь, у нас одна девчонка была, с проблемами всякими, только мы про них не знали, а проблемы копились. Она однажды как выскочила во двор, заорала – и сожгла всю свою жизнь в волшебстве. Воронку преподаватели все вместе засыпали.

– Мира...

– Да нет, нет, я в порядке, – Мира потрянула головой. – Может, зря мы так пошли? Надо было перенестись.

– И потратить год?

– Я бы потратила, – сказала Мира. – Что – год? Это всего лишь триста шестьдесят пять дней.

Мы вышли из тупика на широкую улицу, ведущую от гор к морю, и остановились.

Нас ждали.

Впереди стоял регулятор Эмир.

За ним – полицейские. Не меньше десятка. С дубинками и палашами в руках.

За полицейскими – гвардейцы. Десятка два. Со взведёнными арбалетами, направленными на нас.

Целая армия. Только мага не хватает.

– Хорошо, что вы вышли сами, – сказал Эмир.

Провёл по воздуху рукой – и вслед за его движением вспыхнули руны.

Турс, Хагалаз, Соулу.

Эмир колдовал!

С одной стороны, это походило на то, как работал с рунами Вендж. Не жалея времени, вливая его щедро и безжалостно.

С другой – движения Эмира были удивительно отточены, легки. словно он практиковался в рунах долгие годы.

Перед полицейскими и гвардейцами засияли в воздухе призрачные щиты. Они слепили глаза и казались достаточно прочными, чтобы выдержать удар баллисты. Эмир даже не напал, он всего лишь поставил защиту.

Я смотрел на регулятора, на уходящую с его лица бодрость и силу. Только что он был человеком, не достигшим и сорока. А вот сейчас уже поседел и покрылся морщинами, полнота его исчезла, Эмир стал сутулиться. Он влил в щиты десяток лет!

Но мне почему-то казалось, что дело не только в возрасте. Эмир и без того изменился, стал другим. Будто превратился в оболочку, в куклу-перчатку, которую кто-то натянул на ладонь и теперь крутит как хочет.

Я вспомнил, как в глазах регулятора появился ужас, а на лбу проступила руна Ансуз.

Руна Бога.

Меня словно молнией пробило, я вдруг понял, что происходит. Мне даже показалось, что сквозь лицо Эмира видны совсем другие черты. Что они проступают, продавливая мягкое лицо несчастного регулятора магии, всегда щадившего своих подопечных...

– Прикрой, – сказал я Мире.

И она не стала колебаться.

Развела руки – и поставила комбинацию из Эйваза, Перта и Кано, выстроившую щит перед нами. Незнакомый мне щит, но, как ни странно, Эмир одобрительно кивнул, глядя на вспыхнувшие руны. Кивнул и воскликнул:

– Не...

Мира россыпью метнула в гвардейцев Турс – крошечными стрелами силы, бесследно канувшими в поставленном Эмиром щите. А гвардейцы ответили залпом стрел.

– ...стрелять! – запоздало закончил Эмир.

Арбалетные болты ударили в наш магический щит – и отразились от него языками пламени. Почему-то щит, поставленный Эмиром, их не отразил, несмотря на всё вложенное в него время.

Я видел это краем глаза, как в отражении, потому что сам я выстраивал руну переноса – но что-то странное происходило то ли со мной, то ли с рунами. Райдо возникала легко, а вот Наудиз плясала и рушила руну Пути, всё было нестабильно, нескладно, получалась не то руна Пожелания Неудачи в Дороге, не то глупая детская шуточная руна Добеги-ка-до-уборной, но никак не та могучая руна, которую я дважды применил за эти дни без всяких проблем...

Гвардейцы, объятые огнём, падали на мостовую. И оставались лежать – совершенно беззвучно и неподвижно. Полицейские попятились. Им никто не говорил, что они попадут в эпицентр смертоносной магии.

– Милая, ты полна сюрпризов! – воскликнул Эмир. – Но это чересчур!

Он протянул к нам руки – и перед ним вспыхнула такая затейливая руна, что я даже не уловил всех деталей. Сколько там было основных знаков? Четыре? Пять? Или даже шесть?

Мира вскрикнула, и я почувствовал, как из неё в щит потекло время – грубо, отчаянно удерживая то, что рвалось сейчас к нам от Эмира, от бывшего регулятора Эмира. Она тоже не понимала, какое волшебство нас атакует, и удерживала его на чистой силе, на Исазе и Турсе, сжигая месяцы в секунду... нет, ох, даже не месяцы... Эмир иссыхал на глазах, съёживался, волосы у него поседели и стали клоками выпадать из головы, его перекосило, один глаз закрылся, левая рука повисла, но правая упорно держала атакующую руну...

И только в этот миг, охваченный паникой, я вколотил в руну переноса три года – и мы исчезли.

Чтобы появиться на постаменте памятника на площади Великой Любви. У меня не было времени придумывать другую точку, нам надо было удирать.

На площади было полно народа – выступали циркачи, карлики-жонглёры, может быть, те самые, из цирка, знакомые Миры. Они подбрасывали в воздух острые кинжалы и горящие факелы, ловко их ловили и дразнили зрителей, предлагая выйти и посостязаться с ними. Зрители веселились и аплодировали.

Именно это нас и спасло – никто не смотрел вверх, на памятник.

– Мира... – я схватил её за локоть.

Волшебница медленно повернулась ко мне. И тихо спросила:

– Ну... всё плохо?

Ей было лет двадцать пять. Или тридцать. Наверное, тридцать.

То есть она не была старой, конечно. Она была в самом расцвете сил. Зрелая женщина, высокая и красивая.

Совсем не та юная страстная Мира, с которой мы этой ночью полюбили друг друга.

– Всё хорошо, – сказал я, чуть не плача. – Всё хорошо, Мира. Ты красавица. Ты не старая. Всё хорошо. Мы сбежали.

– Ты повзрослел, – сказала Мира. У неё по щекам текли слёзы. – Ты.. тебе... Двадцать пять? Двадцать семь?

Я потрогал лицо.

У меня были пышные усы. Нуждающиеся в том, чтобы их постригли.

И ещё щетина на лице.

– Я же бриться не умею, – сказал я и попытался улыбнуться.

Мира кивнула:

– Я научу. Девочки много чего умеют... Грис, что это было? Как Эмир мог колдовать?

– Это был не Эмир, – сказал я.

Спрыгнул с постамента, поднял руки – и Мира шагнула ко мне в объятия. Рядом карлики принялись кидать вверх зажжённые свечи и выкрикивать:

– Приходите в шапито! Посмотрите то и то!

Я отвёл Миру в сторону от постамента. И показал на памятник.

Мраморный Властелин стоял рядом со своим бронзовым конём и смотрел вдаль.

– Это был наш повелитель, – сказал я. – Руна Ансуз! Он вошёл в Эмира и сжёг его жизнь, как спичку.

Мы смотрели на статую с таким ужасом, словно боялись, что она шевельнётся.

Впрочем, а почему бы и нет?

– Что нам делать, Грис? – тихо спросила Мира.

– Бежать. Быстро и далеко, – сказал я. Отвесил затрещину мальчишке-карманнику, который начал было примеряться к моему кошельку. – Идём.

– А как же Сеннера и Сект? – зачем-то спросила Мира.

Под руку, как солидная взрослая пара, мы уходили с площади Всеобщей Любви. За нами, под смех толпы, веселили народ циркачи.

– Мы им уже ничем не поможем, – ответил я.

Этир второй

Руна восьмая, Вуньо

Заказчик был суетливым, подозрительным и жадным. Все самые неприятные качества в одном человеке. Ему хотелось получить результат быстро, дешево и качественно.

– Так не бывает, – повторил я. – Если быстро и качественно – то будет очень дорого. Если быстро и дешево – то будет некачественно. Если качественно и дешево – то будет небыстро.

– Сколько? – спросил заказчик. Это был мужчина лет сорока, наружности вполне приятной, но с чересчур уж ухоженными усиками и бакенбардами. И ещё напудренный парик, который он носил даже дома! Да и ногти на руках слишком холёные. Нет, дело не в том, что он не работал руками. Для некоторых профессий этого не требуется. Но тратить столько времени на уход за собой для мужчины непозволительно.

– Двадцать пять золотых цехинов.

– Немыслимо, – сказал заказчик. – Контора господина Ормана, «Хорошая мышь», берёт за очистку дома такого размера не более двух.

– Трёх, – поправил я. Перед работой я всегда выясняю средние цены на рынке. Магу в Западных Княжествах работы хватает, но это редко одна и та же работа. – Я сразу советовал вам, господин Де Мейер, обратиться к профессиональным истребителям крыс. У них великолепные яды, составленные лучшими мастерами натурфилософии.

– Не могу, – с болью в голосе отозвался Де Мейер. – Моя маленькая дочь больна редкой болезнью. От любых ядовитых веществ, оказавшихся поблизости, её нежная кожа покрывается отвратительными красными прыщами и чешется. Неужели вы не сделаете скидку ради ребёнка?

Вот чего я терпеть не могу – это когда шантажируют детскими слезинками! А в Западных Княжествах это сплошь и рядом. Жулики и жадины ещё те, детей эксплуатируют нещадно, у бедноты дети едва ходить начинают – уже работают на полях или в мастерских, за украденную булку могут ребёнку и руку отсечь, и плетью заporоть до полусмерти. Но при этом говорят, что детей обожают, пишут для них слащавые книжонки – про добрых нянь, мудрых волшебников, красивых фей. Два в одном, жестокость и любовь. Как по мне – хуже нет дряни.

Дочь господина Де Мейера была не такой уж и маленькой. Тощая девица с прыщами на лице, как по мне – вызванными не отравками, а неумеренным потреблением шоколада и ореховых сладостей. Лет тринадцать-четырнадцать, в этом возрасте у нас маги покидают академии и школы. Я бы её от глистов посоветовал пролечить и посадить на диету из каш и овощей – сразу бы кожа очистилась.

Зато благодаря капризам любимой дочки, у которой перед зимним праздником крысы погрызли шоколадные конфеты, господин Де Мейер решил уничтожить грызунов магией. Нет бы поблагодарить крыс за ликвидацию лишних сладостей!

– Простите, господин Де Мейер, – сказал я. – Я сочувствую вашей дочери. Но чтобы очистить ваш дом от крыс быстро и надёжно, я потрачу изрядное время своей жизни. Время – деньги.

– Да сколько вы потратите! – всплеснул заказчик руками. – Час-другой!

– А если день-другой? А если неделю? Две?

– Старший счетовод в моей конторе получает в неделю три цехина!

– Так, может быть, он избавит ваш дом от крыс? Двадцать пять, господин Де Мейер. Деньги вперёд.

Двадцать пять цехинов – это не двадцать пять золотых Тёмной Империи. Это почти в два раза меньше. И сами монеты некрупные, и золото не такое чистое, и подделывают цехины чаще, а значит, и веры в них меньше.

Но всё-таки это большие деньги.

– Двадцать, – сказал Де Мейер, смиряясь.

Я покачал головой и поднялся со стула.

– Хорошо, – сдался заказчик. – Но деньги...

– Только вперёд, – сказал я и снова сел.

Он согласился. Они всегда соглашаются.

– Для чужака вы очень самоуверенны, – буркнул Де Мейер, отсчитывая деньги. – У нас не принято так торговаться.

Враньё, кстати. Торгуются они ещё сильнее, сам Де Мейер только что этим занимался. Только они торгуются с фальшивыми улыбками на лице и всё время ссылаются на больных детей, старых родителей, плохую погоду, паршивую политику и прочие вещи, никак к делу не относящиеся.

– Возможно, – не стал я спорить. – Но у вас нет магов, занимающихся частной практикой.

Тут ему крыть было нечем.

Магия в Западных Княжествах существует. Руны они и есть руны, пусть их называют иначе и относят к основным рунам даже те, которые у нас считаются составными.

Но все волшебники Запада состоят на государственной службе своих княжеств. Им платят большие деньги, их привлекают к работе нечасто, только если случится что-то очень опасное: чума, засуха, нашествие саранчи с юга. Строжайшими договорами магам запрещено участвовать в спорах и войнах между княжествами – когда десять лет назад один из князей нарушил это соглашение, его княжество завоевали и низвергли все вместе. Землю княжества разделили между соседями, род князя истребили от мала до велика, дворец снесли до основания и посыпали солью, а народу повелели говорить на наречиях соседей – благо, те не сильно отличались. Причём сделано это всё было без единой руны!

Конечно всё это не прихоть.

Давным-давно Тёмная Империя и Западные Княжества были одной страной. У нас правил королевский род, княжества пользовались вольностями, но тоже были частью единого государства. Правившие в них князья были младшими отпрысками нашей аристократии. Может быть, они и впрямь хранили верность своему монаршему роду, а может, воспользовались поводом, но власть Тёмного Властелина они не признали. Война шла некоторое время, потом прекратилась сама собой. У нас говорят, что повелитель решил пощадить жителей Запада. На Западе говорят, что, получив отпор, Тёмный Властелин в панике отступил.

И хоть сейчас между нами мир, есть посольства, торговля и даже простые граждане вольны посещать соседей, доверия никакого нет.

Так что маги Западных Княжеств молоды и беззаботны. Платит им власть и платит авансом, чтобы в случае войны волшебники выступили на защиту полными сил.

Не знаю, насколько хорошо эта схема работает. Всё-таки рунная магия – не только время, это ещё и мастерство. А тратя за год неделю-другую жизни на тренировки, многого не изучишь. Но, может быть, во мне говорит обычная человеческая зависть.

Я пересчитал цехины, спрятал их в кошель. Де Мейер всё-таки удивительный жмот – он заплатил мне самыми старыми, потёртыми и тонкими монетами, видя которые, продавцы в лавках кривятся. Но золото есть золото.

– Итак, формулируем задачу и подписываем договор, – сказал я и взял лист бумаги с текстом. – Мы, нижеподписавшиеся, волшебник Грисар Тёмный и хозяин ссудной конторы Де Мейер старший, условились о том, что волшебник Грисар в течение трёх суток избавляет дом Де Мейера, находящийся по адресу Чудесные Аллеи под номером двенадцать и четырнадцать, от обитающих в нём мышей и крыс, за что Де Мейер выплачивает Грисару двадцать пять полновесных цехинов Западных Княжеств. Грисар гарантирует, что в течение трёх лет ни одна крыса или мышь не вернётся в дом Де Мейера. Не считается нарушением договора сознательное заселение дома крысами и мышами, совершённое по злему умыслу или неразумности. Не считается нарушением

договора, если сторонние крысы или мыши проникнут в дом, но покинут его в течение суток. Если же Грисар не справится, то он обязуется очистить дом от крыс и мышей бесплатно или вернуть все полученные от Де Мейера деньги с процентом, согласно среднему банковскому курсу.

– Верно, – просмотрев договор, словно не сам его только что написал, произнёс Де Мейер. Поставил внизу витиеватую подпись. Я тоже подписался – «Грисар Тёмный».

Что поделать, в Западных Княжествах меня называют так. Раз приехал из Тёмной Империи – то будешь Тёмным.

– Как вы намерены убить крыс? – спросил Де Мейер с интересом.

– Никак, – сказал я, вставая. Снял повешенный на спинку стула сюртук, надел, поправил чёрный галстук-бабочку. Достал из кармана сюртука свирель, собственноручно вырезанную вчера из ветки черёмухи.

– Как никак? – воскликнул Де Мейер.

– Так! – ответил я. Вот тебе за потёртые монеты (причём я не сомневался, что при всей своей потёртости они тщательно взвешены и с трудом, но проходят по категории «полновесных», как обещано в договоре).

– Вы нарушаете договор? – в ужасе воскликнул ростовщик.

– Нет. Знаете, Де Мейер, как много крыс и мышей в вашем доме?

Он пожал плечами. Спросил:

– Много?

– Очень. Если все они немедленно сдохнут, вонь будет стоять неделю.

Де Мейер поморщился.

– И это будет не просто вонь. Это будут жуткие отравленные миазмы крысиных внутренностей! Запах въестся в ковры, гобелены, даже в дерево! Хотите, чтобы ваш чудесный дом на долгие годы пропах дохлыми мышами и фекалиями?

– Нет! – воскликнул Де Мейер.

– От этого нас и спасёт она! – я поднял дудочку. Была она неказистая, а после лёгкого обжига и втирания грязи выглядела древней. – Черёмуховая свирель!

Де Мейер внезапно улыбнулся и стал похож на нормального человека.

– У меня в детстве была бузинная. Я сам её вырезал.

– Черёмуха действует волшебнее, – сообщил я. – Это творение искусного мага, на ней запечатлена редкая руна.

Искусным магом был я сам. А руна была не то чтобы совсем уж редкая. Это было сочетание руны Пути – Райдо (пожалуй, моей любимой, хоть и стоившей мне больше всего времени) и руны Радости – Вуньо.

В таком сочетании могла получиться руна Счастливого Пути, благословляющая на хорошую дорогу (честно говоря – всего лишь улучшающая настроение путника, от чего тот и воспринимал дорогу, даже самую паршивую, с радостью), известная даже крестьянам руна Ноги-в-пляс, помогающая музыкантам играть танцевальную или свадебную музыку, или даже коварная руна Ехай-куда-подальше, которой маги выставляли из дома засидевших гостей и прочих нежеланных визитёров. Куда лучше, чтобы гость сам с радостью ушёл, а не стоял в дверях полчаса, прежде чем хозяин прогонит его грубым словом, верно?

Но я применил другую версию народной крестьянской руны, которую пастухи со слабым магическим талантом используют для управления упрямым стадом. Райдо и Вуньо я сплёл точно так же, а вот узор по рунам пустил совсем мелкий. В результате руна не работала ни на людей, ни на коров и коз, ни даже на собак и кошек.

А вот на крыс и мышей действовала великолепно.

– Так вы всего лишь используете готовый амулет? – возмутился Де Мейер.

– В этот амулет я вдохну собственную жизнь! – рявкнул я. – А после использования чудесную черёмуховую дудочку придётся сжечь в печи!

Будь я тем же юнцом, что три года назад, это прозвучало бы несолидно. Но в ту пору я ввязался в скверную историю с нелегальным воровством у влиятельного натурфилософа, трижды использовал дорогие руны переноса, сражался, бежал из Тёмной Империи... в общем – потерял в итоге семь с лишним лет жизни и стал выглядеть на двадцать шесть.

А с тех пор прошло три года, да ещё месяц я потратил на магию – которую теперь использовал очень осторожно. Так что казался я зрелым тридцатилетним мужчиной, плечи у меня были широкие, рост изрядный, волосы лежали на плечах буйной гривой, глаза смотрели сурово и строго. Настоящий волшебник из Тёмной Империи, причастный страшных тайн и владеющий запретными рунами.

Ростовщик сразу втянул голову в плечи и замахал руками:

– Я никак не умаляю вашу жертву и талант, мастер Грисар!

Я ещё миг посверлил его мрачным взглядом, потом вздохнул и поднёс свирель к губам.

Играю я плохо. Это не нужно для магии, а просто так, для развлечения, пусть играют пастухи и менестрели. Так что мне пришлось несколько дней тренироваться под руководством Миры.

Дело было вовсе не в музыке. Я мог просто дуть в трубку, вливая несколько секунд каждую минуту. Но для того чтобы в нашем ремесле держаться на

плаву и потратить за три года всего месяц, надо быть ещё и умелым артистом.

Заиграв простенькую фривольную песенку «Приходи-ка на лужок, я зову тебя, дружок», я трижды повернулся вокруг оси и топнул ногой. Влил в руну ещё пару секунд.

С потолка залы упал таракан, приземлившись прямо на лацкан сюртука Де Мейера. Тот брезгливо сбросил насекомое и растоптал.

Второй таракан выскочил из книжного шкафа и понёсся ко мне. Де Мейер недоумевающе посмотрел на него и снова топнул ногой.

Я влил ещё секунду.

В углу, за кожаным диваном, запищали мыши.

– Удаление из дома тараканов и клопов – мой подарок вам, – сказал я, на миг оторвав дудочку от губ. Эх, не сообразил сразу! Можно было ещё цену поднять, теперь уже не получится.

Пищало уже отовсюду. Мыши и крысы оказались крепче, чем насекомые – они сопротивлялись зову.

А я торопливо шёл к выходу, на ходу прихватив с вешалки свою шляпу. Насекомые шелестящим ковром ползли следом. Когда приближались слишком уж близко, я на миг прекращал играть и покровительственно кивал ростовщику.

Тот был в ужасе. Наверное, и не подозревал, сколько гадости живёт в большом старом доме. Эта тайна хорошо известна слугам и поварам, но не господам в напудренных париках.

Впрочем, даже слуги были шокированы. То из одного, то из другого конца огромного дома раздавались удивлённые крики и испуганные вопли.

Дверь я открыл пинком, заодно откинув жирную старую крысу, пытавшуюся забраться в дом с улицы. Не рассчитал немного расстояние, на котором действует руна!

Де Мейер семенил за мной и, надо отдать ему должное, помогал обороняться от слишком близко подобравшихся грызунов и насекомых. Немало тараканов и крыс уже пали от его щегольских, до блеска начищенных башмаков.

На улице моё появление вызвало фурор. Всяческая ходячая и прыгучая мерзость выбиралась из благопристойных фахверковых домов в два-три этажа. Детвора вопила от восторга, девушки и женщины – от страха и омерзения, мужчины... мужчин, к счастью, в разгар рабочего дня было немного. А то я рисковал получить проблемы с кем-нибудь покрупнее крысы.

К счастью, река была поблизости, на чём и строился мой план. Неспешная и неглубокая, но широкая здесь, вблизи устья, речка Шпия несла свои воды в море. Многочисленная рыба ещё не догадывалась, какое угощение ей предстоит.

– Волшебник, волшебник! – верещали дети, бежавшие вслед за мной.

– А ну вон! – рявкнул я. – А то и вас заколдую и уведу!

Дети с хохотом отбежали в сторону, но преследование не прекратили. Только принялись вопить на разные лады:

– Чародей! Чародей уводит меня за собой!

Вот так и рождаются легенды о злых колдунах.

Лодочник, которому было заплачено загодя, поджидал меня у причала. Смолил трубку, откинув голову, подставлял лицо нежаркому зимнему солнышку. При моём появлении лодочник привстал, увидел процессию и вытаращил глаза. Схватился за весло, явно намереваясь немедленно отчалить.

– Вот только попробуй! В клопа обращаю! – заорал я, и лодочник, стухнув, застыл.

– Он убьёт тебя, лодочник! – вопили гадкие дети.

Придерживая шляпу, я прыгнул в лодку, не прекращая играть на свирели, и знаком разрешил лодочнику взяться за весло. Уговаривать того не пришлось, и мы начали удаляться от берега.

– Вы бы хоть сказали, господин волшебник, – бормотал лодочник. – Вы бы хоть намекнули как-то!

Шелестящий ковёр насекомых ссыпался за мной в холодную, едва не схваченную льдом реку. Поверх тараканов, клопов и блох неслись крысы, мыши и подхваченный заклинанием котёнок. Де Мейер внезапно вырос в моих глазах, ловко выцепив котёнка из мерзкого шестивия. Мы удалялись от берега всё дальше и дальше, лодочник стоял на корме и орудовал веслом, периодически колотя самых плавучих крыс.

Похоже, я очистил от домашних вредителей весь квартал.

Надо было обойти все дома! Да хоть бы по золотому с каждого – мог бы полгода не работать.

Может, с бургомистром поговорить?

Нет, не выйдет. Бургомистр обратится к городскому волшебнику. Тот потребует от меня назвать использованные руны. И поймёт, что на всё действие я затратил не больше часа жизни.

Так что и цену мне предложат соответствующую.

Бросив мечты о несправедном богатстве, я опустил свирель. Некоторые отставшие крысы остановились, закружились на месте, пытаюсь своим крошечным умишком понять, что они делают посреди реки. Часть, наверное, даже ухитрится выплыть. Крысы – они живучие, почти как люди.

Но к тому моменту течение унесёт их далеко вниз. В дом Де Мейера они уже не вернутся.

– Возвращайся, – велел я, и лодочник со вздохом начал разворачиваться.

А река кипела от пирующей рыбы, покрывалась кругами поклёвок. В Шпии водилось всякое, включая двухметровых сомов-лавочников, прозванных так за жадный нрав и подозреваемых в людоедстве. Так что даже самые крупные крысы одна за другой с писком исчезали под водой. Слетевшиеся чайки атаквали сверху добычу меньших размеров.

Дети собрались на берегу и кривлялись, изображая, что невидимая сила тащит их в воду.

Я засмеялся.

Лодочник тоже отпустил смешок. И сказал:

– Вы, господин волшебник, человек серьёзный, многое повидавший, а смеётесь-то как хорошо, будто ребёнок!

Я кивнул.

В Западных Княжествах редко встречались волшебники из Тёмной Империи, которые при седой бороде и двадцати лет не прожили на свете.

Де Мейер дождался меня на берегу. Обалдевший котёнок сидел у него на руках и пытался вылизываться.

– Подарите дочке, – сказал я. – У нас в народе считается, что чёрный кот, спасённый на берегу реки, приносит удачу и здоровье.

Если уж врёшь, то надо врать с уверенным видом и ссылаться на народные обычаи.

– Непременно, – сказал ростовщик. – Я впечатлён вашим искусством, мастер Грисар. Позвольте ли вы сделать вам маленький подарок в придачу к честно заработанной плате, мастер Грисар?

– Позволю, – милостиво согласился я.

Ростовщик протянул мне карманные часы на серебряной цепочке.

– С часовой и минутной стрелкой, – сообщил он. – С заводом на целые сутки с гаком. Ваша профессия связана с большой потерей времени.

– Как и любая другая, – сказал я.

– Да. Но у вас это нагляднее. Вы ведь на самом деле молоды?

Я помолчал. Спросил:

– Почему вы так решили?

– Этого не видно, когда вы говорите, – сказал ростовщик. – Моя профессия требует знания людей, но даже я не понял. А вот когда вы стали играть... музыка – она открывает сердца.

Я промолчал.

– Удачи вам, мастер Грисар. И долгих лет жизни.

Ещё час назад я был уверен, что мы расстанемся с клиентом без особых симпатий. Но сейчас мы искренне пожали друг другу руки.

И я пошёл домой.

К Мире.

Руна пятнадцатая, Альгиз

В силу редкости частнопрактикующих магов профессия эта в Западных Княжествах прибыльна и уважаема. Мы с Мирой снимали хороший дом у реки, двухэтажный, с большим садом, а могли бы, пожалуй, и выкупить его в собственность.

Но мы до сих пор не понимали, собираемся ли остаться здесь навсегда.

Из Империи мы выбрались на удивление легко. Не пришлось больше тратить время на руну переноса – мы лишь меняли личины по несколько раз в день, превращаясь то в пару школяров, едущих на каникулы, то в бабушку с внучкой, то в пожилую семейную пару, путешествующую на воды. За неделю мы пересекли всю Империю, каждый миг ожидая, что нас схватят.

Ничего не случилось. К нам словно утратили интерес, хотя раньше повелитель не прощал гибели своих слуг.

Один лишь раз мы наткнулись на большой разъезд гвардейцев с регулятором во главе, расположившийся на постоялом дворе, куда мы неосторожно сунулись. Может, они и не нас искали, но я использовал рунный знак, отобранный у несчастного Эмира, и погрузил в сон весь посёлок. Мы даже спокойно отужинали, сидя среди храпящих гвардейцев, потом я залил на кухне очаг, чтобы не случилось пожара, и мы двинулись дальше.

Под видом братьев-близнецов, торговцев фарфором, мы пересекли границу с Западными Княжествами. Чем нелепее люди, тем меньше к ним подозрений, вот и приграничная стража, посмеиваясь, пропустила двух нелепых коробейников, везущих образцы товара: аляповатые чашки и чайники, настенные украшения и керамические свистульки. Всё это мы купили в ближайшем магазине и выкинули, едва переехав границу. Потом был путь через западные земли,

пока мы не остановились в Низинном Княжестве, не самом большом, но едва ли не самом богатом. Заливные луга, мягкий климат, трудолюбивый прижимистый народ, не любящий конфликты, но и за свои интересы бьющийся насмерть – Низинное Княжество было одним из самых спокойных. Мы получили в княжеском правлении вид на проживание, патент на работу и подписали кучу бумаг, где клялись в добрых намерениях, порядочном поведении и обязательствах ежегодной уплаты налога.

Последнее, кажется, волновало чиновников больше всего.

Первый год жители на нас поглядывали искоса, здоровались через раз, в лавках улыбались скупно. Но мы жили тихо, по местным обычаям рано ложились спать и рано вставали, покупали всё у одних и тех же торговцев, перед местными праздниками Мира пекла пироги с рыбой, как тут было принято, а я вешал на деревья бумажные гирлянды и цветные фонарики.

Нас приняли.

В лавках улыбались и давали куски получше, нарезали сыр и выбирали масло посвежее. Соседская детвора перестала вечерами кидать камешки в окна. Садовник поинтересовался, какие цветы предпочитает госпожа, и следующей весной грядки у дома будто взорвались жёлтыми и оранжевыми тюльпанами.

Мне это нравилось.

А ещё тут всем было наплевать на Тёмную Империю. Да, про неё знали, говорили, но не больше, чем про другие страны. Южан, мне кажется, не любили сильнее, жителей восточных провинций считали менее культурными, а северян – заносчивыми. Слово и не было девяносто лет назад великой Войны, сражений, альянсов, предательств и героизма. Свергнутого Тёмным Властелином монарха здесь не то чтобы чтили, но считали слабовольным растяпой-неудачником, павшим жертвой амбициозного волшебника. Самого Тёмного Властелина считали обычным магом! Никакого божественного или полубожественного происхождения его не признавали, слегка поругивали, но некоторые признавали, что он внёс огромный вклад в развитие магии и Тёмная Империя при нём добилась немалых успехов.

Честное слово: куда больше, чем Тёмного Властелина, здесь побаивались пронырливых южан! Пусть те и не прославились ратными подвигами, но успешно конкурировали с местными торговцами, скупали шахты и пастбища, селились обособленными кварталами и не признавали местные обычаи.

Вначале нас это удивляло. Потом стало обидно. А в конце концов – безразлично. Прежняя жизнь стремительно уносилась вдаль с каждым прожитым здесь днём. У нас даже речь приобрела местный акцент, над которым мы вначале тихонько посмеивались.

Я прошёл по улице мимо аккуратненьких домиков с цветниками вокруг. Заборчики были низкие, по пояс, калитки не запирались, на окнах не было занавесей – порядочному человеку нечего скрывать и нечего бояться. Старички курили трубки на порогах своих домов или сидели за чашкой пунша или кружкой кофе в кофейнях. Я вежливо кланялся каждому, касаясь фетровой шляпы с высокой тульёй и узкими полями. Мне кивали в ответ, точно так же дотрагиваясь до головных уборов. Шедший навстречу тощий подросток свою

шляпу уважительно снял, и дело было не в том, что я с его точки зрения совсем взрослый и к тому же маг. Дело было в том, что я свой.

Почти свой.

Я даже сам в это верил.

Наша калитка тоже была открыта, я вошёл, постучал ботинком о ботинок, стряхивая мусор. Зима здесь тёплая, снега почти не бывает, грязи тоже, но почистить обувь у ворот – местный обычай.

Мира была на кухне. Расставляла в шкафу вымытую посуду. Слишком уж чисто вымытую, на мой взгляд.

– Привет, – сказал я, целуя её в щеку.

Думаю, девять мужчин из десяти, покажи им Миру три года назад и нынешнюю, сказали бы, что она стала только красивее. Три года назад она была симпатичной девчонкой лет двадцати. Сейчас – красивой женщиной «за тридцать».

Не просто красивой – красавицей. Со светлыми волосами в одну косу (единственное, в чём Мира не уступила здешней моде – не заплетала волосы в две широкие косы и не складывали потом «улитками» на висках). Она не была пышной, что ценилось у местных дам, но и от тонкости юной девушки избавилась.

Красивая, умная, волшебная.

Моя.

– Как прошло? – спросила Мира.

Я видел её озабоченный внимательный взгляд. При встрече мы всегда смотрим друг на друга с опаской, ищем следы ушедшего времени.

– Прекрасно, – ответил я. – Минут сорок от силы всё заняло. Двадцать пять цехинов и... – я достал подарок, – в знак особой благодарности...

– Какая красота, – оценила Мира, разглядывая часы. Открыла крышку, полюбовалась выложенным перламутром циферблатом. – Очень изящная работа... и минуты показывают... Да они дороже, чем плата!

– Конечно. Всё очень красиво получилось. – Я сел на жёсткий высокий стул и рассказал, как очистил квартал от крыс и насекомых.

Мира засмеялась.

– Жди новых заказчиков, гроза мышей!

– Да легко, – я кивнул на тарелки. – Слушай, ты не...

– Я их просто мыла, – сказала Мира. – Взяла в лавке жидкое мыло для посуды. Новинка. Представляешь? – всё как новое!

– Без магии? – уточнил я.

Три года назад, добравшись до Низинного Княжества, мы с Мирой решили, что она некоторое время проживёт без волшебства. Хотя мы и оба постарели, но Мире досталось куда серьезнее. Она истратила десять лет жизни, защищая нас от Тёмного Властелина, воплотившегося в регуляторе магии Эмире. Теперь был мой черёд работать и стареть. Во всяком случае, до тех пор, пока наш возраст не сравняется.

– Без, – сказала Мира. Взяла стул и села напротив. – Я тебя обманывала, я иногда использовала волшебство. Немножко. В подвале подсветить. Пауков весной из спальни прогнала. И одежду гладила с руной, когда служанка болела, я ненавижу гладить.

Я кивнул. Я подозревал, что она использует волшебство, – совсем по чуть-чуть, по паре минут в неделю. Очень трудно отказаться от рунной магии, если ты ею владеешь.

– Но теперь я не буду использовать магию совсем, – сказала Мира.

Я уставился на неё, в первую очередь на волосы – нет ли седого волоска? Хотя Мира бы его вырвала...

– Девять месяцев не буду, – добавила Мира.

У меня всё внутри ухнуло. Я сглотнул и спросил:

– Что, точно?

Мира кивнула. Сидела, смотрела на меня и ждала.

– Никакой магии, – сказал я озабоченно. – Это уж точно. А гладит пусть служанка.

Есть лишь одно различие в рунной магии для мужчин и женщин. Женщины не могут колдовать, если они ждут ребёнка.

Во всяком случае, если хотят его дождаться.

Даже самое мелкое и лёгкое волшебство в этом случае опасно. Это ведь только женщина стареет, её время уходит, ребёнок живёт своим временем.

Если речь о мгновении, о минуте, то ещё может пронести. А если на магию тратятся часы – ребёнок умирает. Связь между матерью и нерождённым дитём не выдерживает волшебства.

Конечно, если женщина-волшебник не хочет иметь ребёнка, она наоборот всю пользуется этим...

– Что скажешь? – спросила Мира настороженно.

– Дай в себя прийти, – честно попросил я. – Неожиданно как-то.

– Меня соседки порой спрашивают, – сказала Мира, – в каком возрасте принято детей рожать в Тёмной Империи. Не болею ли я часом... Нет, ты не подумай, я не из-за этого...

Она снова замолчала. И я молчал.

– Я понимаю, мне двадцать. А ты ещё моложе. Но вот это... тело... – Мира провела по лицу рукой. – У него свой счёт. Оно кричит, что ему уже много лет. Что оно давным-давно готово. Что оно хочет родить. Продолжиться в вечности, а не истлеть бесследно. Может быть, ты не чувствуешь, Грис. Может быть, тебе кажется, что тебе восемнадцать...

– Девятнадцать почти, – поправил я.

– ...а не тридцать. Но это тоже неправда. Нам и восемнадцать, и тридцать. Мы и юнцы, и взрослые люди. С этим придётся жить, сколько уж осталось – столько и придётся. Такая судьба у магов. Такая цена у волшебства.

Мира замолчала, опустила глаза. Добавила:

– Наверное, не время. Мы ведь даже не решили, остаёмся ли здесь навсегда. Если ты скажешь, что не стоит... я пойду и поглажу простыни.

Я встал, шагнул к ней, обнял. Поцеловал в макушку. Кажется, Мира тихонько плакала, но я не хотел и виду подавать, что это заметил.

– Я тебе поглажу! – пригрозил я. – И посуду нечего мыть: у нас что, прислуги нет? Лучше возьми книжку и почитай.

– Все давно прочитала.

– Я схожу в книжную лавку. Там привезли три тома модного сочинителя из Восточных Провинций. Отпечатано в типографии, одно удовольствие в руки взять. Назидательные и развлекательные истории о похождениях магов, о сражениях между хорошими и плохими, о заколдованных и проклятых амулетах.

– Выдумка, что ли?

– Ну да, неправда. Но очень интересная неправда. Проклятое кольцо с тайными рунами, злодей-волшебник...

– Ты рад или нет? – спросила Мира прямо.

Я подумал.

– Наверное, рад. Только ошарашен. Я думал мы как-нибудь попозже об этом подумаем.

– Да куда уж позже! – сказала Мира. – Моя мать в пятнадцать замуж вышла, в шестнадцать брата родила, в семнадцать – сестру... ну, ту, что умерла от красной сыпи, я рассказывала...

В Западных Княжествах было принято выходить замуж не раньше семнадцати, а то и восемнадцати лет (мне кажется, это потому, что дочери очень много

работали по хозяйству, помогая родителям сбивать масло и пасти скот). Но вообще-то Мира права. Мы не дети, и даже выгляди на свой возраст, о наследниках стоило задуматься.

– Я рад, – сказал я. – Я пойду и куплю тебе книжку, чтобы ты могла с чистой совестью ничего не делать.

– Сама схожу, – решила Мира. – Спасибо, но хочу прогуляться. А ты.. я же знаю, чем ты занимаешься. Иди уж!

Она встала (никаких следов слёз, но я знал, что они были), и мы некоторое время целовались, обнявшись.

Если честно – мне всё-таки было не по себе.

Натурфилософам для работы нужна лаборатория со столом для вивисекции; всяческие стеклянные колбы, реторты, пробирки и перегонные кубы для экспериментов с жидкостями; химикаты щелочные, кислотные и нейтральные; хирургические инструменты и пневматические нагнетатели для операций; яркие лампы на газе или земляном масле для должного освещения; лупы и микроскопы для тонкой работы; медицинские банки и электрофорные машины для создания электричества; оранжерея, виварий и клетки для содержания существ природных и монстров; некоторое количество рунных амулетов для поддержания жизни в том, что иначе бы умерло; хорошая библиотека с книгами, содержащими разрешённое и запретное знание.

В общем – очень и очень многое, стоящее больших денег.

И очень хорошо, что это так, иначе натурфилософов со скальпелями в руках было бы больше, чем собак нерезаных.

Волшебнику для работы требуются лишь чистая бумага, остро отточенный карандаш и твёрдая рука.

И мозги, конечно.

Линейки, циркули, шаблоны, схемы и книги тоже не помешают, но это всё не обязательно.

Так что натурфилософия – наука для богатых, а магия – для бедных.

Зато посмотрел бы я на доктора Ирбрана или доктора Секта, попытайся они заняться своим искусством в другом государстве. Я уж не говорю о том, что даже эксперименты на животных не очень-то нравятся обывателям, что же касается экспериментов на людях, то тут и власти начинают хмуриться. Мучить живых людей и выжимать из них соки – привилегия правительства, а не учёных.

Таким богатым, как натурфилософ, я не был, но и к бедным странствующим магам, рисующим свои руны в пыли грязным пальцем, тоже не относился. У меня был свой дом, а в доме, на втором этаже, кабинет – маленькая комната с видом на наши цветники, кусок улицы, дом господина Снобели, дом госпожи

Аувиш и кусочек реки. У окна стоял большой письменный стол, на нём две стопки бумаги – потоньше и посерее – для черновиков и плотной белой – для окончательных построений. Карандашей было две коробки – и цветные (иногда помогает в работе), и чёрные, разной твёрдости и остроты заточки. Стояли две точилки и лежал старый скальпель, им затачивать удобнее всего, если рука набита. Линеек, транспортиров, циркулей, шаблонов было два выдвижных ящика. Помимо яркого света через большое окно, стол в вечернее время освещала газовая лампа с большим карбидным бачком и зеркальным отражателем. Кресло у стола было жёсткое, в таком удобно работать, но не разнежишься.

Да, ещё на столе лежала большая аспидная доска с алюминиевым стержнем для письма. Самые первые наброски удобнее делать на ней, экономя бумагу.

Я сел в кресло, посмотрел на спокойное течение Шпии, на госпожу Аувиш, возившуюся в своём саду – ожидалось похолодание, и она укрывала грядки с луковицами тюльпанов. Окно было открыто, и в кабинете было холодно, но это и бодрило. Зато небо чистое, и солнечный свет падал хорошо.

Из кармана я достал ключ хитрой формы и отпер самый нижний ящик стола. Там, на куске бархата, лежал амулет Акса Танри, некогда похищенный мной у доктора Ирбрана.

Серебристый диск (всё-таки не серебряный, я проверил, металл был гораздо твёрже серебра) с цепочкой, на одной стороне вензель «А», на другой – руна.

Я уже много раз перерисовал эту руну и легко смог бы сделать это по памяти. Но разобраться в знаке я никак не мог, и перерисованная руна оставалась мёртвой, чёрными линиями на бумаге или белыми штрихами на аспидной пластине. Чтобы руна заработала, её надо понять.

А я не мог.

То, что было выгравировано на амулете, с трудом, но отзывалось на магию, пило моё время (не меньше минуты, чтобы получился хотя бы слабенький отклик). Перерисованная руна молчала. Значит, надо было в ней разобраться. Я чувствовал, что это важно; может быть, даже важнее несчастного боевого создания, сотворённого Ирбраном из человеческой девочки, людоящера и ещё каких-то тварей. Это был амулет времён Великой войны, амулет одного из Шести Героев, чей подвиг переломил ход битвы.

Такие вещи не хранят в потайном отделении сейфа просто так.

Взяв со стола мощную лупу, я в очередной раз принялся изучать амулет.

В первой руне, лежащей в основе, я был абсолютно уверен. Это была руна Альгиз – руна Лось или иначе Жизнь. Мощная, полезная, составляющая главную часть всех лечебных заклинаний. Она была повторена многократно, кольцом обвивая перевёрнутую руну Манназ – Человек.

Беда была в том, что замкнутая в кольцо и соответственно перевёрнутая руна Альгиз работать не могла. Каждой руне Жизнь соответствовала такая же перевёрнутая, то есть руна Смерть.

Ну а перевёрнутая руна Манназ? Иногда она использовалась в боевых заклинаниях, чтобы сбить противника с толку или нанести урон здоровью. Но атакующий потенциал у руны был совсем небольшой. В перевёрнутом виде она вообще ничего не давала, только обозначала, что цель – не человек.

Был в рунном узоре и Турс, универсальная руна удара. И руна Вуньо – Радость, причём как в обычном, так и в перевёрнутом образе, означающем Горе. И две чёткие одиночные руны, ориентированные влево и вправо: Наудиз – Нужда и Гебо – Дар.

Шесть рун!

Причём три из них в двойном виде, обычном и перевёрнутом.

Неудивительно, что медальон пил время, как раскалённый песок пустыни – воду. Если бы я хоть приблизительно понимал, что медальон делает, то пожертвовал бы ему час-другой и посмотрел на результат. Но с таким набором рун медальон мог меня убить.

А почему бы нет?

Хитрый амулет для самоубийства!

Или для взрыва. Выкачивает всё время из мага и выбрасывает в пространство чистой энергией. Вот это кольцо из рун Альгиз вполне способно запустить самоподдерживающийся процесс; на каждой руне, если смотреть под лупой, есть такие маленькие штришки-колючки, которые сами по себе напоминают руну Турс и не позволяют волшебнику прервать заклинание раньше, чем амулет насытится временем.

Коварная штука!

Если бы Манназ не был перевёрнут, картина хоть какой-то смысл бы обрела...

Я вздохнул, откинулся в кресле. Побарабанил пальцами по столешнице, глядя на медальон. Манназ в круге напоминал младенца во чреве матери...

Голова кругом идёт от новостей. Ну как тут работать? Перевёрнутый Манназ, бред какой! Вот стоит маг, на шее у него висит амулет, маг готовится колдовать и смотрит на медальон...

Стоп. Как он на него смотрит? Снимает с шеи?

Да нет же. Не зря на нём такая длинная цепочка.

Волшебник приподнимает серебристый диск, не снимая с шеи. И смотрит на него – на перевёрнутый амулет!

И значит, Манназ нарисован правильно.

Дурацкая цепочка, протянутая сквозь приваренное к медальону кольцо! Она сбила меня с толку! Все знают, что где у медальона цепочка – там и верх,

ведь медальоны делают для того, чтобы на них смотрели другие люди, со стороны!

Кроме тех медальонов, на которые должен смотреть маг, не снимая их с себя.

Такую сложную составную руну очень трудно удержать в памяти. Бумага может порваться или запачкаться. Поэтому самый надёжный способ – выгравировать руны на медальоне.

Я перевернул амулет и посмотрел на него.

И всё сразу стало обретать какой-то смысл.

В центре Манназ – Человек.

Как и должно быть.

Теперь бы ещё понять, откуда мы начинаем читать рунную надпись. Из центра? Или с периферии? Либо от человека, либо от жизни-смерти...

Очень важно понимать, куда именно ты вливаешь своё время.

Схватив лист, я сделал несколько набросков, пытаюсь вычислить ход мысли придумавшего руну мага. Вроде бы получалось и так, и эдак. Если рисуем от центра... будет что-то вроде удара во врага, но с рикошетом в заклинателя. Зато удар практически неотразимый. Имеет смысл? Имеет. Как боевое заклинание последнего шанса. Я решил, что этот приём в любом случае стоит запомнить.

А если начинаем построение с периферии?

Тогда похоже на исцеляющее заклинание. Причём за счёт здоровья противника. Очень круто! Сразу и лечимся, и нападаем. Только хорошо бы кое-что в узоре подправить. И Вуньо тут совсем не нужна, без неё даже лучше будет работать. Можно восстановиться от любых ран, даже самых тяжёлых, а попутно ещё и прикончить противника!

Я взял ещё один лист и аккуратно вычертил руны. Влил пять секунд в центр – и бросил заклинание в стену.

По стене гулко стукнуло, даже какой-то мусор за обоями зашуршал. А у меня удар слегка отозвался в кулаке. Словно я рукой ударил, но не сильно.

Получилось!

Наверное, и второй вариант сработает.

С лёгким разочарованием я взвесил в руках медальон. Была загадка и кончилась. Сложная руна, двойной вариант использования, но ничего необычного. Кроме разве что принадлежности древнему Герою.

Так?

Нет, не так. Я в чём-то ошибаюсь. Слишком слабый эффект, ни к чему тут шесть рун городить. Даже в древности любой маг постыдился бы такого сложного построения с таким слабым эффектом.

И ещё одно – моя руна сработала легко. А руна на медальоне пьёт время и едва-едва теплеет. Значит, при всей схожести она другая, я ошибаюсь.

– Я плохой маг, – сказал я.

И услышал из-за спины, где мгновение назад никого не было:

– Ты хороший маг, Грисар.

Я обернулся, сжимая амулет в кулаке. Нет, я сразу узнал голос, но я сам себе не поверил.

У дверей стояло невысокое чешуйчатое создание и смотрело на меня человеческим взглядом. Оно было закутано в серый длиннополый плащ и только откинутый капюшон позволял её узнать.

– Сеннера! – воскликнул я. – Сеннера, ты жива!

– Я жива, – подтвердила изменённая.

– Как ты здесь оказалась? – отодвигая кресло и вставая, спросил я.

– Приехала из Тёмной Империи, – ответила Сеннера. – Меня послали тебя убить.

Руна восемнадцатая, Беркана

Я не очень удивлялся тому, что мы с Мирой выбрались из Тёмной Империи. Полиция, гвардейцы, регуляторы, армия, в конце концов доверенные маги властелина – это огромная сила. Но когда два беглеца, меняя обличья, путешествуют по большой стране – задержать их непросто.

Зато первое время меня удивляло, что нас не схватили и не убили, когда мы осели в Западных Княжествах.

Мы с Мирой долго спорили, жить ли нам под своей внешностью или изменить её, продолжать заниматься магией или освоить другую профессию, в конце концов не поменять ли имена.

Но в итоге решили, что это всё бесполезно.

Есть поисковые заклинания. Некоторые попроще и не очень точные. Другие позволяют отследить беглеца с точностью до улицы и дома. И никакая смена облика или имени тут не поможет, заклинания будут привязаны к нашим личным вещам, а они по большей части остались в Тёмной Империи. Если волшебнику не жалко времени – а для Тёмного Властелина время ничего не стоит, то неподвижную цель найдут.

И чем сильнее мы будем прятаться, тем больше подозрений вызовем.

С одной стороны, если прятаться и метаться из города в город, то Тёмный Властелин ещё больше насторожится. Значит, что-то замышляют, совесть нечиста!

С другой стороны, если, уехав из Тёмной Империи, мы поселились под своими именами и ведём тихую жизнь магов по найму, зачем нас искать? Ну, обворовал я доверенного натурфилософа, увёл созданную им тварь. Так ненадолго ведь, убежал, и Сеннеру схватили. Погибли в схватке гвардейцы? Бой был честным, и убило их защитное заклинание. Тёмный Властелин своим гвардейцам благоволит, но и маги для него не чужие, он сам маг.

Конечно, есть ещё похищенный амулет. Но знает ли Тёмный Властелин о нём? На месте Ирбрана я бы молчал о таком конфузе!

В общем, мы рискнули и стали жить не прячась. Да, были наготове. Да, ставили защитные и сигнальные заклинания. Подозрительно приглядывались к нечастым гостям из Тёмной Империи, приезжавшим в Низинное Княжество.

Но время шло, а нас никто не преследовал. Жизнь в Тёмной Империи шла своим чередом, жизнь в Княжествах – своим.

Мы устали бояться.

Я понял это в тот день, когда Мира притащила с рынка огромный горшок с редким и красивым растением – «облачной флейтой» – и сказала:

– Весной расцветёт.

До этого мы ничего не планировали так надолго.

Мы начали вспоминать в разговорах Ирбрана и Секта, без особой обиды или злости, просто как факт жизни. Сеннеру мы тоже вспоминали, с грустью, но надеясь, что она жива. Однажды я попросил Миру научить меня той хитрой защитной руне, что превратила стрелы гвардейцев в неотразимое пламя. Она научила меня, спокойно, без печали и сожалений.

Зато однажды за ужином, обнаружив, что купленный нами сахар принадлежит торговцу Орми Снапсу – тот к нашему удивлению не разорился, а, напротив, захватил весь сахарный рынок, мы хохотали весь вечер. Потом стали выяснять, каким образом хитроумный Снапс выкрутился. И в итоге пришли к выводу, что Орми скупил на рынке самый низкокачественный сахар под видом самого чистого и дорогого, застраховал склад и сам же, через подставных лиц, заказал его уничтожение. В итоге он ничего не потерял, зато дешёвый сахар полностью с рынка исчез, а Снапс взвинтил цены на сахар с других

своих складов. Причём никто даже не упрекнул его в этом, ведь все знали, что сахароторговец пострадал и близок к разорению!

Тогда мы с Мирой были ещё дети. И хитрый торговец обвёл её вокруг пальца.

В общем я уверился, что Тёмному Властелину до нас дела нет, да и натурфилософ Ирбран, вернув своё творение, от мыслей о мщении откажется.

Теперь слова Сеннеры меня ошарашили. Я стоял, глядя в её человеческие глаза на плоском и чешуйчатом, будто морда ящерицы, лице.

Её послали убить...

– Только меня? – спросил я.

– Тебя и Миру, – сообщила Сеннера.

Она помолчала.

– И даже детей, если они у вас есть. Я не стала объяснять, что вы только ждёте ребёнка.

– Так ты знаешь? – меня это поразило.

– Да, – коротко ответила Сеннера. Подошла ко мне, прижалась головой к животу. Постояла так секунду, потом повернулась к столу и стала изучать рисунки рун.

– Почему? – спросил я. – Три года нас никто не преследовал...

– Повелитель потребовал от Ирбрана медальон. Доктору пришлось сознаться, что ты его украл. Повелитель был очень зол. Он даже хотел, чтобы я растерзала Ирбрана.

Сеннера вздохнула.

– К сожалению, он передумал. Ирбран и Сект добились больших успехов, они нужны повелителю.

Я сел в кресло. Не похоже было, что Сеннера кинется на меня прямо сейчас. Из её слов похоже, что она вообще не кинется.

– Расскажи мне, что произошло, – попросил я. – После нашего бегства.

– Тёмный Властелин пришёл к Секту, – сказала Сеннера. – Не сам, конечно, а регулятор, который был его голосом. Он похвалил его и велел работать вместе с Ирбраном. Это по приказу повелителя лаборатория Секта была обворована и всё передано Ирбрану – тот и не знал, кто проделал большую часть работы.

– Сект согласился?

– Конечно, – на лице Сеннеры появилось что-то, напоминающее улыбку. – А разве кто-то мог бы отказать? Даже Ирбран не осмелился проявить

недовольство. Они теперь работают вместе, у них новая общая лаборатория в замке Тёмного Властелина. Сект занимается теорией и начальной стадией экспериментов. Он сентиментален и боится слёз.

Она легко оттолкнулась от пола и уселась на стол передо мной. Даже принялась качать ногами, как обычный ребёнок.

Я сглотнул. Спросил:

– А Ирбран...

– Работает с людьми. Изменения успешны, если брать детей с даром рунной магии. Теперь Академии, Мастерские, Школы выпускают в два раза меньше волшебников. Только самых лучших. Остальных отправляют к Ирбрану.

Мне стало нехорошо. Это же сотни детей! Может быть, тысячи!

– А ты? – спросил я.

– Я – любимица Тёмного Властелина, – ответила Сеннера. – У меня нет побега Жохар-До-Лакши в мозгу. Ирбран и сам недоволен этим методом, он работает лишь рядом с объектом обожания. Изменённые живут с Жохар-До-Лакши, но их повелителю надо самому идти с ними в бой. Очень неудобно.

– Но ты служишь Тёмному Властелину? Просто так?

Сеннера кивнула. И пояснила:

– Он добр ко мне. И мне обещана великая награда.

– Какая? – зачем-то спросил я.

– Когда помощники Ирбрана узнают всё, что знает натурфилософ, Тёмный Властелин отдаст Ирбрана мне. Я сделаю с ним то, что захочу. А потом... – Сеннера помолчала. – Потом Сект попытается разделить меня. Все мои части хотят свободы.

– Я надеюсь, у тебя всё получится, – сказал я. – Мы с Мирой вспоминали тебя, Сеннера.

Монстр молчал, глядя на меня. Потом Сеннера сказала:

– Тут кроется проблема. Тёмный Властелин был впечатлён вашей отвагой и умением. Когда он узнал, что вы покинули Империю, он велел вас не трогать. Но Ирбрану пришлось сказать про медальон, и тогда повелитель разгневался. Нас послали забрать медальон и убить вас.

– Нас?

– Я – старшая над группой из четырёх изменённых, – пояснила Сеннера. – Я отдаю им приказы, но самый главный приказ отдал Тёмный Властелин: убить вас, вернуть медальон.

– Плохо, – сказал я. – Нам придётся сражаться, и ты, возможно, меня убьёшь.

– Если будем сражаться, наверняка убью, – согласилась Сеннера. – Теперь у меня большой опыт.

Мы помолчали.

– Я не собираюсь причинять вам зло, – вновь сообщила Сеннера. – Но надо найти выход. Сейчас мой отряд занят, убивать вас мы решили ночью.

– Угу, – кивнул я.

– Мы приехали в город с цирковой группой, – зачем-то объяснила Сеннера. – «Плоды похоти и разврата, дети-чудовища». Наш хозяин – один из регуляторов, но он ни во что не вмешивается, притворяется обычным дрессировщиком. Именно на него замкнута любовь изменённых. Мы стоим за решёткой и скалимся на посетителей. Про нас говорят, что мы родились от связи между людьми и чудищами. Моя мать, например, сожительствовала с людоящером!

– Какая мерзость, – сказал я. – Бедная девочка...

– Я уже не девочка, я старше тебя, – сказала Сеннера и замолчала.

– Хочешь чая? – спросил я. – И ещё есть суп из солёной трески.

– Я шла через кухню, – сообщила Сеннера. – Я унюхала. Чай я хочу.

Мира не удивилась.

Она настолько не удивилась, что я испытал прилив гордости за неё и ощутил собственную никчёмность.

Мира вошла, положила на стол купленную книгу и корзинку с какими-то покупками и сказала:

– Привет, Сеннера. Знаешь, ты подросла. Я купила яблочный пирог, любишь яблоки?

Сеннера впилась в неё взглядом. И как-то слегка вжала голову в плечи, словно признавая поражение.

Вздыхнув, Мира сказала:

– На доме следящее заклинание. Я узнала, как только ты вошла.

Сеннера всё так же молча посмотрела на меня. С недоумением и обидой.

– Заклинание поставлено на тебя, ты его ощутить не можешь, – сказала Мира. – Даже Грис не знал. А я была уверена, что ты придёшь. Мы – друзья?

Сеннера опустила голову. Потом сказала:

– Да. Я на тебя злилась. Но это прошло.

– Почему злилась? – удивилась Мира.

– Ты меня не спасла, – тихо сказала Сеннера. – Бросила.

– Мы не могли взять тебя с собой, девочка, – тихо сказала Мира. – Прости. Никак не могли. Нас бы убили всех вместе.

Сеннера посмотрела на неё. Лицо ящерицы не выражало эмоций, но в глазах была старая обида.

– Прости нас, – повторила Мира.

– Ты красивая. А я уродина. – Сеннера провела по голове несоразмерно длинной когтистой рукой. Бережно коснулась жалких прядок волос. – Когда я была человеческой девочкой, у меня были длинные чёрные волосы. И красивое лицо. И нормальные руки. И скоро начала бы расти грудь. А у людоящерики была замечательная чешуя, никакой шерсти, и мигательная перепонка бронзово-жёлтая, это большая редкость. Бронированный кот был самый сильный в стае и вообще самец. Доктор Ирбран даже поленился найти кошку, он был уверен, что мы сдохнем через день-другой. Когда нас соединили, мы все кричали от омерзения. Но я... я человек. Я умнее людоящерицы и кота. Поэтому мне больнее. А ты красивая, я была бы такой же. Ты стала старше, но ты ещё пока красивая. Ты родишь ребёнка, – Сеннера глянула на меня с таким возмущением, будто я был когда-то с ней обручён, а потом цинично бросил ради другой, – будешь матерью. А я никого не смогу родить и даже любить никого не смогу, пока нас трое в этом теле!

Мира смотрела на неё. Потом сказала:

– Грис, сходи, пожалуйста, в лавку. Купи мёд. Я забыла. Тут очень хороший клеверный мёд, без него чай пить неинтересно.

Я знал, что мёд есть в буфете. И Сеннера, наверное, чувствовала запах мёда.

Кстати, и мёд-то у них паршивый, у них тут сыр вкусный и мясо. А мёд только что сладкий.

Но я встал и пошёл в лавку.

Я шёл, раскланивался с соседями и кивал незнакомым людям, с любопытной старушкой-лавочницей поговорил о погоде, а уже потом купил мёд и двинулся обратно. Смотрел на аккуратные низкие заборчики, на пожелтевшие листья деревьев и пожухшую траву – тёплые здесь всё-таки зимы; вначале было непривычно, а теперь мне нравится. Дошёл до пристани, поговорил с лодочниками и узнал, какие корабли в порту, а какие уплыли, куда и когда именно. Потом постоял минуту у реки, глядя на выходящие на промысел рыбацкие лодки. Тут хороший вечерний лов.

Очень жаль, что наша жизнь здесь заканчивается. Очень жаль, что снова придётся бежать.

И я вернулся домой, бережно неся глиняный горшочек мёда, который мы даже не успеем доесть.

Мира и Сеннера сидели у стола обнявшись. Мира как-то так ухитрилась обнять Сеннеру, будто это не взрослый обнимает ребёнка, а две подруги, наговорившись, прижались друг к другу. Перед ними стоял чай, и мёд в вазочке, и нарезанный пирог.

– Так и знал, что мёд у нас есть! – сказал я нарочито громко.

– Сядь, Грис, – велела Сеннера. – Нам надо решить, как вы спасётесь.

Я послушно сел напротив. Три года назад Сеннера, даже когда начала говорить разумно, вела себя как подросток. Страшноватый, агрессивный, но подросток. А сейчас словно стала старше нас. Служба Тёмному Властелину – она такая, год за три...

– Амулет я заберу, – сказала Сеннера. – Это важно, это важнее всего. Повелитель не успокоится, пока не вернёт его.

– Да пожалуйста, – кивнул я. – Я три года с ним возился. Могу по памяти руну нарисовать. И вообще, я понял, что она значит...

Лицо Сеннеры, обычно совсем неэмоциональное, исказилось:

– Молчи, молчи, молчи! Я этого не слышала, я этого не знаю! Ты редко смотрел на амулет, ты плохо запомнил руну, ты в ней не разобрался!

– Хорошо, – быстро подтвердил я. – Так и есть. Ерунда там какая-то нарисована. И амулет некрасивый. Было бы хоть серебро, а то так... серебришко...

– Это важный амулет и тайная руна, – успокаиваясь, сказала Сеннера. – Тёмный Властелин едва не покарал Ирбрана за его утрату. Принеси его! И все рисунки!

Я быстро сходил наверх и принёс амулет. Все рисунки и наброски стрёб и тоже принёс вниз, лишь одну копию руны – собственноручно вырезанную на мягкой берёзовой плашке, спрятал в карман.

Конечно же, я руну помнил. За три года запомнил бы любой, даже далёкий от магии человек. Но точная копия не помешает.

Под внимательным взглядом Сеннеры я бросил ворох бумаги в разожжённый камин.

– Из кармана тоже, – сказала Сеннера.

Я пристыженно достал плашку и кинул в огонь.

– Хорошо. Теперь нужна кровь.

Я молча протянул ей руку, Сеннера взяла со стола ножик и хладнокровно надрезала мне палец. Вымазала медальон в крови, обтерла о свой плащ и спрятала куда-то в потайной карман. Сказала:

– Вот так. Я взяла медальон с твоего мёртвого тела. Теперь самое сложное. Моя команда придёт убивать вас ночью. Они должны быть уверены, что вы мертвы.

– Скажи, что сама убила нас.

– Нет. Должны быть свидетели.

Сеннера опустила голову на стол, некоторое время смотрела на меня. Потом сказала:

– У тебя руна переноса наготове?

Я кивнул.

Как же я этого не хотел! Каждый раз руна переноса выпивала у меня с год жизни, а уж последний раз всё пошло совсем неудачно, я дважды вливал в руну по году – она не срабатывала, и лишь когда я влил три...

Пять лет жизни за то, чтобы перенестись на несколько миль!

Ну хорошо, тогда был форс-мажор. И повелитель что-то делал, мешавшее мне применить руну переноса.

Пусть я сейчас потрачу не пять, а год. Даже полгода. Всё равно очень много.

– Конечно же, – сказал я. – Не проблема.

– Мы придём под утро, – сообщила Сеннера. – В четыре часа. Наш укротитель не придёт, он обеспечивает прикрытия. Со мной будут четверо изменённых. Один мальчик похож на волка, предпочитает ходить на четырёх лапах. Зубы ядовиты. Он быстрый, но глупый и плохо держит удар. Его можно просто оглушить или сломать ноги, Турс против него прекрасно работает. Второй мальчик совмещён с питоном. Обычно медленный, в атаке быстрый, чешуя прочная. Ползает, хорошо таится, может двигаться по стенам и потолку, но неуверенно. Боится огня. Лучше всего отпугивать руной Кано. Третья – хрупкая, очень и очень быстрая, у неё вытянутая морда, совсем не человеческая, из морды выстреливает зубастый язык. Она совмещена с насекомыми тварями юга. Турс её тоже бьёт хорошо. Четвёртый – самый умный и самый опасный. Похож на человеческого мальчишку, поросшего шерстью с головы до пят. Но это не шерсть, это тонкие ядовитые иглы. Он может ими стрелять на небольшое расстояние. Очень умный и недоверчивый. К сожалению, прочный. Его надо убить.

– Только его? – спросила Мира деловито.

– Можно ещё кого-то. Наверное, девочку-насекомое, она не умеет отступать. Но хорошо бы оставить двух свидетелей вашей смерти. Волк и питон

сгодятся. Обновите следящие руны, когда мы войдём – дайте бой. Питон поползёт по стене снаружи, ждите его в окно. Волк кинется первым, за ним – насекомое. Я пойду последней, и когда дойду до вас – все остальные должны быть убиты или покалечены.

– А где будет мальчишка-дикобраз?

– Дикобраз?

– Есть такой зверь, он умеет стрелять иглами.

– Не знаю. Он всегда выбирает путь сам, я не могу ему приказать. Но его надо убить обязательно.

Сеннера подумала миг и пояснила:

– Дикобраз... Правильное слово. Он не только умный, он ещё и мой враг. Когда один или двое будут мертвы, а остальные ранены, я брошусь на вас. Постарайтесь меня не убить, но сопротивляться. В ходе драки подожгите дом и кричите, как будто умираете. Я побуду немного в огне и спущусь вниз обгоревшая. Вы после этого уйдёте через руну.

– Зачем тебе обгорать? – спросила Мира.

– Для убедительности, – сказала Сеннера. – Я боюсь огня. Но ещё важнее, что его не любит Властелин, в юности он едва не сгорел при пожаре. Если я буду обгоревшая, он пожалеет меня и не станет строго допытываться.

Я кивнул, сглотнул вставший в горле ком.

– Ещё приготовьте немного своей крови, – попросила Сеннера. – Чутьочку. С полстакана хватит. Оставьте в спальне. Когда останусь только я – облейте меня ею. Может быть, даже придётся намазать мне ею рот. Я должна выглядеть так, чтобы сомнений в вашей судьбе не было.

– Хорошо, – сказала Мира. – Это совсем не проблема. Правда, Грис?

– Конечно.

– Вот, наверное, всё. – Сеннера помолчала. – Я бы хотела уйти с вами. Если бы это было можно. И если бы вы меня взяли. Но у меня есть маленький шанс, что властелин отдаст мне Ирбрана. И ещё меньший, что я потом разделюсь и стану человеком. Может быть, мы когда-нибудь увидимся?

Я кивнул. Меня начали душить слёзы.

– Уезжайте, я не хочу знать куда. Смените имена. Не пользуйтесь магией. Сразу, как уйдёте через перенос, наложите руны защиты. Сильные. Хотя бы на месяц-другой. Даже если это отнимет у вас год или два жизни. Тёмный Властелин будет искать вас, но он не станет тратить совсем уж много времени. Проверит раз-другой... и забудет. А вы живите.

Сеннера спрыгнула со стула, набросила капюшон на голову. Подошла ко мне, ткнулась в живот, уже знакомым движением. Я осторожно положил руку ей на плечо, погладил. Потом Сеннера подошла к Мире, и та её обняла.

О чём бы они ни говорили без меня, их отношения стали гораздо лучше.

Уже в дверях Сеннера оглянулась и сказала:

– Если вы останетесь живы... и если Мира выносит ребёнка... и если это будет девочка... и если у вас нет другого имени на примете...

– Мы назовём её Сеннера, – сказала Мира. – Это самое малое, что мы можем для тебя сделать.

– До встречи, – сказала Сеннера. – До утра.

– До утра, – сказал я.

И мы с Мирой остались вдвоём.

Пылал огонь в очаге, давно уже испепеливший все мои наброски рун. Давно остыл суп и выдохся чай. За окном темнело. Мы сидели молча, поглядывали на стены, на посуду, на огонь...

– Я пойду и соберу вещи, – сказала Мира. – Совсем немного. Вещи и деньги.

– Хорошо, – сказал я. – Сторожевые руны я обновлю. И сделаю пару ловушек.

– Грис...

– Всё нормально. Ты не должна пользоваться магией. Мы должны сохранить ребёнка, потому что мы обязаны назвать её Сеннера.

– Да, а если мальчик? – Мира слабо улыбнулась. – Засмеют же парня... Я приду через десять минут. Найди в погребе лучшую бутылку красного вина.

– Думаешь, стоит? – удивился я.

– Мы сейчас будем резать друг другу вены и цедить по полстакана крови. Поверь женщине – после этого полезно выпить красного вина.

Руна шестая, Кано

Есть люди, которые умеют спать, если надо. Солдаты ложатся и спят перед боем, стражник отсыпается перед ночной сменой, доктор в лечебнице перед дежурством, студенты в Академии перед серьёзным экзаменом. Они знают, что

скоро им придётся тяжело и много работать или драться насмерть – и они набираются сил.

Во всяком случае, я слышал, что такие люди есть.

У меня это никогда не получалось.

Я обновил сторожевые руны. Мы ещё раз проверили, все ли ценные вещи собрали в один-единственный маленький кофр. Надрезали друг другу руки, словно влюблённые подростки в популярной пьесе «Вам это снится». В отличие от наивных героев пьесы, остановили кровь и забинтовали запястья, потом выпили густого красного вина, чтобы восстановить силы.

И легли спать, не раздеваясь ко сну. Но прежде я поставил руну пробуждения на два часа ночи. Сеннера говорила о четырёх часах утра, но вдруг её команда потребует выступить раньше?

В спальне было темно, на ночь мы опускаем шторы, хотя в Низинном Княжестве это не очень-то принято. Мира дышала спокойно и глубоко, а вот я никак не мог расслабиться и уснуть. Когда мы легли, часы на башне ратуши пробили девять, потом прозвучали десять ударов, потом одиннадцать... Я то лежал неподвижно, то ворочался. Отодвигался от Миры, снова прижимался к ней – осторожно, чтобы не разбудить. Сбрасывал одеяло и давал себе замёрзнуть, чтобы потом укрыться и уснуть от уютного тепла, обычно это помогает.

Но сегодня мне было не суждено уснуть. Когда часы пробили полночь, я смирился с этой мыслью. Тихо спросил:

– Мира, ты спишь?

К моему удивлению, она сразу же отозвалась.

– Нет.

– А что делаешь? – глупо спросил я.

– Дом вспоминаю и жалею. Это хороший дом. Такая посуда замечательная на кухне. И постельное бельё мы неделю назад новое купили, я его даже не успела хоть раз постелить.

– Хочешь, сейчас постелим?

– Нет, это глупо. И книжку я купила, она дорогая. Никогда не брала книжек с развлекательными сочинениями, только те, что для дела...

– А ты её не забрала?

– Нет.

– Ну и зря. Она ещё влезет в сумку, – я встал с кровати. – На кухне?

– Да, там и осталась.

– Я принесу.

Вставая с кровати, опуская ноги на пол, я и не думал, что уже никогда не вернусь в спальню и не лягу в кровать.

Честное слово, не думал.

Сеннера так уверенно говорила о нападении в четыре утра, что в полночь я никого не ждал. Да и кто нападает в полночь, когда жертвы могут ещё и не спать? Самый бесшабашный вор дожждётся хотя бы часа – двух часов ночи.

В темноте я легко дошёл до двери, приоткрыл, стал спускаться. Внизу в доме окна были не зашторены, и после полной темноты казалось, что там почти светло. Сторожевые руны, которые я лично обновил вечером, молчали.

Вначале я удивился, что на кухне так свежо.

И лишь когда на кухне шевельнулась тень, заподозрил неладное. Но вначале не поверил своим глазам.

Здесь не могло никого быть!

Любой человек вызвал бы срабатывание руны!

Я вызвал руну света – её можно создать разными методами, но я использовал сочетание Кано и Дагаз, и бросил под потолок кухни, влив одну секунду жизни. Руна засияла как несколько хороших стеариновых свечек.

В углу кухни, у открытого настежь окна, стоял изменённый. Он был выше Сеннеры, я сравнил бы его с подростком, очень тонкий, хрупкий, с конечностями неестественно вытянутыми – даже у Сеннеры руки были чрезмерно длинные, а у этого почти доставали до пола, причём одна рука была явно длиннее другой.

Впрочем, почему «у этого»?

Девушка. Изменённая была обнажена, и у неё были заметны груди. Всё тело покрывал хитин – не чешуя, как у Сеннеры, а сплошной серо-зелёный покров, делящийся на сегменты, как у муравья или богомола. На первый взгляд, покров казался доспехами, которые надела на себя хрупкая дева-воительница, лишь потом становилось понятно, что это жутковатая оболочка живого существа.

Но куда страшнее была голова девушки. На ней полностью сохранились волосы – умильные белокурые кудряшки. Черты лица тоже остались человеческими, но гротескно искажёнными, натянутыми на голову с формой как у гончей или пони.

– Тихо... – сказал я, вытягивая вперёд руку. – Тихо, тихо... мы не враги...

Сеннера при первой встрече тоже показалась мне неразумным монстром...

Рот девушки начал открываться. Не в улыбке, как мне вначале показалось, и не для того чтобы ответить. Нижняя челюсть опускалась вниз,

растягивалась, выворачивалась, а из головы выдвигалось что-то вроде ещё одной челюсти размером с кулак, медленно и заворачивающе.

А потом эта челюсть будто выстрелила в меня!

Уж не знаю, могла бы она преодолеть те четыре метра, которые нас разделяли. Челюсть крепилась на конце длинного и тонкого серого языка, разматывающегося будто лягушачий. Может быть, она бы до меня и дотянулась.

Но на моей вытянутой руке уже горела руна Турс, расплющенная в щит. Невидимая стена разделила нас, челюсть гулко ударила в неё и упала на пол. Девушка-изменённая взвизгнула, отшатнулась назад. Язык сматывался обратно в голову, волоча за собой клацающую зубами челюсть.

Мерзость-то какая!

Как сотворённые натурфилософией монстры ухитрились совмещать в одном маленьком теле все эти органы, взятые от разных существ, – ума не приложу.

– Мира, вставай! – крикнул я. – Враги!

Можно подумать, она не услышала звуки боя.

– Поднимайся! – крикнула мне Мира.

Одной рукой я взял со стола книгу и сунул за пояс – ну не зря же спускался? И начал пятиться, держа перед собой щит и не сводя с изменённой глаз. Почему она пришла так рано? Почему одна?

Дверь разлетелась щепками, и в кухню ворвался ещё один изменённый. Вот это точно был парень, никаких сомнений, поскольку одеждой он пренебрёг. Довольно рослый, уже не ребёнок, даже почти не подросток, а юноша. Весь покрытый шерстью, с волчьей головой. Был ли у него хвост, я не присматривался, но любой деревенский дурачок при взгляде на изменённого уверенно закричал бы «волколак». Он стоял на пороге, озираясь и слегка покачиваясь, будто двух ног ему было мало.

Значит, девочка – совмещённая с насекомым, и мальчик, совмещённый с волком... Мальчика-волка Сеннера не особо боялась, девочку просила убить.

Мальчик-волк встал на четыре лапы и явно почувствовал себя увереннее. Уставился на меня и проорал тонким детским голоском:

– Нямка!

Меня смутил размер, а ведь, похоже, что его человеческая часть была совсем малышом. Натурфилософ совместил маленького мальчика со взрослым волком?

Я подумал, что если встречу Ирброна раньше, чем того отдадут Сеннере, то её месть может и не состояться.

Волк тупо кинулся вперёд, на меня, полагаясь на размеры и силу. Он ожидаемо ударился мордой в щит, завизжал и упал. Я влил в щит секунд двадцать, вскинул вверх – и ударил по волку.

Изменённого прижало, приплюснуло, захрустели какие-то кости. Волк завизжал и начал уползать к двери. Похоже, боец из него был так себе.

Добивать я его не стал, да и возможности для этого уже не было – девочка-насекомое опять выстрелила своим языком-пастью, я едва успел увернуться. Ядовитые зубы клацнули рядом с моей щекой. Девочка взвизгнула от обиды, втягивая язык. Это было её слабым местом – несколько секунд, пока пасть «перезаряжалась», она оставалась беспомощной.

И я не собирался упускать эту возможность.

Ещё один Турс – на правую руку, длинным клинком. Взмах – и я рубанул по языку, рассёк его и отрубил, оставил глубокую зарубку на полу.

Девочка зашипела и кинулась ко мне, размахивая руками. Я поставил щит – и в полной растерянности обнаружил, что на её руках тоже полыхают руны Турс! Длинной рукой она орудовала, будто мечом, короткую держала наготове для обороны. Два удара – и мой щит сторел.

Я не стал делать новый. Изменённая вряд ли дорожила своим временем, и я рисковал втянуться в ненужное изнурительное сражение.

Вместо этого я свернул конусом руну Гебо, вложил в неё руну Исаз – и швырнул в изменённую.

Коварство Гебо в том, что её мало кто использует как оружие. Это руна Дара, с её помощью лечат, передают предметы, восстанавливают силы. Её очень трудно отразить, да никто к этому и не готовится.

Даже если девочка-насекомое поняла, что происходит, шансов у неё не было. Руна Гебо пронзила её, растворилась – и выпустила Исаз, наполненный десятью минутами моей жизни.

Что-то мелькнуло в её глазах – боль, разочарование, страх... Может быть, ещё и усталость с облегчением – от того, что всё закончилось. Очень надеюсь, что там были усталость и принятие конца.

Изморозь проступила на хитине, покрывающем грудь. Длинная рука дёрнулась, поднимаясь, покрылась коркой льда – и переломилась. Глаза из тёмных стали белёсыми, ледяными. Изменённая открыла рот – и из него пощёрли клубы пара и посыпалась снежная пыль.

Она так и застыла, пытаясь дотянуться до меня – изломанное, исковерканное, мёртвое создание.

Я выдохнул. В воздухе вдруг поплыл тягучий тревожный звон – сработали мои охранные руны. Да почему же так поздно-то?

Мальчик-волк уже выполз в дверь. Девочка-насекомое стояла рядом куском промороженной плоти.

– Мира! – позвал я.

– Поднимайся, Грис, – позвали сверху. – Только без глупостей.

Это не был голос Миры.

Я слишком отвлёкся на бой!

Медленно повернувшись, я пошёл вверх по лестнице, в темноту спальни.

– Не вздумай колдовать, – сказал незнакомый голос.

– Я не собираюсь идти в темноту, – сказал я и потянул за собой из кухни руну Света. Огонёк проплыл над моей головой, влетел в спальню и повис под потолком.

– Неважно, что ты собираешься делать, – ответили мне.

Теперь я их видел.

Змееобразная тварь, в которой вообще ничего человеческого не угадывалось, обвивала Миру, беспомощно лежащую на кровати. Голова твари покачивалась в воздухе, выстреливая тонким языком то в мою сторону, то к лицу Миры.

Сеннера стояла у открытого окна, мрачно глядя на меня и сжимая-разжимая ладони. Когти поблёскивали в полумраке.

А рядом с Сеннерой стоял незнакомый мужчина средних лет. Он был коротко пострижен, но с роскошными бакенбардами и усами, одет в тёмный штатский костюм, подогнанный по фигуре, будто мундир. Мужчина был мускулист и собран, стоял так, что в любой момент мог броситься вперёд.

Всё в нём: причёска, одежда, фигура, манера держаться подсказывали мне, что это бывший вояка. Солдат или гвардеец, но вряд ли полицейский – не та выправка.

Регулятор! Тот самый, что должен был обеспечить прикрытие, а не врываться в наш дом.

– Видишь, Сеннера, – сказал регулятор. – Мы правильно сделали, что пришли раньше. У них почему-то собраны вещи.

– Хитрые, – сказала Сеннера. – Почуяли. Цирк – слишком людное место. Заподозрили.

– Может быть, – согласился регулятор.

Я чувствовал, что он её подозревает. Не всерьёз, скорее по привычке не доверять никому, но подозревает. Плохо.

Где же мальчик-дикобраз?

– Ты заложишь руки за голову, – сказал регулятор. – Ляжешь на пол. Тогда мы свяжем вас и увезём, вы останетесь живы. Иначе убьём твою подругу, а потом и тебя.

– Уверены, что получится? – спросил я.

– Не знаю, – как-то очень искренне ответил регулятор. – Но подругу точно убьём. А так есть шанс.

Скорее всего, он врал. Сеннера сказала, что нас велено убить; с какой стати они будут рисковать, вывозя нас из княжества?

Но я всё-таки обдумал этот вариант.

– У меня другое предложение, – сказал я, перебирая в памяти руны и их сочетания, выстраивая новые знаки и наполняя их своей жизнью. Я даже не считал, сколько времени уходит в каждую из них. – Вы отпускаете мою жену. Я оставляю вас в живых. Если Тёмному Властелину что-то от меня нужно – я всё выполню, всё отдам, всё расскажу. Но назад не вернусь.

– И что заставляет тебя думать, что я нарушу приказ повелителя и отпущу тебя? – спросил регулятор.

– Руна Бога на твоём лбу, – ответил я.

Регулятор напрягся. А самое главное – взгляд его при этом дёрнулся куда-то вверх, к потолку.

Нет, правда, что ли?

Мира что-то едва слышно промычала.

– Если ты не справишься сам, – продолжил я, – а я тебе обещаю, что ты не справишься, тебе придётся воззвать к повелителю. И он придёт в твоё тело. Думаешь, Тёмный Властелин будет беречь твоё время?

– Повелитель ценит своих слуг.

– У повелителя их много.

На мгновение мне показалось, что он может решиться на моё предложение. Всё-таки один изменённый был убит, второй выведен из строя. Наверняка он знал, что однажды мы с Мирой уже справились с группой захвата.

Но потом регулятор бросил взгляд на Сеннеру – и я понял, что ничего не выйдет. Он ей не доверял и боялся.

А ещё больше боялся Тёмного Властелина.

Я не стал больше ждать.

Моя жизнь уже наполнила руны. Я закрыл глаза и отпустил волшебство на волю.

Руна Света под потолком полыхнула ослепительной вспышкой, ударившей по глазам даже сквозь плотно сжатые веки – и выпустила поток огненных брызг. Самое смешное, что они не убивали и не сжигали, это был тёплый, мгновенно остывающий огонь, похожий на расплавленный свечной воск. Но регулятор запаниковал, сбивая капли с тела.

Я бросился вперёд – и на меня, как я и ожидал, обрушился с потолка дождь крошечных острых игл.

Обрушился, чтобы завязнуть в руне щита – мягкой и упругой, сплетённой из трёх рун – Беркана, Эйваз и Гебо. А через мгновение щит дёрнулся – и отбросил иглы вверх.

Мальчик-дикобраз пауком висел над дверью, держась за потолок голыми ступнями ног и ладонью. Видимо иглы, покрывающие всё его тело, умели не только выстреливать, но и зацепляться.

Обратный залп застал его врасплох. Наверное, он, как любое ядовитое существо, был устойчив к своему яду, но изменённый не поскупился и выстрелил вниз сотней игл – ответный удар вонзил в него не меньше десятка.

Это больно и без всякого яда.

Мальчик-дикобраз завизжал и спрыгнул на пол. А я тем временем, прыгнув на кровать, просунул руки под змееобразное тело, обвивавшее Миру. Голова монстра повернулась ко мне, глаза слепо шурились, третье веко дёргалось вверх-вниз. Потом изменённый начал сжимать кольца, явно решив, что поймал сразу двух врагов.

Старый верный Турс, который я наложил на обе руки, ожил, превратившись в лезвия. Питон разрезал себя на куски в доли секунды – и отвалился в стороны пятью кусками. Кровь – красная, человеческая, полилась потоком. Куски тела забились в предсмертных судорогах.

Я спрыгнул с кровати, встал, отряхнул руки. Красные брызги и ошмётки плоти полетели во все стороны.

– Ну? – спросил я.

Мальчик-дикобраз странно задёргался всем телом, будто танцуя безумный дикарский танец. Иглы принялись выстреливать из его тела, осыпая меня и Миру... и повисая в воздухе, в продолжающем работать щите. Изменённый понял, что сейчас произойдёт – и кубарем покатился вниз по лестнице.

Регулятор вскинул руки – и руна Бога на его лбу начала наливаться светом.

Опять!

И в тот же миг Сеннера запрыгнула ему на спину. Полоснула когтями по горлу, кубарем скатилась, встала за его спиной в полуприсяде, ожидая.

Регулятор, из горла которого фонтанами била кровь, не умер. Повернулся, придерживая голову одной рукой.

– Сеннера... – укоризненно сказал он. – Как ты меня огорчила, Сеннера...

Тёмный Властелин снова пришёл!

– Отвяжись от нас! – закричал я. – Что тебе нужно?

– Ты знаешь, что. – Тёмный Властелин обратил взгляд на меня. – А ты состарился, юный маг. Трудно сражаться с богом?

– Трудно! – Мира поднялась с кровати, я увидел, как её левая рука, спрятанная за спиной, принялась вычерчивать руны – и крепко схватил её, останавливая. – Отпусти нас! Мы беглецы, мы прожили три года в изгнании и ни слова не сказали о тебе, о твоей Империи, о твоей тайне!

– О моей тайне? – удивился Тёмный Властелин.

– О том, что тыходишь в тела своих слуг!

– А... – регулятор понимающе кивнул. Голова завалилась на грудь, он приподнял её. – Да, это мало кто знает. Я собирался отпустить вас. Собственно говоря, я уже отпустил. Но оказалось, что вы украли амулет, который мне очень дорог.

– Я отдал его Сеннере! – сказал я. – Она принесёт его вам, нам он не нужен, там дурацкая рунная надпись, медальон не стоит ни гроша!

Регулятор будто задумался. Кровь по-прежнему текла из его шеи, но уже медленнее. Будь в этом теле его прежний обитатель, оно бы уже умерло.

– Сеннера предала меня, – сказал Тёмный Властелин. – Она не вернётся.

– Я вернусь! – прошипела Сеннера. – Я вернусь, отпусти их!

Бывший регулятор посмотрел на неё огорчённо.

– Может быть. Я даже тебе верю, девочка. Но знаешь, в чём беда? Такое самопожертвование очень опасно. Это любовь, только она заставляет людей делать глупости. Если ты вернёшься и умрёшь, эти двое станут мне мстить. Нет, я не боюсь их мести, и они умрут тоже. Но это станет дурным примером и ненужной легендой.

– А ты её не убивай! – предложил я. – Сеннера доставит медальон до границы. Передаст пограничной страже. И уйдёт. Мы навсегда исчезнем, от нас не будет никаких хлопот.

– Я должен это обдумать, – сказал Тёмный Властелин. Кровь из шеи уже едва сочилась, он стоял в кровавой луже, разлившейся по полу и вытекающей в щели. Сеннера за его спиной переступала ногами, будто кровь обжигала ей ступни.

Если бы она была рядом! Если бы только она была рядом с нами, я схватил бы её и мы ушли бы руной переноса!

Тёмный Властелин думал.

Или делал вид, что думает.

Лицо его в свете магического огонька уже стало белым, как мел. А ещё оно покрывалось морщинами...

Да он же вливает в руны жизнь регулятора – ту жизнь, которую тому уже в любом случае не прожить!

Я скорее почувствовал, чем увидел, как регулятора окутал многослойный щит. Там были руны Огня, Воды, Воздуха и Земли, там были Турс, Йера и Райдо, там были десятки рун, вопреки всему, что я знал о волшебстве. Теперь, быть может, его не пробить и десятком лет.

И он сможет делать с нами всё, что захочет.

Так ли прост рунный узор на амулете? Правильно ли я его расшифровал? Два вычурных заклинания, которые я вычислил – в них ли дело? Стал бы Тёмный Властелин гоняться за нами из-за удара последнего шанса и слабого лечащего заклятия?

Не знаю.

Но вот удар последнего шанса... сейчас и впрямь его время...

Я не успел мысленно начертить руны – Сеннера рванулась к Тёмному Властелину. Её окутало огнём, когда когти полоснули по телу регулятора, в котором сейчас обитал самый сильный волшебник Вселенной. Но Сеннера будто и не заметила этого.

– Уходите! – закричала она. Когти на руках и ногах полосовали повелителя Тёмной Империи, а она продолжала кричать, пылая: – Не напрасно... Уходите...

Я вызвал руны и крепче сжал руку Миры.

Райдо и Наудиз.

Нужда и Путь, Путь и Нужда, испокон веков нужда гнала людей в дорогу, испокон веков дорога приводила людей к нищете...

Но иногда спасала.

Райдо и Наудиз.

Руна переноса открылась под нашими ногами.

Полгода моей жизни пролетели в один миг – и мы с Мирой исчезли из дома, который так полюбили.

Но перед этим я бросил в потолок Кано, и спальня превратилась в огненную топку.

Руна тринадцатая, Эйваз

Руну переноса можно повесить на любое расстояние. Затраченное на активацию время от этого не зависит, мирозданию всё равно, нарушишь ты законы природы на чуть-чуть или на тысячу «чуть-чутей», цена одна. Но есть сложность, из-за которой обычно перенос осуществляют на небольшое расстояние, а уехав на другой край света и проведя полгода в пути, никак не вернёшься домой за мгновение.

Дело в том, что место, куда ты хочешь перенестись, надо постоянно «обновлять», смотреть на него. С чем это связано, трудно сказать, но по-хорошему это делают каждую неделю, а уж если прошёл месяц – никуда тебе не перенестись. Даже Тёмный Властелин, насколько я знал, в своём теле на большие расстояния не отправлялся. И дело тут не в памяти, не в том, что место переноса надо хорошенько запомнить. Вот я в своё время памятник повелителю осмотрел днём в солнечную погоду, а перенёсся на него ночью, когда дождь лил с небес. И случаи, когда маги переносились в свой дом, а оказывались на пепелище или среди руин, тоже бывали. Тут какая-то другая связь.

Так что когда мы с Мирой оказались у подножья гор, залитых лунным светом, она вскрикнула от неожиданности.

– Тихо, всё в порядке! – обнимая её, сказал я. – Всё уже хорошо!

– Но как...

Она огляделась. И понимающе кивнула.

Мы были на палубе корабля, стоящего в порту. Корабль едва-едва покачивало лёгкой волной, на берег были брошены сходни, горел на корме одинокий фонарь. Город ещё и ко сну не отошёл – играла музыка в кафе и тавернах, доносился людской говор, по набережной слонялись парочки. За городом поднимались горы, вначале небольшие, но дальние пики покрывал снег, сверкающий в лунном свете.

– Горы, город, Шпия... – сказала Мира.

– Здесь, у истоков, её зовут Спеля.

– Это Бьезан.

– Да.

Мира грустно кивнула.

– Я всегда мечтала здесь побывать.

– Я тоже. Но всё получилось случайно. Из тех кораблей, на которых я помнил точки для переноса, один был в порту, два в море. А этот, «Парус надежды», ушёл вверх по реке три недели назад.

Мира только покачала головой. Она не знала, что каждый раз, когда я хожу в порт за свежей рыбой, я запоминаю несколько кораблей, на которые можно будет убежать. Я не хотел её волновать.

– Держи, – Мира протянула мне кофр.

– Ты успела его взять? – восхитился я.

– Да.

Кофр был весь покрыт пятнами крови, уже начавшей подсыхать.

– Эта змеюка тебе не повредила? – спросил я осторожно.

– Нет. Только напугала. И ребёнок цел, я чувствую.

Тут я даже не собирался спорить. Как мать чувствует дитя в своём чреве – этого мужчине никогда не понять.

– Мира, я ничего не мог...

Она снова взяла меня за руку.

– Грисар. Я всё понимаю. Сеннера сама просила уйти, чтобы её жертва не была напрасной. И я уверена, что она жива, она выбралась. Сеннера очень сильная, Грис.

Я кивнул. Мы больше не будем говорить об изменённой девочке, которая спасла нас. Пока, во всяком случае.

– Как я выгляжу? – спросил я.

Мира подняла было руку, но остановилась.

– Зажги свет.

Я вызвал огонёк. Мира придирчиво меня осмотрела.

– Ты знаешь, всё в порядке. Я не вижу, чтобы ты постарел. Сколько потратил?

– Ну... месяц на драку... примерно. И полгода на перенос.

– Полгода? – восхитилась Мира. – Мастерски!

Я кивнул. Действительно, мне удалось не запаниковать и не потратить лишнего времени.

– Пойдём, – сказал я. – А то придётся объяснять команде, что мы тут делаем.

«Парус надежды» был двухмачтовой шхуной, с небольшой осадкой, вместительным трюмом и минимальной командой – поскольку ходил большей частью по реке, от торговых городов Низинного Княжества и до самого Бьезана (дальше река становилась совсем уж мелкой для крупных судов). Сейчас, скорее всего, матросы были на берегу – гуляли в портовых кабаках или, кто поумнее и поприжимистее, меняли в лавках кружева и сырные головы на пряности и настойки, сушёные помидоры и восхитительные платья местных ткачей, за которые в Низинном Княжестве женщины давали хорошие деньги. Это был известный приработок моряков, помимо платы от судовладельца.

Единственный матрос, охранявший шхуну, сидел на пристани, на толстой каменной тумбе, вокруг которой был обмотан причальный канат. Когда под нашими ногами заскрипел трап, он обернулся, не выпуская из рук бутылки с вином, и вытаращил глаза. Это был молодой парень лет двадцати, по причине возраста и оставленный стеречь судно.

– Не сиди на камне, простудишь причиндалы! – добродушно сказал я ему.

– И подруга расстраиваться будет! – добавила Мира.

Матрос вскочил, заметался взглядом по сторонам. И ничего не сказал, когда мы прошли мимо.

Ну а что ему оставалось делать?

Поднимать тревогу?

На него бы и свалили то, что мы оказались на корабле. «Пил», «спал», «раззявил рот» – ну кто мог подумать, что руны перенесли нас через такое расстояние и незадачливый сторож ни при чём.

Уже когда мы вышли на набережную, я вдруг почувствовал, что мне что-то мешает. Достал из-за пояса книгу и торжествующе показал Мире.

– А я ведь её не забыл!

– Первый раз мне книжка спасла жизнь, – кивнула Мира. – Кстати, почему твои охранные руны не дали сигнала?

– Потому что я балбес, – честно признал я. – Руны были настроены на появление любого человека. А изменённые... они уже не люди.

* * *

Бьезан был городом большим и процветающим – за счёт того, что в этом месте река Спя, она же Шпия, становилась по-настоящему судоходной. Выше

в горы она была узкой, извилистой, порожи́стой, плавали по ней лишь на лодках. А здесь к Спее присоединялись ещё два истока, они сливались воедино, образуя то ли небольшое озеро, то ли просто широкий затон. К этому затону (или озеру, как предпочитали считать местные) свозили товары из соседнего Горного Княжества, из княжества Лама́нци, чьей столицей был Бьезан, и даже из нескольких более далёких княжеств. Спя-Шпия была самым удобным и дешёвым путём к океану, несмотря даже на речных пиратов, то и дело появлявшихся, разбойничающих и оканчивающих свой путь на виселицах.

Такими спокойными и сонными, как Низинное Княжество, земли вокруг не были. Но связано это было скорее с характером местных жителей, чем с причудами правителей или разнице в богатстве. Князя, после войны с Тёмной Империей, давным-давно породнились (впрочем, они и раньше были связаны общей кровью), земли Лама́нци были почти такими же щедрыми, как в Низинном Княжестве. Разве что Горное Княжество традиционно считалось обителью нищих и воинственных горцев. Но лет двадцать назад на их землях стали добывать железо и серебро, после чего бывшие вспыльчивые разбойники стремительно превратились в самодовольных, заносчивых, но уже не хватающихся ежеминутно за кинжалы горцев. Когда человеку есть что терять, он вовсе не стремится затевать поножовщину.

Мы с Мирой сняли номер в таверне возле порта – там привыкли к гостям из других княжеств, а наш акцент уже мало выдавал жизнь в Тёмной Империи. Оставили вещи в комнате на втором этаже (простая сторожевая руна была гарантией тому, что вещи нас дождутся) и спустились в харчевню.

В Низинном Княжестве сейчас был второй час ночи, а здесь колокола только что пробили полночь. Что ж, везде мерят время на свой манер. А уж в портовой таверне вряд ли можно кого удивить, потребовав среди ночи завтрак или ужин.

Впрочем, я даже не пытался как-то назвать нашу трапезу. Попросил местное блюдо – тонкие лепёшки, запечённые с сыром и острыми колбасками, и эля. Здесь предпочитали пить вино или виноградную водку, но эль, конечно же, нашёлся и довольно приличный. Пока повар раскатывал тесто – к еде в Лама́нци относились серьёзно и старались готовить всё перед подачей на стол, – нам принесли маринованные оливки, стружку из мелкой солёной рыбёшки и кусочки огненно-острой колбасы, нарезанные кубиками.

– Понятно, чтобы больше выпили пива, – сказала Мира, но кусочек колбасы взяла. – Грис, у тебя есть план?

Планы у меня были. Честно говоря, их было множество – смотря куда нас забросит при бегстве и при каких обстоятельствах придётся бежать. Новой схватки с воплощением Тёмного Властелина, появления Сеннеры и того, что нам придётся её бросить, я никак не ожидал.

– По большому счёту, вопрос перед нами один, – сказал я. – Мы бежим – или...

– Или что? – поразила Мира. – Ты хочешь вернуться в Тёмную Империю?

– Бежим или сражаемся.

– С богом?

– В княжествах его не считают богом, – заметил я. – Даже полубогом не считают. Был бы он таким – давно бы завоевал весь мир.

Мира сделала плоток тёплого янтарного эля, кивнула:

– Допустим. Пускай он самый сильный волшебник в мире. Хочешь с ним сразиться? Почти девяносто лет назад шла Великая война. Сколько лет тогда было повелителю?

Я пожал плечами.

– Не знаю. Ну уж лет десять-то точно должно быть!

– Ну ты загнул. Десять... Хорошо, тогда что – сейчас ему сто лет?

– Случается, что люди живут и дольше, – отбивался я.

– Он – маг! Он тратит время!

– Мы только что видели, как! Он тратит чужое!

Мира улыбнулась.

– А чтобы войти в тело посредника?

Я вздохнул.

– Что ты хочешь сказать?

– Либо он полубог и живёт вечно. Либо он волшебник, способный омолаживаться.

– Да, – неохотно признал я. – Думал об этом.

– В любом случае – нам он не по зубам, – продолжала Мира. – И я даже не говорю про армию, гвардейцев, полицейских, пограничную стражу, регуляторов, личную охрану... изменённых, наконец! Даже в поединке один на один Тёмный Властелин сотрёт тебя в пыль.

– Значит нам надо, чтобы началась большая война, – мрачно сказал я. – Чтобы все Княжества выступили против Тёмной Империи. Чтобы северяне и южане...

– Грис...

Я замолчал.

– Война – это смерть сотен тысяч, – сказала Мира. – И не только военных. Будут умирать селяне и горожане, старики и дети. Будут гореть посевы и храмы. По рекам поплывут трупы с раздутыми животами. Озлобленные солдаты, врываясь в города, будут насиловать девчонок и разбивать головы младенцам. Обыватели станут резать друг друга за кусок хлеба и медную

монету. В Тёмной Империи ведь живут обычные люди, Грис. Хорошие люди. Ничем не хуже, чем здесь. Они не гоняются за нами и не мучают Сеннеру. Там живут наши родные! Наши друзья! А если ты присмотришься к местным правителям, ты увидишь ту же самую несправедливость, жадность, подозрительность, мстительность. Здесь тоже есть лаборатории натурфилософов, где прослышали про эксперименты в Тёмной Империи. И я тебя уверяю: высочайшими позволениями князей они покупают у бедноты детишек и пытаются соединить их с тиграми, крокодилами и змеями!

Я молчал. И Мира замолчала. Она редко высказывалась так резко.

– Не воображай из себя героя, который должен победить Тёмного Властелина, – сказала Мира. – Во-первых, тебе его не победить. Во-вторых, не всё зло мира в нём. В-третьих, самое худшее, что только может сделать человек, это начать войну.

– Даже во имя добра? – спросил я с вызовом.

– Все войны начинаются во имя добра.

Я выпил пива и поставил кружку на стол. Оглянулся. Хорошо, что в харчевне былолюдно, хорошо, что подвыпившие моряки орали во всё горло, бахвалясь своими приключениями, а служанка гремела посудой, ополаскивая её в тазу.

Хорошо, что никто не слышал глупость, которую я сказал.

– Ты всегда была такая умная или теперь стала?

Мира улыбнулась.

– Наверное, стала. Наверное, когда внутри новая жизнь, начинаешь задумываться. Грис, я всё понимаю. Мне жалко Сеннеру, до слёз жалко, как родную сестру было бы жалко. И повелитель наш бывший – скотина. Но он всемогущая скотина, а утопить мир в крови, чтобы его наказать, плохая идея.

– Всё равно, – сказал я. – Для того чтобы убегать и защищаться, если потребуется, нам кое-что нужно.

– Деньги? – уточнила Мира.

– Нет. Не только. Нам нужны знания. Нам нужно понять, кто всё-таки он такой, Тёмный Властелин. Что он может, а чего не может. Сколько ему лет и сколько он ещё проживёт; одно дело, если нам придётся прятаться год, другое – если десять, и совсем другое – если всю жизнь.

– А если всю?

– Тогда надо уезжать в Южные Королевства. Где никогда не было имперской власти, где живут люди с кожей потемнее, чем моя, говорящие на другом языке и колдующие другими рунами.

– Говорят, там правители ещё суровее, чем наш повелитель...

– Ну и что? Зато до нас им нет дела. Если мы приедем в земли дальнего юга, предложим свои знания и умения, нас могут взять на службу местные короли.

Мира вздохнула.

– Не хочу. Там влажно и жарко, там джунгли, полные ядовитых гадов и хищных тварей. Там богатые живут в дворцах из драгоценных камней, а бедные спят в грязи. Там любят пытки и разврат, и трудно понять, где кончается одно и начинается другое.

– Я тоже не хочу, – успокоил я её. – Это на самый крайний случай, там совсем нет власти Тёмного Властелина. Вначале нам надо разузнать побольше.

– И где?

– Только одно место, – сказал я.

– О нет... – Мира напряглась. – Не говори мне...

– Северное Царство. Рунное Древо.

Мира сокрушённо покачала головой.

– Грис, Рунное Древо хоть и в Северном Царстве, но живёт по своим законам. И законы эти... сложные. Мне они не нравятся.

– Ты же сама говорила про Север. Ты почти из тех краёв. У тебя там родственники.

– Троюродный брат... – Мира нахмурилась. – Грис, я боюсь Рунного Древа и его обитателей. Тем более теперь.

– А если просто Северное Царство? Они куда больше не в ладах с Тёмной Империей, чем Княжества. У них сильные рунные маги.

Мира помолчала, глядя в столешницу. Потом сказала:

– Там трудно жить, Грис. Ты южанин, ты не привык к долгой зиме и холодному лету. К сумраку, низким облакам, дождю и снегу...

– Вот к чему я точно не привык, Мира, так это к изменённым, вваливающимся в мой дом!

Она улыбнулась. Потом снова посерьёзнела.

– Хорошо, Грис. Давай отправимся в Северное Царство. Я думаю, нас примут. Врагов повелителя там уважают. И мой троюродный брат... он скажет слово за нас.

– Уверена?

– Северяне не забывают родство. Там слишком трудно жить, чтобы забывать своих близких.

К нам подошла служанка, поставила перед каждым деревянную доску с горячими лепёшками, покрытыми ломтиками протомившихся в печи помидоров, нарезанной колбасой, полосками расплавленного сыра. Не самая правильная еда на ночь, наверное. Но после всего пережитого мы были голодны, как звери.

Мне служанка слегка улыбнулась и поставила новую кружку пива взамен опустевшей. А на Миру посмотрела... и обменялась каким-то особым взглядом. Мира кивнула ей.

– Выглядит шикарно, – сказал я, разрезая лепёшку на куски. – Слушай, эта девчонка так на тебя глянула, будто поняла, что ты в положении.

– Она и поняла, – сказала Мира, нарезая свою порцию.

– Как?

– Мы, женщины, это чувствуем.

Я даже не стал выяснять, шутит она или нет. Всё может быть. Вместо этого я стал есть.

Вкусно!

– А про Рунное Древо забудь, – посоветовала Мира.

Я пожал плечами. Примерно такого ответа я и ожидал. Но первый шаг к Рунному Древу – это Северное Царство.

Все, кто занимается рунной магией, знают и о Рунном Древе. И то, что мы знаем, можно уложить в несколько слов.

Где впервые научились использовать руны как основу для волшебства – не известно. У нас говорят, что это произошло в Тёмной Империи (в ту пору, конечно, когда она ещё не была Тёмной). Княжества уверяют, что руны использовали на их землях испокон веков. То же самое утверждают на Юге, на Востоке, на Севере. История не сохранила дат и имён.

Но вот где был первый центр изучения рун, где составили футарк, придали рунам современный облик, научились складывать из основных двадцати четырёх знаков сложные магические фразы, – об этом никто не спорит.

Рунное Древо – город и крепость на скале у Северного океана. Формально он является столицей Северного Царства, по факту живёт сам по себе. Там изучают руны, говорят, что там ими владеют все, от мала до велика, от мальчишки-рыбака и до царя, хотя никто не знает, кто на самом деле правит Рунным Древом. О городе ходят легенды, но о нём ничего не известно точно. Из всех стран мира туда приходят в поисках покоя и знаний старые маги, доживать свой век на краю света. Чужих волшебников в Рунное Древо берут охотно, а вот обратно не выпускают никого. Действительно ли там знают все

тайны рун и владеют неслыханными заклинаниями, тоже доподлинно неизвестно.

Но всё-таки и Рунному Древу приходится торговать с внешним миром. Холодные земли не позволяют им растить пшеницу или овощи, выращивать достаточное количество скота или добывать рыбу. Городу-крепости нужны пища, ткани, топливо – поэтому в него идут караваны из всех стран. И само Северное Царство немало получает на этом транзите, а уж Рунное Древо только им и живёт.

А в качестве платы волшебники и учёные могут предложить лишь одно – придуманные ими новые руны.

Нечасто. Немного. Неохотно.

Рунное Древо жадно к знаниям и не любит расставаться со своими секретами. Но раз в год волшебники объявляют аукцион, на котором предлагают три рунные фразы: простую, сложную и великую. Цена такова, что даже простую фразу не купит волшебник-одиночка и не всегда может позволить себе Мастерская, Академия или Школа. Сложные фразы покупают целые государства. А великие руны порой остаются невостребованными несколько лет.

Нет, я не собирался уходить в Рунное Древо, хотя мысль о том, что там нас не достанет даже Тёмный Властелин, была соблазнительна. Сама обитель учёных волшебников в мировые дела не лезла, но и служить кому-либо отказывалась. Но если поселиться рядом, то можно будет попробовать с ними поговорить. Расспросить о Тёмном Властелине. И, в конце концов, отдать им загадочную руну с амулета (пусть он остался у Сеннеры, но я её помню прекрасно) в обмен на информацию.

Я провёл пальцем по столешнице, рисуя руну Эйваз, символ Рунного Древа. Применений у неё, кстати, было не так уж и много. В чистом виде она служила для ориентирования в пространстве и для соединения сломанного, но проще купить компас или клей. В сложные руны Эйваз входит чаще.

Капнув в руну секунду жизни, я увидел, как символ засветился и повернулся, указывая одним концом на север.

– Поедем на север, – сказал я. – Завтра же поищем попутный караван.

Руна девятая, Хагалаз

Путешествовать лучше всего с компанией. А ещё лучше, когда за путешествие компания тебе платит.

На следующий день (проснулись мы лишь в полдень) я принялся искать попутчиков. К моей радости, обходить все торговые дома в Бьезане не пришлось – на Денежной площади стоял трёхэтажный особняк Гильдии торговцев, где за мелкую монету мне сделали список всех караванов и судов, уходящих из города в ближайшие три дня.

Выйдя из здания Гильдии, я сел за столик в кофейне, взял крошечную чашечку крепкого кофе, шоколадное пирожное и стал проглядывать бумаги.

Корабли я сразу отбросил, они шли только к дельте реки, к Низинному Княжеству. Два каравана двигались к границам Тёмной Империи, повелителя тут не любили, но прибыль есть прибыль. Ещё один караван направлялся в Северное Царство, причём планировал дойти до самого Рунного Древа, но его путь тоже лежал через Тёмную Империю, где нам нечего было делать.

Я уж было решил, что придётся добираться совсем уж круглыми путями, но тут наткнулся в списке на Землеведческий Караван. Маршрут у него был указан затейливый – через Горное Княжество, по краю Восточных Провинций в Северное Царство. Для торговли такой путь не слишком выгоден, по горам идти трудно, попутных товаров там не прикупишь, Восточные Провинции тоже беспокойны и торгуют большей частью мясом, шкурами и льняными тканями. Вещи достойные и нужные, вот только не для маленького каравана.

Но землеведы – народ суровый и к торговле не склонный. Есть у них своя религия, требующая нанести на карты все уголки Земли – вот они и ходят затейливыми путями, выискивая новые тропы, перевалы, оазисы и речушки. Карта от Гильдии Землеведов – мечта любого торговца... или военачальника. Может быть, поэтому Тёмный Властелин их не любит, в пределы Империи не допускает, да и вообще – у нас землеведов считали шпионами и ворами. Землеведы платят другим той же монетой, в свои караваны берут не всякого, подозревая в попытке украсть их секреты, но если уж возьмут, то путешествовать с ними можно в безопасности и комфорте.

Так что, допив кофе, я отправился в отделение Гильдии Землеведов, нашёл там караван-вожатого Артана Танильмо и предложил наши услуги. Всё рассказывать я не собирался, но и врать или скрывать слишком многое было бы глупо. Такие опытные люди, как караван-вожатый, ложь чувствовали хорошо.

Я рассказал, что мы с Мирой из Тёмной Империи. Что вынуждены были бежать, случайно вызвав гнев повелителя. Что нас в Низинном Княжестве настигли наёмные убийцы, мы спаслись чудом и решили пробираться на север, где у моей жены есть родственники, а Тёмного Властелина все ненавидят.

Танильмо задумался. Он был совсем уж пожилым человеком, лет пятидесяти, не меньше, волосы были пепельными от пробивающейся седины, лицо тёмное от солнца и ветра, но тело жилистое и крепкое от постоянных странствий.

– На вид тебе лет тридцать, дитя. А сколько на самом деле? – спросил он наконец.

– Девятнадцать, – ответил я.

– А твоей подруге?

– На вид она чуть старше меня. А так... двадцать с небольшим.

Танильмо кивнул. И задал тот вопрос, которого я боялся:

– Дети?

– Нет.

– А не планируются?

– Мира ждёт ребёнка, – честно сказал я. – Но это будет нескоро. Она не задержит нас в пути.

Караванщик размышлял. Потом сказал:

– Рунознатец в дороге – хороший помощник. А на Тёмного Властелина мне плевать. Он не любит нас, мы не любим его, всё честно... Но путь опасен, мальчик. Твоя подруга хоть и маг, но ждёт дитя и не может колдовать. Верно?

– Верно, – сказал я.

– А если от этого будет зависеть наша жизнь?

– Если от этого будет зависеть моя жизнь, – сказал я тихо, – она отдаст своё время. Я знаю.

– Не зарекайся. Связь между матерью и дитём, даже нерождённым, – очень могучая связь... – Танильмо вздохнул. – Путь опасен. Тебе придётся тратить жизнь за двоих. Если очень повезёт, то к Северному Царству ты сожжёшь год. А если не повезёт...

Он развёл руками.

– Это моя жизнь, – сказал я. – Я потрачу столько, сколько надо.

– Мальчишка, – снова вздохнул Танильмо. – Что ж. Мы берём вас в караван. Я не стану требовать лишнего, но когда каравану потребуется рунный маг – ты будешь работать за двоих.

– Да, – согласился я.

– Лошади и припасы – наши, ты всё равно не сумеешь выбрать то, что нужно. Приведи жену, чтобы мастер снаряжения посмотрел на неё. И предупреди его, что она будет толстеть! Если мы придём в Северное Царство благополучно и у меня не будет к тебе нареканий, вы получите по полсотни имперских золотых.

– Спасибо, – я даже растерялся от такой щедрости.

– Выходим завтра утром.

Мы скрепили уговор подписями на списке караванщиков, совсем небольшом, чуть больше двадцати человек, и рюмкой виноградной водки, из которой поочерёдно отпили. Водка была крепкая и мне совершенно не понравилась, но я не подал виду, выпил свой глоток и пошёл за Мирой.

Так и начался наш путь на Север.

Первых горцев мы встретили через неделю пути. Нет, до этого мы порой замечали пастухов на соседних склонах или одиночек, глядящих на нас с возвышений, – может быть, это были соглядатаи, а может быть, охотники или травники.

Но через неделю, когда наш маленький караван двигался по горному ущелью, мы увидели впереди человека в длинном плаще, сидящем на камне. При нашем появлении тот никакого удивления не показал; значит, ждал нас.

– Грисар, – позвал Танильо и продолжил ехать вперёд. Все остальные караванщики остановились. Я ободряюще кивнул Мире и поехал вслед за караван-вожатым.

В горах было холодно. Тут, наверное, и летом-то не жарко, а уж сейчас повсюду сверкал иней, в тенистых местах лежал ноздреватый снег. Впрочем, какие-то упрямые травы и кусты продолжали зеленеть несмотря ни на что.

– Мир тебе, уважаемый, – сказал Танильо, остановившись в нескольких шагах от горца и спрыгнув с коня. Говорить с пешим человеком сидя на лошади считалось в горах высокомерием и оскорблением. Тем более – с человеком старше себя.

А горец был стар. Я бы сказал, что ему за шестьдесят – и все эти годы были им честно прожиты, а не сожжены рунами.

– И тебе мир, землевед, – ответил горец. Говорил он без всякого акцента, очень чисто. Морщинистое лицо повернулось ко мне, холодные синие глаза внимательно осмотрели меня... – Мир и тебе, волшебник.

Я спустился с коня, куда осторожнее, чем Танильо. Раньше я нечасто ездил верхом, и первые дни пути дались мне тяжело, оставив болезненные растёртости в паху и на бёдрах. Что же касается задницы, то мне частенько вспоминался первый год в Академии, когда я несколько раз напроказил и был выпорот безжалостным учителем дисциплины.

– Мир вам, уважаемый, – повторил я слова Танильо.

– Моё имя Арред, – сказал горец. – Что вас привело в горы?

То, что он называл имя, было хорошим знаком.

Танильо сел напротив горца – там как раз был подходящий камень. От меня не укрылось, что этот камень был покрыт мелкими щербинами, словно по нему давно и часто пристреливались из арбалетов и луков.

- Мы землеведы. Мы путешествуем и рисуем карты.
- Вы хотите знать наши тропы, горы, долины, - спокойно сказал горец.
- Да. Не для зла. Мы служим матери-Земле и рисуем её портрет.
- Я знаю вашу веру. Но то, что вы делаете не для зла, может послужить чужому злу.

Танильмо не спорил.

- Всё может служить и добру, и злу. Но мы никогда не узнаем горы так, как знаете их вы. Если враг пойдёт по нашим картам, то вы найдёте десять дорог к той одной, которую нарисуем мы.
- Пока - да, - кивнул горец. - Но что будет после нас?
- Людям не дано знать, что будет после нас, - ответил землевед. - Обычно не дано...

Горец кивнул и погрузился в раздумья. Мы сидели и ждали - разрешения пройти, приказа повернуть назад или града стрел. От горца шёл непривычный запах - чужой еды, чужого огня, чужого жилища. Не противный или плохой, просто чужой.

- Покажи карту, которую вы нарисовали, - попросил горец.

Землевед молча снял с пояса сумку, достал и бережно развернул лист плотной бумаги.

- Это город Вьезан... - начал он.
- Вижу, - ответил горец, взял карту из его рук и стал внимательно изучать. Нижний край карты был прорисован тщательно, там была изображена северная часть княжества Ламацци, выше шла южная, известная всем часть Горного Княжества, три тонкие извилистые реки-истока Спеи... Вверху и справа был краешек восточных провинций, вверху и слева - уголок Тёмной Империи. А в середине лист был чист, там были только намечены самые высокие горы и длинным языком извивался по ущельям наш маршрут.
- Вы двигаетесь туда? - горец черкнул ногтем по карте.
- Да, - тревожно глядя на карту, сказал Танильмо.
- Перо.

Танильмо дал ему мягкий свинцовый карандаш. Горец уверенными движениями вычертил извилистый маршрут в верхний правый угол.

- Вы будете идти по ущельям. Отдохнёте в долине здесь и здесь... - он поставил крестики. - Сворачивать нельзя. Подниматься в горы нельзя. Отходить больше чем на милю от линии нельзя.

Танильмо помолчал. Потом осторожно сказал:

– Мои спутники молоды и любопытны. Они хотят увидеть красоты этих мест.

– Чтобы видеть и дальше, им потребуются глаза. Держитесь отмеченного пути.

Землевед вздохнул. Попросил:

– Может быть, хоть что-то? Дозволено ли какое-то место на нашем пути к посещению чужаками?

Горец поднял на него тяжёлый укоризненный взгляд. Спросил:

– Ты спрашиваешь зная ответ?

– Я давно живу, – уклончиво ответил Танильмо.

Горец провёл ещё одну линию на карте.

– Здесь. У отрогов этой горы. На пять миль к западу от вашего пути. Там святилище Лунной Девы, мы не вправе никому запрещать к ней идти.

– Благодарю, Арред, – сказал Танильмо.

– Долгой дороги, – пожелал горец. Танильмо удивлённо приподнял бровь – это было пожелание землеведов. И ответил:

– Многих внуков.

Мы взобрались на лошадей (Танильмо даже придержал мою), махнули каравану. Я поймал взгляд горца, тот почему-то смотрел в основном на меня, и он негромко сказал:

– Волшебник. Когда будете у Лунной Девы, отведи к ней свою женщину.

– Зачем? – спросил я.

– Поймёшь. Отведи и зайди к ней сам.

Вечером мы расположились на привал. Четверо нанятых землеведами охранников обошли территорию, проверяя окрестности и вырубая кустарник в подозрительных местах. Это были немолодые темнокожие рубаки из южных земель, где принято продавать в наёмники каждого пятого юношу – и тем кормить всю деревню. Меня такая традиция смутила, хотя сами воины казались вполне довольными судьбой. Двадцать лет службы, а потом, если повезёт, возвращение домой с почётом, юная жена, хороший дом и стадо скота. Доживали не все, конечно, но многим везло.

Первое время я смотрел на темнокожих воинов, чью кожу украшали многочисленные шрамы, с невольным сочувствием и неловкостью. Во мне самом текла частица крови тёмных южан, и выбери мой прадед не тот поворот дороги – я мог бы вырасти на диком Юге, а не в Тёмной Империи, был бы

сейчас наёмным воином, а не волшебником. Потом я подумал, что наши традиции, когда детей с малейшими признаками магического дара отдают в обучение рунам, ничуть не лучше южных, и успокоился.

В общем-то землеведы и сами считались могучими воинами. Они были замкнутой кастой, где профессия передавалась от отцов и матерей к детям, но порой принимали и чужаков, чтобы разбавить кровь. Маленьких детей с нами не шло, путь считался для них тяжёлым, но вообще-то они странствовали с самого раннего детства, росли в навьюченных на мулов люльках, а потом в сёдлах. Двое юношей лет пятнадцати-шестнадцати, гидролог и гляциолог, и молодая девушка-топограф по их меркам считались уже опытными путешественниками. В пути я с любопытством смотрел на них – поначалу казалось, что только молодёжь и работает. Один парень изучал каждый встречный родник или ручеёк, брал пробы воды в стеклянные флаконы, проводил какие-то научные опыты, смешивая воду с реактивами и зарисовывая оттенки, которые принимала вода. Другой бросался к каждому сугробу, каждому замёрзшему озерцу, а уж когда мы проходили мимо края ледника, потребовал остановки и три часа брал пробы льда. Девушка рисовала карты – и когда мы останавливались, и даже когда были в седле. Ей не мешали ни тряска, ни погода – карандашные линии были чёткими и ровными, будто она сидела за столом в кабинете.

Потом я заметил, что всё, что делают юные землеведы, незаметно проверяют и контролируют старшие. Один раз Танильмо словно невзначай заглянул в карту, которую рисовала девушка, и поправил какой-то штрих. Девушка покраснела так, будто совершила неслыханный проступок.

Каждый день перед завтраком землеведы тренировались с оружием. Мечей они не носили, кроме самого Танильмо, но у каждого был приторочен к седлу хороший арбалет и короткое копье с широким лезвием. Впрочем, и те инструменты, что они использовали в работе, одновременно служили оружием. Штриховую ленту они метали будто аркан, базисные жезлы и нивелирные рейки служили ударным оружием. Из любопытства я пару раз присоединился к тренировкам, вызвав всеобщее веселье, потом решил не позориться.

Вечером, к счастью, никто тренироваться не собирался. Хватало и обычных забот. Мы почистили, накормили и напоили лошадей, отвели их в сторону и стреножили. Землеведы разбили шатры: три для себя, один для охранников и ещё маленькую палатку для нас с Мирой – я помогал развести огонь, а Мире землеведы не позволяли делать ничего тяжёлого. Помимо нас с караваном ехала пара торговцев из Въезана, отец и сын, то ли решивших освоить новый маршрут, то ли решивших рискнуть заработать на лёгких и ценных товарах. Они свою палатку поставили рядом с нашей, как бы подчёркивая, что и мы, и они в караване люди временные. Мне было всё равно – и землеведы оказались людьми симпатичными, и торговцы – вполне приятными спутниками.

Мира вначале помогала с лошадьми, потом вернулась к палатке. Я сидел на корточках и остриём кинжала рисовал на земле руны – в общем, занимался тем делом, которое все считали достойным настоящего волшебника.

– Амулет? – спросила Мира, бросив взгляд на руны.

– Угу, – подтвердил я. Стёр подошвой Альгиз и начал рисовать Манназ.

– Да брось ты, – присев на камень сказала Мира. – Глупый старый амулет. Никчёмное заклинание.

– Ты ведь так не думаешь, – ответил я. – Тёмный Властелин не стал бы волноваться из-за никому не нужных рун.

Мира кивнула.

– Да, не думаю. Но если мы ничего не поняли за три года, то, значит, сами понять не способны. Спросишь в Рунном Древе.

– Мира! – возмутился я. – Да мы же не собирались...

– Всё я понимаю, – ответила она. – Не строй из себя хитреца.

Она улыбнулась и встала, на миг положив руку на живот. На сторонний взгляд никто бы не понял, что она ждёт ребёнка, Мира клялась, что и сама ещё не чувствует ни движений, ни биения сердца, ни даже тяжести. Но её руки знали что-то, чего не знала она.

– Пойду, расспрошу женщин о Рунном Древе. Заодно и с ужином помогу, – сказала она и направилась к женщинам-землеведам.

Едва она отошла, как ко мне подошёл сосед-торговец. Взглядом спросил разрешения – я кивнул, он сел на место Миры, достал кисет с табаком, трубку. Опять же молча протянул мне, я покачал головой.

Если к вину я как-то даже привык и мог иногда его выпить, то манера вдыхать дым тлеющего табака меня совершенно не привлекала.

– Спасибо, Велд. Но со вчерашнего дня ничего не изменилось.

Торговец кивнул:

– Знаю, господин волшебник. Но у нас так принято... Скажите, караван пойдёт к Лунной Деве?

Я задумался на миг. Караван-вожатый не требовал от меня молчания.

– Вероятно, да, – сказал я. – Расскажите мне о ней?

Торговец закончил набивать трубку, полез в карман за огнивом. Искушение поджечь табак появилось и тут же исчезло. Мне не жаль было секунды, но легко было промахнуться и подпалить Вельду усы, а то и сжечь дорогую вересковую трубку.

– Это их святая, – сказал торговец. – Предсказывает будущее, исцеляет болезни. Всё, как положено.

– Нельзя предсказать будущее, – сказал я. – Нас так учили.

– Значит, здесь учат иначе, – усмехнулся торговец. – Чудеса святая творит небольшие, но настоящие. Двести лет как туда ходят паломники. Только обычно другой тропой.

– Двести лет? – поразился я. Впервые мне довелось услышать о человеке, который был старше Тёмного Властелина. – Она что же – бог или полубог?

– Не встречал ни тех, ни этих, – усмехнулся торговец. – Лунная Дева – волшебница.

– И ей двести лет?

Торговец тихо засмеялся.

– Нет, что вы, господин волшебник... А я-то думал, вы про всех знаменитых волшебников знаете.

– В каждой стране свои знаменитые, – смутился я.

– Лунная Дева – должность, – пояснил Велд. – И у вас, и у нас есть школы для тех, кто учится магии. Горцы к рунам относятся сложнее. Есть шаманы, но они мастерство передают от отца к сыну или от учителя к ученику. У них правило, что не должны волшебники собираться вместе. А вот для девочек есть исключение – кто ведаёт руны, те уходят в ученицы к Лунной Деве.

Он помолчал, глядя на меня.

– Я там был дважды. Один раз мне нужно было предсказание... она помогла. Второй раз я пришёл уже к другой, у меня болел зуб.

Я невольно рассмеялся.

– Вижу, что у вас никогда по-настоящему не болели зубы, господин волшебник, – сказал торговец с улыбкой. – Это очень неприятно. Доктора не брались, а рунные маги неохотно занимаются лечением. Лунная Дева помогла. Я с удовольствием увижу и новую.

– Может быть, она ещё прежняя, – предположил я. – Та, что вас излечила.

– О, вряд ли. Это было три года назад, и Лунная Дева была уже немолода. Обычно они тратят свою жизнь за год-полтора.

Я вздрогнул.

– Тяжёлая судьба, – согласился торговец. – Но так у них принято. Девочки, уходящие туда учиться, считают за честь такую судьбу.

– Сомнительная честь, – сказал я.

– На наш взгляд – да, – торговец кивнул. – Простите за вопрос, господин волшебник... сколько вам лет?

– Не так много, как можно подумать, – признался я. – А как вы считаете?

– Иногда мне кажется, что вам лет двадцать. Иногда – что тридцать, как вы и выглядите.

Я задумался. Потом сказал:

– Вы оба раза правы. Мне двадцать, но магия съела десять лет жизни.

– Но вы кажетесь мудрее, чем двадцатилетний, – пояснил торговец. – Моему сыну двадцать два, он умный парень, но порой ведёт себя как ребёнок.

– Всё связано, Велд. Тело не просто становится старше, оно делает старше и разум, и характер. Душе может быть и пятнадцать лет, но в теле старика она становится дряхлой.

Велд кивнул. Сказал:

– Уважаю тех, кто связал свою жизнь с рунами. Это тяжёлая работа.

– Смотря как её делать. Если хорошо, то любая работа тяжела и легка одновременно.

Торговец улыбнулся.

– О да. Обязательно зайдите к Лунной Деве. Они дарят свою магию всем и бесплатно. Вряд ли вы часто пользовались чужим волшебством.

– Нечасто, – согласился я. – Именно поэтому не хочу отнимать чужое время.

– Но вы зайдите. Вам это нужно.

Я пристально посмотрел на Велда. Спросил:

– Зачем? То же самое мне говорил горец, которого мы встретили днём. Только он велел мне отвести к Лунной Деве Миру.

Торговец размышлял, потягивая трубку. Потом сказал:

– Наверное, у тебя вид человека, которому нужен совет. Даже больше чем совет – предсказание. Не знаю, зачем я это говорю. Извини, если смутил.

– Да нет, ничего, – ответил я.

Мы оба испытали какую-то неловкость от сказанных слов. Велд – потому что почувствовал, что лезет не в своё дело, я – потому что советы стали совсем уж назойливыми.

К счастью, женщины закончили готовить ужин и все потянулись к костру. Пока мне набирали полную миску густой каши с солониной, я ещё раз всё обдумал – и решил, что Миру заташу к Лунной Деве любыми путями. А вот сам – не пойду.

Девочки, сжигающие себя за год...

Всё-таки эти горцы были и остались дикарями!

Руна десятая, Наудиз

К святилищу Лунной Девы мы шли ещё три дня. Шли без приключений, лишь иногда видя вдалеке людей. Горное Княжество считалось небольшим и на карте выглядело соответственно, но, как объяснил Танильмо, первое впечатление обманчиво. Всё здесь было покрыто горами, и если бы какая-то сила их разгладила, раскатала в плоскость, Горное Княжество оказалось бы размером в половину Тёмной Империи и уж точно побольше прочих княжеств. Путь наш лежал по склонам и взгорьям, по долинам и перевалам – ничего сверхтрудного для обученных лошадей, но для настоящего торгового каравана, с повозками или тяжелогружёнными волами, дорога не годилась. Впрочем, землеведы по этому поводу не переживали. Поиск удобных троп не был их главной целью, они всего лишь хотели составить карту всей Земли – задача возвышенная, красивая и совершенно нереальная.

У той точки, где начиналась дорога к святилищу, караван остановился на привал. К моему удивлению, большинство землеведов остались тут, к святилищу пошёл лишь Танильмо с девушкой-топографом, торговцы и мы с Мирой. Пошли пешком: хотя тропа была проходима для лошадей, караван-вожатый счёл, что так будет вежливее.

Святилище было едва ли не на самом высоком горном плато. Здесь было холодно и тяжело дышать, даже неспешный шаг казался трудным, как быстрый бег.

– Дальше будет легче, – сказал Танильмо, поглядывая на нас. – Мы знаем часть дорог, идущих по границе восточных провинций к Северному Царству. Иногда кочевники устраивают набеги, но они боятся рунных магов. Тебе достаточно будет чуть показать свою силу – и мы пройдем миром.

Я кивнул, сберегая дыхание. Миру я держал под руку – мне казалось, что она устаёт сильнее, чем обычно, пусть жена это и отрицала.

– Воспользуйтесь случаем, задайте Лунной Деве вопросы, – продолжал Танильмо. – Предсказания – самая сильная сторона в магии горцев. В других местах предсказание – случайность или обман, а у них работа. Не жалейте чужое время. Эти женщины знают, что творят, и могут уйти в любой момент, их не осудят.

– Они – дети, – сказала Мира.

– Они – волшебницы. Лунные Девы. Их судьба – состариться и доживать свой век, ухаживая за новыми девочками и обучая их.

– Так они не тратят всё своё время? – обрадовался я.

– Нет, конечно. Они тратят много. Становятся моих лет и старше. А потом уступают место другим.

Не могу сказать, чтобы мне совсем уж полегчало. Но всё-таки состариться на работе – судьба каждого мага. А вот умереть, творя заклинания, – это наш ночной кошмар.

Мы миновали изгиб тропы и стали спускаться в маленькую круглую долину, лежащую меж горных пиков. Здесь было ощутимо теплее. Вряд ли из-за магии; слишком много времени надо сжечь, чтобы изменить погоду на большом протяжении; скорее место было выбрано так удачно, что горы прикрывали долину от холодных ветров.

А в долине была деревня – самая обычная горская деревня, с характерными круглыми домами-башнями в два-три этажа, сложенными из грубо обработанного камня. Начиная путь через Горное Княжество, мы прошли несколько таких, и отличий я не заметил. Дома, рассчитанные на большие семьи, мужской дом – где собирались вечерами для своих дел мужчины, женский дом – куда мужчинам вход был строжайше запрещён, отдельно стоящие дома кузнеца и шамана...

Впрочем, вот тут отличие было. Дом шамана, обычно самый маленький и удалённый от жилых, вообще отсутствовал. Зато в центре деревни имелась башня повыше других, этажа в четыре, и с необычным блестящим узором по стенам.

– Это и есть святилище? – понял я.

Караван-вожатый кивнул.

Ну хоть что-то необычное...

Но всё же я ожидал увидеть действительно впечатляющее место, а не обычную деревню, где для Лунной Девы выстроили дом чуть больше размерами.

Мы стали спускаться в долину. Полдень – время, когда работа затихает, люди собираются на обед или отдых, так что меня не удивила пустыньность улиц. Да и улиц-то в селе толком не было, местные предпочитали ставить свои дома наособицу, в отдалении друг от друга.

– Нам надо представиться кому-то? – спросил я караван-вожатого.

– Зачем? Лунная Дева знает о всех, кто придёт... – ответил Танильмо рассеянно.

– Могу я задать тебе вопрос?

Танильмо глянул на меня.

– Не надо спрашивать, я и так отвечу. Я спрошу о судьбе сына. Его караван задерживается уже на полгода.

Я кивнул. Уважительный повод.

Первых людей мы увидели, миновав ближайший дом. За ним, скрытые от нас поначалу, сидели кружком на низеньких табуретках девчонки – от совсем

маленьких и до подростков. В центре на стуле сидела старая женщина. Она что-то рассказывала, но при нашем появлении замолчала. Все, от мала до велика, посмотрели на нас – без растерянности или удивления, даже без особого любопытства, просто как на что-то ожидаемое, заслуживающее лишь беглого взгляда. Одеты они были просто, как все горские женщины, – длинные платья, короткие овчинные полушубки, платки на головах.

– Мир вам, Лунные Девы былого и грядущего! – поприветствовал их Танильо.

Старуха торжественно кивнула. Несколько девчонок захихикало.

Я отвернулся.

У старухи были молодые глаза.

По мере того как мы шли по деревне, приближаясь к святилищу, нам попадалось всё больше и больше женщин. В основном девчонки или совсем молодые девушки, но хватало и старух. Вот кого тут совсем не было – так это женщин средних лет и мужчин.

Вблизи святилище Лунной Девы выглядело поинтереснее, чем издали. Эта башня хоть и была построена тем же самым древним методом – чуть обтешем камни, сложим вместе и обмажем глиной, но камни тут обрабатывали тщательно, клали аккуратнее и стены снаружи выгладили глиной почти до ровной поверхности. Можно даже сказать, что оштукатурили, хотя обычно горцы таких вещей чурались.

А ещё в глину были впечатаны вещи, которые и давали тот самый, издали заметный блеск.

Чего тут только не было.

Маленькие флакончики, стеклянные, фарфоровые и каменные, из-под целебных настоев, масел и косметики; крошечные зеркальца – стеклянные, серебряные, стальные; жемчужные бусы и ожерелья, кольца – их было больше всего, были простые серебряные и латунные, которые родители дарят дочерям, были обручальные – с выгравированной руной любви, были дорогие кольца с драгоценными камнями; были монеты – опять же от нищенских медяков и до полновесных золотых, монеты всех стран и времён; были диадемы, ожерелья, подвески, серьги – всё то, что женщины придумали на себя вешать для красоты; были кинжалы с чеканными рукоятями и лезвиями из булатной стали; был как минимум один меч – недорогой, но, судя по виду, служивший хозяину верой и правдой; были крошечные портреты на эмали... Всё, что только могло пережить суровую погоду и представляло из себя ценность, можно было найти на стенах святилища.

– Обычай, – пояснил Танильо то, что и так было понятно. – После приёма у Лунной Девы паломники оставляют какую-нибудь ценность. Но это не обязательно... Велд, идите первым.

Торговец кивнул. Снял меховую шапку и, отдав её сыну, открыл дверь святилища. Что-то тихо спросил, ему что-то ответили – и он зашёл внутрь.

– Уверен, что мне стоит идти? – спросила Мира.

– Да, – твёрдо сказал я. – Спроси её про нашего ребёнка. Придумай сама, что спросить.

Мира кивнула.

Мы топтались у дверей. Прошла мимо девушка с кувшином воды на плече, глянула мимолётно – и удалилась. Никакой охраны, никаких расспросов.

Впрочем, какая охрана и какие расспросы нужны здесь, в окружении множества волшебниц, видящих будущее и способных исцелять? Ведь исцеление, стоит лишь чуть-чуть поменять руну, становится причиной болезней и ран.

Торговец пробыл в святилище недолго. Я специально достал часы и засёк время – минутная стрелка сдвинулась на семь делений, и торговец вышел. Взволнованный и явно довольный, он с улыбкой кивнул нам, достал из кармана пару золотых монет – и прищёпнул их к стене дома, потянувшись повыше. К моему удивлению, монеты прилипли к сухой штукатурке.

– Иди, – торговец подтолкнул к двери сына. – Не бойся. Она ждёт.

– Не маленький, – буркнул парень и исчез в дверях.

Мне было интересно, что именно парень хотел узнать. Но не настолько, конечно, чтобы задавать бестактные вопросы. Однако Велд подмигнул мне и шёпотом произнёс:

– Дела сердечные! Молодость, муки выбора...

Я был моложе, чем его сын. Но «дела сердечные» меня как-то мало волновали. Из того возраста, в котором влюбляются в одну-единственную, я шагнул в возраст, когда одну-единственную любовь берегут. И все «муки» благополучно пропустил.

Наверное, об этом можно было пожалеть. Но я не жалел.

Сын торговца вышел – его вопрос не занял много времени. Он был озадачен и даже смущён. От отца отмахнулся, достал из кармана золотое кольцо и впечатал в стену святилища. Лишь потом вместе с Велдом они отошли в сторону.

Следующим пошёл Танильмо. Я помнил о вопросе, который он хотел задать, и с тревогой следил за его лицом, когда землевед вышел. Но тот был успокоенным и расслабившимся – значит, с его сыном всё хорошо.

– Мира... – я коснулся её руки.

– Всё равно это глупость, – сказала она. Посмотрела на молчаливую девушку-топографа, застывшую с картой в руках.

– Я лишь рисую путь, – ответила та на незаданный вопрос. – Я не стану входить.

Мира кивнула. И вошла.

Её не было долго. Я засёк время – двадцать три минуты. Наконец она вышла – задумчивая, опустившая голову. Я шагнул навстречу, напрягшись, заглянул ей в глаза.

Слёз, которых я боялся, не было. Ужаса или печали тоже. Но вот задумчивость... ох, о чём-то серьёзном она задумалась. Об очень серьёзном.

– Всё в порядке, – сказала Мира. – Всё в порядке. Зайди, она тебя ждёт.

– Что ты спросила? – прошептал я.

– Потом. Зайди. Она сказала, что тебе не придётся ничего спрашивать. Она сама всё скажет.

Я колебался несколько мгновений. Я не хотел ничего спрашивать. Я не хотел отнимать время у девочки, которую местные обычаи превратили в Лунную Деву, сжигающую свою жизнь ради любого, пришедшего с вопросом или болью.

Но если мне не надо будет спрашивать, то и ей не придётся использовать руны.

– Я недолго, – сказал я, целуя Миру в лоб.

И вошёл в приоткрытую дверь.

Внутри всё выглядело совсем иначе, непохоже на жилища горцев.

Круглое помещение – занимающее весь первый этаж башни. Пол покрыт белыми овечьими шкурами, сшитыми в сплошной мягкий ковёр. Непонятно, почему они такие чистые, незапачканные – неужели магия? Стены гладко оштукатурены и выкрашены в белый цвет. Деревянная винтовая лестница у стены (тоже странно, горцы обычно их не использовали) ведёт на верхние этажи. Никакой мебели совершенно. Окон тоже не было – снаружи я не обратил на это внимания, а сейчас понял, что весь свет идёт от хрустального шара, висящего под потолком. В шаре горела белым матовым светом руна. Горела давно, и времени в неё было залито столько, что хватит на пару веков – я невольно сглотнул от такой глупой и ненужной траты.

А посередине круглого зала сидела на полу, скрестив ноги, девочка – совсем маленькая, лет десяти. Узкое серьёзное личико, длинные распущенные волосы, смуглая кожа – девочка была миленькая, с умными глазками, но никакой особой силы я в ней не чувствовал.

Ещё она была странно одета – в балахонистое платье из простого белого полотна, слишком просторное и длинное для неё. Вокруг неё по полу были разбросаны маленькие подушки из белой шерсти, стоял высокий узкий стакан с зеленовато-белой жидкостью.

Я подумал и сел напротив, так же скрестив ноги. Девочка молчала, следя за мной. Что-то в её взгляде всё-таки читалось. Что-то необычное, чего я не ожидал.

Восторг?

– Здравствуй, – сказал я и замешкался, не зная, как обратиться. – Ты – Лунная Дева?

– Да. Сегодня я – Лунная Дева, – тоненьким голоском, очень чисто и торжественно ответила девочка. – Мы ждали тебя. Мы тебя звали. Спасибо, что ты пришёл.

Вот тут я сообразил быстро.

– Так это по твоей... по вашей воле мне все предлагали сюда прийти?

Девочка кивнула.

– Зачем? – спросил я.

– Ты важен, – сказала девочка. – От тебя зависит судьба.

– Ваша?

– Вся судьба, – непонятно пояснила Лунная Дева. – Мы смотрим для тех, кто просит, но мы смотрим и для тех, кто молчит. Мир стоит на пороге. Только ты можешь его спасти.

Мне стало смешно.

– Так не бывает, – сказал я. – Только в легендах от одного человека зависит судьба мира.

– Ты не человек, ты – маг. И ты будешь легендой.

Вот теперь мне было не до смеха.

– Не хочу быть легендой.

– Никто не хочет, – вздохнула девочка. – Я тоже.

Она взяла стакан и, морщась, выпила бело-зелёную жидкость в несколько глотков. Ох, не козье там молоко с целебными травами...

– Я тебя ни о чём не спрашиваю! – быстро произнёс я. – Мне не нужны твои предсказания!

– Я предсказываю не для тебя, – девочка подняла тонкие ручки. Черкнула воздух крестом, я узнал руну Наудиз. – Я предсказываю для волшебства. Я – голос рун, я – дыхание магии, я – капля в реке времени...

Она вгоняла себя в транс. Надо было встать и выйти, или, может быть, дать ей пощёчину и заставить умолкнуть. Но я не мог. Я оцепенел.

Может быть, она задействовала какую-то руну. А может быть, руной было всё вокруг. Я посмотрел на белые стены и вдруг ощутил пульсирующее в них время. Там, под белой штукатуркой, на древних камнях были процарапаны руны – в основном Наудиз – Нужда, но были и другие, они сливались в единую сеть, и каждая Лунная Дева вливала в неё немного своей жизни, как мы в Академии, или в Клубе магов...

– Нужда стесняет грудь, но услышь её вовремя – будет нужда в помощь и спасение...

Я пытался встать. Честно пытался. Но моё тело уже не принадлежало мне – я мог только слушать.

– Боль красавицы, дрожь голого на морозе, тяжкая доля бедняка – чёрная работа... Наудиз, тебе моё время, сколько надо бери – чтобы вовремя услышать...

Девочка раскинула руки, замерла.

А потом заговорила совсем другим голосом, и детским и взрослым одновременно, дрожащим, сотканным из многих голосов. Будто тысячи Лунных Дев шептали её губами.

– Я дам тебе три имени, три места и три совета, рунный маг. Если ты ошибёшься в имени – ты умрёшь сам. Если ты ошибёшься в месте – ты убьёшь тех, кого любишь. Если ты не исполнишь любой совет – ты погубишь весь мир.

Я молчал. Я смирился и слушал предсказание, которого не просил.

– Танри. Мирарек. Уинвард. Найди связь.

Владелец амулета – самый заурядный из Великой Шестёрки... Женщина-маг из Великой Шестёрки. И самый юный волшебник из Шести. Какая ещё связь, кроме того, что они вместе возвысили Тёмного Властелина?

Но я молчал.

Я смотрел на юную девушку, сидящую передо мной. Это уже был не ребёнок, это была взрослая девица, которой впору было идти замуж и самой рожать детей. Белое платье стало ей впору, лицо округлилось, глаза были взрослыми и печальными. Восемнадцать лет? Двадцать? Никак не меньше. Неужели три имени стоили прорицательнице десятилетия жизни?

– Перевал Хазрат. Рунное Древо. Замок Властелина. Не забудь.

Она стала взрослой. Моей ровесницей с виду. Тридцать, тридцать пять. В своём горном селе она была бы уважаемой женой, матерью выросших детей, уже не юной, но ещё крепкой и красивой. За её плечами была бы счастливая жизнь с любящим мужем – почему-то я был уверен, что ей достался бы хороший муж, мне даже казалось, что я вижу его лицо. «Это отголоски предсказания, – вдруг понял я. – Это сырая рунная магия, влитое с

избытком время... я вижу истинное прошлое, скрытое настоящее и неслучившееся будущее».

Я поднял руку – тяжёлую, будто каменную. За ней струился серебристый свет. Я шевельнул пальцами – образы закружились не то в моей голове, не то в воздухе между мной и Лунной Девой.

«Сеннера», – мысленно шепнул я.

И увидел изменённую девочку. Она была прикована к лабораторному столу, возле которого стояли Сект и Ирбран. Взгляды, которые бросали натурфилософы друг на друга, не отличались любовью. Но они явно были заинтересованы тем, что собирались сейчас сделать.

Ирбран поднял банку из тяжёлого стекла – внутри шевелился тёмно-зелёный побег лианы.

Сволочи!

Она не смогла сбежать. Или сбежала, но её вскоре поймают. И дьявольское Жохар-До-Лакши, «древо ночи», лишит её воли и заставит повиноваться.

Она пыталась нам помочь, а мы ей не смогли.

Снова бросили.

Я вдруг понял, как ненавижу Тёмного Властелина.

– И самое главное...

Лунная Дева уже не была женщиной.

Она стала старухой.

Шестьдесят?

Больше?

Не знаю, не могу различить, боюсь понять. Она вновь уменьшилась, ссохлась, превращаясь в хрупкую старушку, лишь глаза снова стали молодыми и полными восторга. Говорят, иногда рунные маги, слишком быстро сжигая своё время, начинают испытывать экстаз сродни наркотическому. Я раньше в это не верил, но сейчас, глядя в сияющие глаза, понял – это правда.

– Время не жалей два раза, но самое главное – не пожалей в третий раз, – сказала Лунная Дева.

– Время не жалеть два раза, но самое главное – не пожалеть в третий раз, – прошептал я, чтобы запомнить наверняка.

– Ошибись дважды, стоя в центре и идя по краю, чтобы не ошибиться в третий раз, – произнесла старуха.

– Ошибусь дважды, стоя в центре и идя по краю, не ошибусь в третий раз, – сказал я.

– Чтобы спасти – предай, чтобы найти – потеряй, чтобы убить – пощади, – прошептала Лунная Дева.

– Предам, чтобы спасти, потеряю, чтобы найти, пощажу, чтобы убить, – пообещал я.

– Прощай, Грисар, рунный маг, сын, муж и отец, – сказала Лунная Дева.

Глаза её закрылись – и она осела в подушки.

– Помогите! – закричал я, вскакивая. Ноги были, словно ватные, но руны больше не держали меня. – Помогите же, кто-нибудь!

Я наклонился над старушкой, прижался ухом к груди – снова плоской, как у ребёнка, ссохшейся, так ни разу и не накормившей дитя...

Сердце не билось.

– Помогите же! – прошептал я, не зная кому.

Дверь наружу не открылась. А вот по лестнице сверху, беззвучно и неторопливо, спустились трое.

Девочка чуть старше прежней Лунной Девы, тоже одетая в белый балахон. Женщина средних лет – в обычной горской одежде. И сторбленная старуха в чёрном.

Они всё время были там?

Ждали, пока их маленькая подруга умирала?

– Что же вы наделали? – спросил я. – Зачем мне всё это?

Ответила старуха, не глядя на меня и с явной неохотой.

– Это было нужно.

– Она сожгла свою жизнь! – сказал я. – Она же совсем ребёнок! Сожгла ради трёх имён!

– Трёх имён, трёх мест, трёх советов, – поправила старуха. – Такова была цена. Мы не торгуемся с вечностью.

Женщина взяла тело из моих рук. Бережно, как собственное дитё, понесла вверх. Уже на лестнице я увидел, как в глазах её набухают слёзы, и всё понял. И тут женщина прошептала слово, от которого я вздрогнул. И воскликнул:

– Как ты назвала свою дочь?

Женщина приостановилась. Помолчала секунду.

– Сеннера.

Я даже не удивился.

– Я знал девочку по имени Сеннера. Это имя вашего народа?

Женщина покачала головой.

– Не имя? Просто слово? Что оно значит?

Женщина не ответила – продолжила подниматься, скрывшись из виду.

Девочка коснулась моей руки:

– Это не имя. Это значит всего лишь «девочка», – пояснила она. – Ещё так окликают пастушек в горах. Но она не пасла овец, она была Лунной Девой.

Я кивнул.

– Иди, – сказала девочка. – Теперь я – новая Лунная Дева. И я говорю тебе – иди. Сделай то, что ты должен сделать.

Я открыл дверь и вышел из святилища. Свет резал глаза до слёз. Все смотрели на меня.

Достал из кармана часы, подаренные Де Мейером – серебро, часовая и минутная стрелки, репетир, цепочка... И шлёпнул ими по стене святилища.

Глина под моими руками размягчилась – и часы утонули в ней наполовину.

Почему-то я понял, что в этот миг они навсегда перестали идти.

– Нам пора, – сказал я. – Танильмо, когда мы минуем перевал Хазрат?

– Завтра в полдень, – ответил землевед, помедлив.

– Хорошо, – сказал я. – Это очень хорошо, Танильмо.

Руна двадцать первая, Лагуз

Всё, что было со мной в святилище, я рассказал Мире перед сном. Про три имени, три места и три совета. Мира молчала, лёжа рядом в спальном мешке. Землеведы знали толк в походном снаряжении – холодная жёсткая земля не справилась с гагачьим пухом, нам было тепло и почти мягко.

– Акс Танри, – сказала Мира. – Не зря ты нашёл его амулет. И не зря Властелин так хотел его вернуть. В нём скрыта какая-то тайна; жаль, что мы его потеряли.

– Я помню руну наизусть, – ответил я. – Но я не понимаю, что в ней скрыто.

– Мирарек, – продолжала Мира. – Великая рунная волшебница Севера, она в одиночку работала с заклинаниями из пяти рун. Меня называли в её честь.

– Правда? – удивился я. Полное имя Миры я не знал. – Так может речь не о ней, речь о тебе?

– Сомневаюсь, – спокойно возразила Мира. – С чего бы меня называть старым родовым именем, которое и мать-то редко произносила. И ещё вмешивать в имена других Героев? Да и Лунная Дева мне ничего такого не пророчила.

– Танри, Мирарек и Уинвард. Что общее, кроме их подвига? Уинвард мог быть их общим ребёнком? – предположил я.

– Такое предание сохранили бы, – сказала Мира. – Да и если бы даже был – что с того? А твой род – он не восходит к кому-то из них?

Я тихонько засмеялся.

– Мои родители лопнули бы от гордости, будь в семье хоть самый завалящий маг времён Великой войны.. Нет, Мира. Увы.

– Три места, – сказала Мира. – Тут понятнее.

– Понятнее, – согласился я. – Ты, главное, не вмешивайся. Поняла?

Я положил руку ей на живот. Показалось мне, или он и впрямь заметно округлился?

– Не стану, – сказала Мира. – Давай спать, Грис. Про советы мы подумаем позже.

А что там было думать?

Один – так совсем был понятен.

Не жалеть времени.

Я закрыл глаза – и представил себе вьющуюся нить, тонкий фитиль во тьме. По фитилю бежал крошечный лепесток пламени, перед ним фитиль был бел и чист, позади рассыпался чёрным пеплом.

Это я.

Это моя жизнь.

Это моё время.

Стоит лишь дунуть на огонёк, разжечь его – и он побежит быстрее. Сжигая отпущенный мне срок, превращая время в волшебство. Резкие линии рун наполнятся пламенем моей сторающей жизни – и мир изменится.

Время – оно как сила, как здоровье, как пища, как деньги. Это всего лишь ресурс. И твоя воля, как ты его истратишь – ковыряясь с киркой на иссушенном поле, рубя мечом в сече, стоя за прилавком с весами... или творя волшебство.

Я не жалею времени.

– Что сеннера сказала тебе? – прошептал я.

– Се... – Мира запнулась. – Сеннера?

– Мать назвала Лунную Деву «сеннерой». Это значит «девочка» на их языке.

Мира помолчала. Потом шепнула мне на ухо.

– Она сказала доверять тебе. Она сказала: «Доверяй Грису, когда в тебе не останется ни капли веры».

– Она не говорит так просто, – поправил я, засыпая. – Должно быть ещё что-то.

И провалился в сон.

С самого утра все были как на иголках. Танильмо ничего не спрашивал, но мне казалось, что он всё понял и так. Землеведы и охранники собирались быстро и молча, тщательнее обычного проверяли упряжь и чистили оружие. Торговец с сыном смекнули, что дело неладное, коротко посоветовались и подошли к Танильмо. Тот выслушал их, кивнул и отвернулся.

Торговец с сыном поехали узкой тропкой, уходящей в сторону. Наши пути разошлись.

Во мне не было к ним зла. Они шли своим путём и не обязаны были сражаться и умирать на чужой войне.

На завтрак сегодня был только горячий шоколад – пряный, густой, дающий быструю силу и ясное сознание, но не отяжеляющий тело. Я выпил полную кружку, грея о неё руки и смотря вперёд – там, над гладью горного озера, шла караванная тропа.

Перевал Хазрат.

Хорошее место для засады, его не обойти коротким путём.

Танильмо подошёл ко мне, проверяя на ходу, как выходит меч из ножен. Спросил:

– Как считаешь, маг, продолжать ли нам идти прежней дорогой? Мы можем вернуться и выбрать другой путь.

– Все пути одинаковы, – сказал я. – Только одни длиннее, а другие короче. Не меняй планов.

Танильмо пожал мне руку, забрал пустую кружку и ушёл. Я отправился седлать коня. С каждым разом это получалось у меня всё лучше и лучше, хоть я и понимал, что настоящим всадником мне не стать.

– Грис, я могу держаться рядом, – сказала Мира, подъезжая. Её лошадь была спокойнее моей, да и держалась она в седле лучше.

– Вам нельзя, – сказал я.

– Я могу просто быть рядом. Мы можем быть рядом.

Я покачал головой.

– Вы и так со мной.

Мира не стала спорить, развернула лошадь и двинулась в хвост каравана.

А я выехал вперёд.

Двое чернокожих охранников двинулись со мной рядом, двое замыкали караван. Я заметил, что в тыл отправили тех, кто помоложе. Подмигнул одному из охранников, старому рубака со шрамом через щеку. Я не знал его имени, охранники держались наособицу, но у них он был за главного. Чернокожий улыбнулся в ответ кособокой улыбкой и спросил:

– Что нам делать, молодой маг?

– Охраняйте меня, – сказал я.

– Мы умрём? – уточнил старший охранник.

– Когда-нибудь мы умрём все, – ответил я. – Но не сегодня.

Он кивнул, больше ничего не спрашивая.

И мы двинулись к перевалу.

Я не знаю, когда и откуда ко мне пришла уверенность в том, что нас ждёт. Может быть ещё вчера, вместе с сырой магией, сожжённым временем, клубящимся в святилище Лунной Девы.

Но я знал чётко, будто уже влил время в дозорные руны, где и кто нас ожидает.

Караванная тропа шла по отрогу горы, слева внизу – озеро, справа – уходит вверх крутой скалистый склон. Стоит миновать озеро – и тропа станет совсем широкой, мягкой и удобной для спуска, уйдёт к широким степям... Но нас не хотят туда пустить.

Три десятка лучников на этом склоне, за валунами. Некоторые валуны подрыты, под них заведены брёвна – одно усилие, и покатаются вниз, на тропу.

На крутом склоне, уходящем к озеру, у самой тропы, в месте, неудобном для атаки и потому особо опасном своей неожиданностью, затаилось ещё полсотни человек с кривыми короткими саблями.

Все – и лучники, и бойцы ближнего боя – были кочевниками. Обычные степняки, привыкшие и мирно гонять скот, и безжалостно сражаться друг с другом за пастбища, и грабить чужие караваны. Им посулили большие, огромные, по их меркам, деньги – и они не устояли, хотя обычно не трогали землеведов.

Я не держал к ним зла – они уже все умерли, хоть и не знали об этом. Опасность не в них, опасность в тех, кто их нанял. И здесь моя магия была бессильна, ей противостояли чужие рунные заклятия.

Кстати, на степняках они тоже были – незримые искусные щиты, отклоняющие стрелы и мечи, в какой-то мере закрывающие и от магии.

Придержав поводья, я остановил коня. До перевала и засады оставалось сотни три шагов.

– Проверить? – спросил охранник, ехавший по мою правую руку. Он понимал, что не вернётся с этой разведки, но голос его не дрогнул.

– Нет, – ответил я и поднял левую руку.

Стало очень тихо. Таились степняки в засаде, застыли караванщики за моей спиной.

Я начертил в воздухе Лагуз – Озеро, руну воды и интуиции, мягкую и податливую. Потом перекрыл её руной Перт – кладезем памяти, руной знаний и постижения сути вещей.

И начал вливать в руны свою жизнь.

Беда любого рунного мага в том, что мы экономим время. Понимаем, что надо колдовать сильнее, но остаёмся в плену иллюзий, что хватит слабого усилия. Тратим сто раз по дню, вместо того чтобы один раз затратить месяц.

Я влил в руны месяц. Полгода. Год.

Озёрная гладь открылась для меня. Я познал глубины вод и породы рыб. Увидел, где на дне белеют звериные и человеческие кости, где скрыты брошенные на удачу монеты и обронены золотые кольца. Я мог ступить на воду – и она удержала бы меня. Я проследил судьбу каждой капли – в озере не было родников, вода в него стекала с гор, с дождями и облачной росой. Вода дремала в каменной чаше, но помнила свой путь по склонам.

Я влил в руны ещё три года.

И поднял воду вверх.

Озеро вспучилось исполинским пузырьм, заплесало, будто капля, упавшая на раскалённую сковороду. Голубовато-синий пузырь поднялся в воздух – и ринулся вверх по склону, вопреки всем законам мироздания. Бурлящая волна гребнем прошла вверх, перемахнула тропу, подхватила с собой кусты, валуны и вопящих, пытающихся бежать степняков – и понесла их ещё выше в горы, на вскочивших из-за камней лучников. Некоторые в отчаянии стреляли в водяной вал, некоторые попытались выстрелить в меня, но триста шагов – это слишком много даже для длинного лука, что уж говорить о коротких луках кочевников.

Вода накрыла их – и повлекла вверх.

Лошадь подо мной дрожала мелкой дрожью, но не пыталась бежать. Лошади боятся рунной магии и впадают в ступор, когда рядом слишком много сырого времени.

Я поднимал руку, указывая путь воде, пока не понял, что влитое время иссякло. Руны вибрировали, прося ещё немного моей жизни, и во мне разгоралось желание отдать им всё, отдать до конца, но я остановился и развеял Лагуз и Перт.

Водяной вал остановился, застыл, бурля грязной, утратившей чистоту волной. Внутри потока мелькали, бились друг о друга изломанные тела, кривые сабли, лопнувшие луки.

Потом вода покатила назад.

Мелькнули вялые контуры тел, мутные водовороты, прокатились валуны – и вся масса воды с грохотом вернулась в озёрное ложе. В воздухе стояла холодная туманная морось. Пахло мокрой грязью. Вода в озере плескалась, будто чай в чаше.

Соскочив с коня – неудачно, колено отозвалось болью, я пошёл вперёд. Конь противился, мотал мордой. Старший охранник положил руку на гриву коня, что-то зашептал, успокаивая. И они пошли за мной.

Я опустил левую руку, разминая пальцы. Я не знал, кто ждёт меня впереди, но боялся, что их будет двое.

Тропа под ногами была мокрой, скользкой. Валялась сабля с обломанным остриём, простой обмотанной кожей рукоятью. Оружие небогатого степняка, из тех мечей, что поколениями передают от отца к сыну, не из-за богатства оружия, а из-за бедности хозяина. Теперь его долгий путь прервался.

Тел нигде не было – и то хорошо.

Пройдя тропу до середины, я увидел рыбу, слабо бьющуюся в грязи. Мелкая озёрная форель, оглушённая ударом, но живая. Наклонившись, я поднял рыбу, размахнулся и бросил вниз, в озеро.

Она не долетела. Упала на каменный склон с неприятным шмякающим звуком.

Я обернулся, посмотрел на охранников. Улыбок на их лицах не было.

Я пошёл дальше.

Только бы не двое.

Пожалуйста, только бы не двое.

...Не стоит загадывать желания, судьба всегда найдёт лазейку в твоих мольбах.

Их было четверо.

Только один из них был регулятором. Молодой, лицо незнакомое, но я научился их узнавать и видеть спящую руну Ансуз.

Трое других были рунными магами. Все – средних лет, значит, имеют достаточно времени для волшебства. Хуже всего было то, что одного я знал. Мастер Креберт, мой наставник в первые годы учёбы в Академии. Когда я покидал её стены, Креберта прочили в деканы и поговаривали, что он дорастёт до ректора.

Мастер Креберт и пять лет назад был очень хорошим магом.

Вряд ли двое других слабее. На одном были одежды Мастерской, на другом – Школы магии. На груди у всех – цепи со звёздами деканов.

Перехватить нас послали трёх боевых магов. Может быть, трёх лучших боевых магов Тёмной Империи.

И ещё регулятора, в теле которого в любой миг может возникнуть сам Властелин.

– Атаковать чародеев, рунный мастер? – спросил охранник.

Я покачал головой. Они шутя отмахнутся и от целой орды наёмников.

Маги и регулятор ждали меня сразу за перевалом. Стояли посреди дороги, не прячась, не прикрываясь пока никакими щитами. Я не чувствовал и засадных рун. Может быть, они хотели начать с разговора.

Ещё раз вызвав в памяти руны, я поднял руку и помахал им.

Мастер Креберт помахал мне в ответ.

Улыбнулся.

Он не был совсем уж добреньким наставником, а я хоть и был у него на хорошем счёту, но в любимчиках не ходил. И всё же я был ему благодарен за науку, он научил меня многому, а несколько раз прикрыл глаза на шалости и глупости, что ещё важнее. Мастер Креберт всегда особо хвалил меня за

бережливое отношение к времени, за то, что я ценил каждый миг и не спешил превращать его в волшебство. Он и сам был таким же – жадным до жизни, по-хорошему скуповатым на время магом.

Он слушал мои слова, когда я приносил клятву верности Тёмной Империи, рунной магии и собратьям-волшебникам. Он был свидетелем моей клятвы и, значит, хранителем моей чести.

Я точно знал, как пойдёт наш разговор..

Мастер Креберт воскликнет: «Грис, мальчик, как ты постарел! Нельзя так тратить время!» Покачает головой и вспомнит какой-нибудь случай из обучения, памятный нам обоим. Потом представит своих спутников. Предложит поговорить по-хорошему. Подойдёт ко мне, обнимет, сокрушённо покачает головой. Скажет, что повелитель ценит своих магов и никогда не поздно покаяться. Что они отвезут меня и Миру в Тёмную Империю, а караван землеведов мирно проследует дальше. Что если я проявлю благоразумие, всё будет хорошо. Что сопротивляться трём магам и регулятору – самоубийство, я ведь это понимаю? Я буду кивать, потом наотрез откажусь, и на глазах Креберта покажутся слёзы. Он развернётся и пойдёт обратно, я ведь не стану бить в спину своего учителя.

Потом мы станем строить руны и вливать в них жизнь.

И в какой-то миг я пропущу смертельный удар или упаду на подкосившихся ногах лицом в холодную грязную землю, умирая от старости.

Потому что один против четверых – не воин.

...Я улыбнулся мастеру Креберту в ответ.

И выстроил перед собой рунный узор с амулета Акса Танри.

Столько дней и ночей я провёл, изучая эти руны, что они всплыли перед глазами мгновенно...

Манназ – Человек, в центре.

Альгиз – Жизнь и Смерть, кольцом вокруг.

Турс – Шип, руна удара, вплетённая в Альгиз.

Вуньо – Радость и Горе, сопровождающие Альгиз.

Наудиз – Нужда, налево.

Гебо – Дар, направо.

Шесть рун раскрылись передо мной.

И я впервые дал узору то, что он хотел.

Время!

Четыре года моей жизни вошли в Манназ, и руна запылала в воздухе великанским подсвечником – трёхметровой высоты столб белого огня, разделивший меня и врагов. Альгиз с шипением, будто горящая змея, обвинил его красно-чёрным пламенем. Турс выстрелил четырьмя дымчатыми щупальцами в магов. Зелёным огнём замерцала руна Вуньо. Наудиз и Гебо распахнулись серыми крыльями.

Лица магов исказились от неожиданности. Я видел, как возникают перед ними рунные щиты. Как разгорается на лбу регулятора руна Бога.

Это не имело значения.

Рунный узор Акса Танри пробивал всё.

Ещё один год моей жизни вошёл в Манназ – и щупальца Турса обвинили врагов.

Но ничего не происходило, руна ждала, она хотела больше, больше, больше моей жизни!

Да подавись ты!

Я закричал, раскидывая руки, – Наудиз и Гебо заколыхались, будто крылья.

Мне незачем жалеть своё время, рунный узор Акса Танри неотразим, но даёт слишком сильную отдачу.

Я влил в Манназ десять лет жизни.

Руна взревела, полыхая огнём, становясь почти вещественной и твёрдой.

Турс ударил.

Во врага и отдачей в меня.

Это было нестерпимо больно, так, что у меня подкосились ноги – и я рухнул на колени. Дыхание перехватило, жгучей болью сдавило грудь, сердце билось, пытаюсь пробить рёбра. Малая толика отдачи была слишком сильна, чтобы её выдержать.

Три мага и регулятор бились в корчах. Но если маги умерли сразу и их тела плясали как марионетки, то регулятор никак не хотел умирать – и упрямо смотрел на меня ненавидящим взглядом Тёмного Властелина. Смотрел, пока его ноги с хрустом ломались в коленях, смотрел, когда оторвалась правая рука, смотрел, когда лопнул левый глаз, и из глазницы полезла серая жижа.

И только когда я оскалился в ответ и потянулся к рунам, желая влить в них ещё десяток лет, – лицо регулятора помертвело.

Тёмный Властелин бежал с поля боя.

Хрипя и харкая кровью, я встал. Ноги тряслись и не хотели держать, при вдохе в груди kloкотало, но мне было всё равно. Сколько там ещё у меня есть? Пять лет, десять, двадцать? Да неважно! Я всё могу! Я повернулся к

охранникам, засмеялся. Мне хотелось спросить их, чего хотят они. Я всё могу сейчас сделать! Я всё исполню! Я полон волшебства!

И тогда старший из охранников свесился с коня и ударил меня рукоятью сабли в лоб.

Когда я открыл глаза, болело всё. Больше всего – грудь, дышать было тяжело, словно меня уже похоронили и навалили поверх комья тяжёлой зимней земли.

Но ещё болела голова, ныло колено и жгло глаза.

Значит, я жив.

Лицо Миры надо мной было спокойным и собранным. Ни слезинки в глазах, ни тени сомнения. Она убрала с моего лба влажную тряпицу, опустила куда-то, прополоскала, отжала и положила вновь – прохладную и несущую облегчение. Мы были в нашей палатке, где-то рядом слышались голоса и ржание лошадей.

– Ты колдовала? – спросил я. Слова дались неожиданно легко.

Мира покачала головой.

– Нет.

– Не лги, Мира. У меня всё рвалось в груди – сердце, лёгкие... Я бы не выжил без магии.

За спиной Миры показалось ещё одно лицо.

Танельмо.

– Ты плохо выглядишь, караван-вожатый, – сказал я. – Словно... постарел на пару лет.

Танельмо кивнул.

– У тебя цепкий глаз. Да, на пару лет. Неужели ты думал, что караван-вожатый землеведов не владеет рунами?

Я прикрыл глаза. Подумал немного. И сказал:

– Ты бы не успел. Счёт шёл на секунды, я захлёбывался своей кровью.

– Тебя спас Хазе Беке.

– Охранник со шрамом? – уточнил я.

– Да.

– Он оглушил меня, чтобы я прекратил колдовать, – вспомнил я.

– Да.

– А потом?

– Он тоже знал руны.

«Знал».

Я понял.

– Он просил передать тебе пару слов, – продолжил Танельмо.

– Да, – сказал я.

– «Я горд тем, что видел, как фальшивый бог испугался настоящего человека».

Я ничего не ответил.

– Отдыхай, – сказал Танельмо. – Мы разбили лагерь за перевалом. Не думаю, что кто-то рискнёт к нам приблизиться. Ты поправишься, у тебя не осталось смертельных ран.

– Это займёт время, – сказал я.

– У тебя есть сутки, а потом придётся сесть в седло.

– Сяду, – согласился я.

Танельмо вышел, и мы остались с Мирой.

– Сколько? – спросил я.

– Ты же знаешь, – ответила она. – Ты всегда хорошо считал.

– Пятьдесят?

– Наверное. Но всё очень неплохо.

– Дай зеркало.

Она поднесла зеркало к моему лицу без споров. Судя по скорости, оно было у Миры под рукой.

– Какой кошмар, – сказал я с чувством.

В зеркале отражался старик, с наполовину седой головой, обросший щетиной, с ввалившимися щеками и покрытыми красными прожилками белками глаз.

– Всё нормально, у нас в клубе и не такие годами скрипели, – сказала Мира. Она держалась великолепно, ни капли ненужной жалости.

– Слушай, девочка, если захочешь уйти от этой развалины, я дам тебе развод, – сказал я.

– Грисар, – без улыбки ответила Мира. – Я ценю твой юмор. Но теперь слушай меня. Я выношу нашего ребёнка. Если будет мальчик, мы назовём его Хазе Танельмо Грисар. Если девочка – Сеннера Грисар. Когда ребёнок родится, работать с рунами буду я – хотя бы до тех пор, пока мы не сравняем наш возраст. А ты будешь ходить в крепость Рунного Древа, говорить с магами, читать древние рукописи и разбираться в том, откуда взял свою силу Тёмный Властелин. Не может быть, чтобы наше дитё не стало великим магом. Когда он или она вырастут – они найдут Тёмного Властелина и убьют его. Может быть, мы даже доживём до этого, Грисар. Но мы уж точно вырастим нашего ребёнка, не расстанемся и не забудем всё, через что прошли. И в благородство друг с другом играть не станем. Хорошо?

– Хорошо, – согласился я. – И спасибо тебе, что удержалась от волшебства.

Мира тихо легла рядом, прижалась ко мне. Некоторое время лежала неподвижно. Потом сказала:

– Я принесу горячей воды и побрею тебя. Не хочу, чтобы ты кололся сегодня ночью.

– Эй, не слишком ли многого ты хочешь от старика, который уже должен был лежать в могиле? – спросил я.

Но она принесла бритву, горячую воду и помогла мне побриться. Потом накормила горячим бульоном. А ночью я понял, что она хотела ничуть не большего, чем хотел я.

Эттир третий

Руна девятнадцатая, Эваз

В Тёмной Империи считают Северное Царство мрачным холодным краем вечной зимы, населённым угрюмыми диковатыми людьми. В других странах, впрочем, саму Тёмную Империю считают такой же – холодной, мрачной и агрессивной.

На самом деле всё сложнее.

Лето в Северном Царстве довольно тёплое. Крестьяне успевают собрать рожь и пшеницу, молодёжь купается в реках и озёрах (где, кстати, полно вкуснейшей рыбы), овцы, коровы и маленькие северные лошадки отъедаются на пастбищах. Сколько зверья носится по лесам – вообще трудно представить жителю более цивилизованных мест!

Но вот осень – ранняя и холодная, дожди быстро становятся ледяными, выпадает снег, да такой, что только на санях и лыжах можно передвигаться, речушки и озёра сковывает лёд. Дуют сильные долгие ветра, воют метели, солнца иногда не видно неделями и месяцами. Весна приходит поздно, она холодная и слякотная, порой деревья уже покрываются листвой – и снова выпадает снег...

А лето хорошее.

Но короткое. Два месяца от силы. Остальное – зима и мало отличимые от неё весна и осень.

Первый год нам было тяжело здесь жить. Нас приняли без предубеждений – наверное, сыграли свою роль и родственники Миры, и рекомендации местной Гильдии Землеведов. Я не сразу узнал, что Танильмо написал им послание, где попросил поддержать нас и поручился, что мы не шпионы повелителя.

Денег, которые у нас были и которые мы заработали в пути, хватило на покупку маленького домика в Рунном Древе, по сути – единственном городе Северного Царства. Тут, конечно, сыграло свою роль то, что Мира безжалостно обобрала тела убитых мной магов. Серебряные цепи со звёздами деканов, украшенными драгоценными камнями, даже как лом стоили немало. Но Мира через посредников продала их обратно Академии, Школе и Мастерской магии, взяв полную стоимость.

Я по этому поводу не комплексовал. Они шли нас убить.

Мы купили дом и стали обживать.

Через год нам стало легче.

А сейчас, через семь лет после нашего появления в Северном Царстве, порой казалось, что вся прошлая жизнь была лишь сном.

Надев тёплую куртку (лето кончалось, дрожало на грани между прохладой и первыми холодами, а я стал легко мёрзнуть), я присел на стул у порога и с кряхтением натянул тонкие летние сапоги. Прислушался к звукам внутри дома. Улыбнулся, услышав голос Миры. И тихонько вышел за дверь.

Небо ещё оставалось голубым, и солнце пока не сдавало позиции. Вдохнув чистый холодный воздух, я прошёл через садик (цветы, увы, завяли почти все), открыл низенькую калитку и вышел на мощёную камнем улицу. Выходящий из соседнего дома мастер Ингар, столяр и краснодеревщик, уважительно кивнул мне.

– Доброго дня, рунознатец Грисар.

– И тебе доброго дня, мастер Ингар, – ответил я.

Сосед был умелым мастером и хорошим человеком. Если в доме требовалось что-то починить, он давал солидную скидку. Детскую кроватку он сделал и подарил, наотрез отказавшись от платы. С одной стороны, северяне были щепетильны в делах и любую работу ценили высоко. С другой – у них был

культ подарков, они любили дарить (впрочем, как и получать ответные подарки) .

– Всё ли у вас в порядке? – продолжал Ингар.

– Спасибо, всё хорошо, – ответил я. – Всё ли в порядке в твоём доме?

– Спасибо, нет повода жаловаться, – ответил Ингар.

С одной стороны, это была ритуальная вежливость. С другой – я не сразу, но понял, что у северян не зазорно поделить проблемами и попросить помощи. И точно так же отказ в помощи – если у тебя нет времени, сил или просто желания, отношений между людьми ничуть не портит. Вот если пообещал и не сделал – тут на тебя посмотрят косо. Никаких пустых «попробую что-нибудь придумать», «я тебя услышал», как говорят в Тёмной Империи, никаких причитаний и многословных цветастых речей, как принято на юге.

Либо берёшься, либо нет.

Только не говори ничего впустую.

– Я хотел спросить о рунной лампе, – мимоходом сказал Ингар. – О той, которая освещает мне верстак. Кажется, она светит всё слабее.

– Время заканчивается, – кивнул я.

– Глаза у меня уже не те, что раньше, – вздохнул Ингар. – А дни всё короче. Мог бы ты или твоя жена оживить руну?

– Мы могли бы, – кивнул я.

– Сколько будет стоить руна света на год?

– Я не знаю сейчас цены, – сказал я. – Позволь я выясню, а вечером дам ответ.

– Хорошо, – кивнул Ингар. – Скажешь, и мы обсудим.

Вот и договорились. Я узнаю цену руны света, и мы с Мирой решим, что нам важнее – деньги или время.

Боюсь, что всё-таки деньги.

Кивнув Ингару, я пошёл по обочине к крепости Рунного Древа, стоящей на невысокой каменной горке в центре города.

Сам город окружён кольцом стен, но внутри него, как обычно и бывает, стоит ещё и главная крепость. Но здесь в ней живёт не царь – хоть эти земли и называются Северным Царством, но по-настоящему правит Совет рунных мастеров, царь лишь озвучивает их решение.

Царь живёт в обычном доме на соседней улице от нас и ходит в те же лавки, что и мы.

Крепость и есть главная твердыня Севера, центр власти, знаний, культуры, обороны – всего, что составляет основу государства. За высокими стенами скрывались фортификационные башни, несколько дворцов, соединённых переходами, здания университета и библиотеки, дома самых зажиточных горожан и жилища знатных рунознатцев, склады, хранилища, казармы. Была в крепости и оранжерея, куда допускали даже простой люд, – в самую лютую зиму в оранжерее было тепло и цвели самые диковинные растения. Самая роскошная баня из тех, что я видел, – с огромными отделениями для мужчин и женщин, с закрытым бассейном (к нашему с Мирой смущению – общим) тоже была спрятана в крепости. А уж сколько там подземных ходов и катакомб, за столетия прорытых в скале, – я даже представить не решаюсь.

Вот в крепости Рунного Древа я и работаю.

Странно: совсем ещё недавно, лет пять назад, я поднялся бы к воротам крепости за четверть часа, не останавливаясь и не запыхавшись; может быть, почувствовав лёгкую усталость в ногах, но и только.

Потом я заметил, что если летом подниматься в крепость несложно, то весной и осенью меня раздражает слякоть, а зимой – снег, даже если его утоптали. А уж когда в лицо бьёт ледяной ветер, я начинаю искать поводы остановиться по пути.

Сейчас ещё не было ни снега, ни холодного ветра. Но медленно поднимаясь вверх по улице, к поросшим бурым мхом стенам крепости, я останавливался и раскланивался со знакомыми (местные считали эту мою манеру очень милой и экзотической). Возле кофейни я вспомнил, что утром не выпил кофе (на самом деле именно для этого и не выпил), присел за столик и заказал маленькую чашку.

Так что только через полчаса я перешёл широкий подъёмный мост, предъявил стражникам у ворот медный жетон с выгравированным на нём именем и разрешением входить за крепостные стены. Никакой предвзятости в этом не было, местные жители, даже те, кто ходил в крепость на работу каждый день десятки лет, показывали такие же пропуска.

Северное Царство было большим по площади, но населения в нём было раз в двадцать меньше, чем в Тёмной Империи. Крепость Рунного Древа служила им главной и единственной защитой от соседей.

За воротами я свернул направо, миновал казармы царской гвардии (царь числился командиром гвардии и три раза в год был обязан переночевать в казарме), прошёл мимо Малого рынка – большой был в городе, торговали там всем, что только можно представить, а вот на Малом продавались самая вкусная еда, самые редкие и искусные поделки, было две книжные лавки и несколько харчевен, где великолепно готовили местную рыбу и мясо. Мы порой ходили сюда поужинать.

Но мне нужно было в Библиотеку, где я работал уже шестой год.

На входе я опять показал жетон, полез за бумажным пропуском, но тут охрана была помягче, да и знали меня очень хорошо. Мне махнули рукой – «проходи, пустое», и я вошёл в просторное двухэтажное здание.

Что мне нравилось в Северном Царстве – здесь учили грамоте и счёту любого ребёнка или взрослого, кто того пожелал. Не было никаких глупых суеверий: «Научишь сына рунам – внуков не увидишь», «От рун маги стареют, а простак умирают», «Что колдуну хорошо, то честному человеку не нужно». К рунам относились... ну, как к ножу. Или к огню. Тоже ведь штука опасная, но если не научить ребёнка с ними обращаться – и сами порежутся, и дом спалят.

Конечно, слухи ввали, вовсе не все здесь владели рунной магией. Но ей учили так старательно, что простыми рунами пользовались многие.

Вот и сейчас на первом этаже, где был общий зал, занималась чтением большая группа детей – и маленьких, лет семи-восьми, и постарше, лет двенадцати-тринадцати. Вдоль стен здесь стояли огромные книжные шкафы, и с рунными манускриптами, и с книгами на гражданских алфавитах. Развлекательные, да всё чаще и научные книги печатают буквицами. Говорят, что и звуки они передают лучше, и нет опасности, лучше всего выраженной в старом анекдоте: «Картавый мальчик прочёл вслух стишок из детской книги и вызвал землетрясение».

Но здесь сейчас учили именно классическому футарку, а не алфавиту. Дети сидели посреди зала, сдвинув столы и стулья, учительница – немолодая, громогласная рыжая дама стояла посередине. В руках она держала большую аспидную доску, на которой была нарисована руна Эваз.

– Эваз! – торжественно произнесла учительница. – Некоторые произносят «Эхваз», но это сельский выговор, лучше говорить звонко – Эваз! Это девятнадцатая руна, третья руна третьего эттира. Означает она – лошадь, конь. Понимаете, почему? Видите, какая смешная руна – палочка вверх, палочка по диагонали вниз, палочка по диагонали вверх, палочка вниз. Будто стоит лошадка. Только головы нет.

Кто-то из детей захихикал, кто-то пропищал:

– Лошадка без головы...

Учительница не рассердилась.

– Да, лошадка. Когда мы её видим в книжке, мы читаем букву «е». Е-е-е-е!

– Е-е-е-е! – затаили дети.

– Эваз!

– Эваз!

– Маги-рунознатцы используют Эваз, когда надо быстро бежать, когда надо стать сильным и выносливым. Как лошадка. Но это нужно рунознатцам, мы учимся читать книжки на футарке. А ну-ка, ещё раз! Эваз!

– Эваз!

– Е!

– Е!

Я, уже направляясь в верхний зал, приостановился. Всмотрелся.

Да, никакого сомнения.

Слабый, едва заметный, проблеск руны Эваз.

Светловолосый мальчонка лет десяти нахмурился и помотал головой. Потом улыбнулся. И ещё громче произнёс, не отрывая взгляда от аспидной доски:

– Эваз!

Когда ты первый раз вливаешь время в руну – ты не понимаешь, что происходит. Но чувствуешь восторг и прилив сил. А уж если влил в Эваз...

– Позвольте вас прервать на минуточку! – я подошёл к учительнице. Та внимательно посмотрела на меня. Сказала:

– Я вас знаю. Вы рунный мастер из Тёмной Империи.

– Родом из Тёмной Империи, – согласился я. – Моё имя Грисар.

– Эльга.

– Вы заметили? – спросил я шёпотом.

– Мне показалось, что да, – так же тихо ответила она. – Доска в руках задрожала.

– Светловолосый мальчишка по левую руку от вас.

– Поняла, – стрельнув взглядом, сказала учительница. – Спасибо, мастер Грисар. Я немедленно позову чародеев.

– А детей отправьте на улицу побегать, – посоветовал я. – Мальчик влил минут пять в Эваз, его сейчас распирает от энергии. Пусть выбесится. Иначе ему станет плохо.

– Спасибо, мастер, – повторила Эльга. – Спасибо от сердца. Это мой племянник.

Я улыбнулся и пошёл наверх. За моей спиной ученики, услышав о неожиданном перерыве, разразились радостными воплями. Первым, разумеется, пронёсся на выход племянник учительницы – размахивая руками, прыгая и хохоча от беспричинного восторга.

Руна Эваз – она такая... конская. Старые маги её используют не только, чтобы быстро бегать. В постели тоже выручает.

С приятным чувством выполненного долга я пошёл на второй этаж, в рунный зал. Станет мальчик рунным магом или нет – главное, что теперь он узнает

о своих способностях. Никому не нужна дикая магия, всем нужна магия культурная и контролируемая.

Второй этаж не для всех. Сюда пускают только рунных магов или людей, получивших специальное разрешение. Для меня этот зал вот уже много лет как место работы, охранник хоть и дождался, пока я достал жетон с пропуском, но смотреть на него не стал и с вежливой улыбкой приоткрыл дверь.

Я прошёл через первый, общий рунный зал. Здесь сидели с книгами и бумагами несколько рунных мастеров. Кто-то искал подходящую руну, кто-то вычерчивал их на бумаге – то ли запоминая рунную фразу, то ли конструируя новую. Каждый маг мечтает оставить после себя новое заклинание. Я тоже мечтал.

Ещё один охранник сидел у входа в служебный зал. Он был магом и не спрашивал пропуска, он лишь кивнул и дождался, пока я сам открою дверь. При этом я отдал секунду жизни, а дверь проверила, нет ли во мне зла и желания навредить окружающим.

Этот зал был длинным и узким. Три ряда маленьких столов, по восемь в каждом ряду – футарк из трёх этиров. Отдельно большой стол старшего библиотекаря. Над каждым столом яркая рунная лампа с абажуром и гибким основанием, на каждом столе – стопки бумаги и карандашей. Тут было жарко; пожалуй, даже жарче, чем хотелось бы, но открытого огня не было – только решётки фальшкаминов, за которыми работали руны тепла. Слишком ценные тут книги, чтобы рисковать пожаром.

В зале уже сидело четверо магов – моих коллег по работе.

– Опаздываете, Грисар, – процедил сквозь зубы библиотекарь. Молодой высоченный парень, красивый, мужественный и вечно хмурый. Не знаю уж почему, но он меня явно недолюбливал.

– Пришлось задержаться на первом этаже, – вежливо ответил я. – Детки учили футарк, я заметил дар у одного мальчика.

Маги подняли на меня головы. Кто-то одобрительно кивнул, кто-то улыбнулся.

– Садитесь, Грисар, – сказал библиотекарь. С трудом выдавил: – Благодарю за внимательность.

– Всегда рад помочь юным коллегам, – сказал я. И не удержался: – Если что, тоже обращайтесь.

Библиотекарь с трудом сдержался. Вымученно улыбнулся, спросил:

– А чем я могу вам помочь?

– Альманах «Северные руны», выпуск третий? – спросил я невинно.

– Первые десять выпусков в закрытом доступе, – немедленно ответил библиотекарь. Так же, как его коллеги отвечали мне семь лет подряд, только со злорадством.

– Тогда четвёртый том «Рунных записок» западных княжеств, – попросил я со вздохом.

Библиотекарь подумал секунду, но возражений не нашёл.

– Ждите, – сказал он и ушёл в хранилище, плотно прикрыв за собой дверь.

Я прошёл между столами, кивая коллегам, потом сел за третий стол третьего эттира.

Эваз так Эваз.

Проблема была в том, что хоть нас и приняли в Рунном Древе, но уходить навсегда жить в крепость, как поступали некоторые волшебники, я не собирался. У меня была семья. Против всех слышанных мною сплетен, Рунное Древо не требовало клятв верности и не удерживало силой, но, видимо, лишь потому, что я был никем. Мой уровень знания рун проверили, похвалили умение контролировать время, после чего вежливо сообщили, что в моих услугах не нуждаются. Я был уже слишком стар телом, чтобы служить Северному Царству своим временем и слишком молод умом, чтобы служить своим знанием.

«Мы всегда готовы принять вас и вашу жену в приюте для старых магов», – сообщил мне один из многочисленных послушников. «Мы слышали о том, как героически вы сражались с посланниками Тёмного Властелина и сочувствуем той цене, которую вы заплатили. Не смеем требовать от вас большего».

Это означало «живите, как хотите», только сказанное в вежливой форме.

Мира уверяла, что легко прокормит нас своей магией. Но я жить на её содержании не хотел и не мог. В запасе, конечно, была руна Акса Танри с её странной историей и необычным эффектом, но я вдруг понял, что не готов её отдать.

Во всяком случае – пока не готов.

Про то, как именно я победил, всё равно никто толком не знал. Я рассказал лишь про Лагуз – как поднял озеро и обрушил на головы врагов. Мою победу сочли случайностью, когда безрассудная трата времени обернулась удачей...

В итоге я нанялся на работу в Рунное Древо – не самую высокооплачиваемую, совсем не престижную, но всё-таки постоянную и официальную работу «рунокопа».

Так называли магов, не самых бесталанных, но и не самых гениальных, объединённых одной проблемой: мы больше не могли колдовать. Кто-то был стар, кто-то не умел аккуратно дозировать время, кто-то плохо запоминал руны, у некоторых случались приступы паники при колдовстве, у других, напротив, наступала рунная эйфория, и они не могли вовремя остановиться.

Теперь нам не надо было колдовать. Нам надо было искать руны – читать старые и новые журналы, альманахи, записки и донесения. Перелопачивать тысячи ломких пожелтевших бумажных страниц, заполненных домыслами и банальностями. Проверять бред сумасшедших магов – порой в исчерпанных страницах таились интересные комбинации. Мы смотрели южные руны – с их непривычными обманчивыми очертаниями, пытаясь понять, что скрыто в затейливых узорах. Мы расспрашивали очевидцев, которые видели колдующих рунных магов.

Мы искали руны, которыми жило Северное Царство.

Плата была невелика, но каждую неделю я получал семь малых серебряных крон. А если удавалось найти интересную и подзабытую рунную фразу, мне выписывали премию.

Однажды я получил двадцать золотых крон от руны, останавливающей понос. Мира смеялась, но деньги, как известно, не пахнут. А потом я узнал, что эта старая забытая руна спасла целый город на юге, где разразилась эпидемия холеры. Юг большой, но хотелось верить, что именно в этом городе живёт семья старого чернокожего наёмника Хазе Беке, который отдал своё время, спасая мне жизнь.

Усевшись за стол, я развернул лампу поудобнее. Сколько же сейчас стоит рунный свет на год? У кого бы спросить?

– Грисар, эта руна знакома? – сидящий справа от меня молодой маг (плохо контролирует время, строго запрещено активировать рунные фразы) с заговорщицким видом показал мне комбинацию шести рун. Я взгляделся.

– Да. В нашей Академии составили. Был у нас такой учитель, мастер Креберт, – мой голос даже не дрогнул. – Показывали нам, сорванцам, что не всегда сложная руна даёт что-то полезное. Если влить два часа – комнату заполнят мыльные пузыри. Очень красивые, летают, долго не лопаются. Светятся разными цветами.

Маг задумался. Потом просветлел лицом.

– А это здорово, Грисар! Пожалуй, её у меня возьмут.

– На что она нужна? – удивился я.

– Как на что? Коронация. Свадьба. День рождения. Народные гуляния. Фейерверки все знают, воздушные фонарики тоже. А тут – мыльные пузыри, да ещё светятся и не лопаются! Десятку золотом получу, факт.

Я обалдел. Почему-то прекрасно помня эту руну, я даже представить не мог, что она годится на что-то, помимо наставления юных волшебников.

– Золотой с меня, – сказал молодой маг. – Ну, если мне заплатят десятку, конечно. Если меньше – всех угощаю пивом! – добавил он погромче.

– А если больше – зажёшь? – с иронией проскрипел старенький лысый рунокоп.

– Если больше – всех угощаю ячменной двойной перегонки! – расщедрился парень.

Маги одобрительно забурчали. Ячменная «вода жизни» двойной или тройной перегонки нравилась всем.

Я лишь вздохнул.

На месте этого парня должен был быть я!

Но ничего не поделать.

Появился библиотекарь, положил передо мной толстый, слегка потёртый том «Рунных записок». От него сладко пахло ванилью, миндалём и свежим хлебом.

Почему старые книги так вкусно пахнут? Может быть, магия? Может быть, запах рун, тоскующих в своём безвременье?

Видно было, что книгу давным-давно никто не брал. Ну а зачем её брать? Всё, что было в этих выпусках, относилось ещё к тому времени, когда существовала единая страна, книга вышла до войны. Всё, что тут было, многократно повторено в куда более солидных и серьёзных изданиях, чем «Рунные записки».

– Удачи, старый мастер, – сказал библиотекарь злорадно.

– Спасибо на добром слове, – ответил я, открывая книгу.

И в этот миг в библиотеку вошёл незнакомый мне человек. Судя по возрасту – лет сорок, судя по быстрой походке и блеску глаз – лет на десять моложе. Значит, рунный маг.

Впрочем, кто ещё мог войти в закрытую часть рунной библиотеки?

Ничего необычного.

Но вот то, как напрягся и подтянулся библиотекарь при появлении рунного мага, меня насторожило. Маги на Севере не носили каких-то особых знаков различий, на всех были обычные штаны и свитер с вышитым Древом, но этот, похоже, был библиотекарю хорошо знаком.

– Грисар Тёмный? – вошедший маг оглядел всех, пока цепкий взгляд не остановился на мне.

– Это я, – пришлось мне сознаться. Честно говоря, я ощутил себя учеником, которого зовут к декану или ректору.

– Грисар, знакомо ли тебе имя Ирбран?

– Натурфилософ Ирбран? – уточнил я.

Маг удовлетворённо кивнул.

– Необходима твоя консультация. Пойдём.

– Но... – начал библиотекарь.

– Его работа на день засчитана в двойном размере, – отмахнулся маг. – Да, и выпиши Грисару стандартную премию за помощь Рунному Древу.

– Как – десять золотых? – неосторожно возмутился библиотекарь. – За что?

Маг нахмурился и сказал:

– Выпиши двойную. Если, конечно, Грисар согласен пойти со мной, а не хочет поработать с бумагами.

Мои коллеги-рунокопы тихонько засмеялись.

– Согласен, как же не послужить Древу? – ответил я, вставая. – Можно я заберу книжку домой? Не люблю оставлять незаконченную работу, посижу с ней вечером.

– Это совершенно недопустимо... – начал библиотекарь.

Но пришедший за мной маг одобрительно кивнул и сказал:

– Запиши за ним книгу. И всегда, если старик предпочтёт работать дома, разрешай! Надо иметь уважение к людям, потратившим свою жизнь на борьбу с Тёмным Властелином.

Библиотекарю хватило ума проглотить язык и смолчать.

В торжественной тишине я встал, бережно спрятал «Рунные записки» в полотняную сумку (в которой намеревался вечером принести домой свежий хлеб) и пошёл к двери. Поймал себя на том, что как-то совсем уж по-старчески шаркаю ногами, вызвал в памяти Эваз и влил в неё минуту. Тело отреагировало мгновенно – я расправил плечи и зашагал широко и свободно, как молодой.

Никто этого не заметил.

Кроме пришедшего за мной мага, в чьих глазах я прочитал непрощенное сочувствие.

Руна двенадцатая, Йера

К моему удивлению, маг повёл меня не наружу из библиотеки, а в подвальные этажи, где располагались хранилища. Впрочем, спустившись на пару пролётов, я понял причину – из подвала библиотеки вёл вырубленный в скале

подземный ход: сухой, хорошо освещённый и даже не лишённый некоего изыска – стены украшали вырубленные в камне стилизованные руны.

– Моё имя Огард, – сказал маг. – Позвольте извиниться за библиотекаря. Я знаю его, он не любит уроженцев Тёмной Империи.

– Я и сам предпочёл бы родиться в ином месте, – признался я.

– Поговорю с ним, – пообещал Огард. – Надо разделять происхождение и личность. Не слишком быстро я иду?

– Нормально, – ответил я. – Мне любопытно, зачем вы меня позвали, поэтому я использовал Эваз. Да вы заметили.

– Заметил, – признал маг. – Не стыдитесь своего возраста. Я читал отчёт о вашем сражении при Хазрате. Вам удалось одолеть трёх магов и аватара Тёмного Властелина. Впечатляюще!

– Они не ждали, что я буду так безрассудно тратить время, – скромно ответил я.

– А что вы применили?

– В основном – Лагуз, – ответил я. – Но вообще-то в горячке боя... жёг руны одну за другой. Повезло.

Маг искоса посмотрел на меня. Сказал:

– Да, порой отвага и натиск побеждают силу. Но лучше всего, конечно, противопоставить силе искусство.

Разговор мне не нравился, но я старался не подавать виду. Конечно же, маги Рунного Древа подозревали, что я использовал что-то хитрое, о чём не рассказал. Но маги всегда подозревают друг друга.

– Как ваша семья? – спросил Огард. – Привыкли к нашим холодам?

– Мира сама с севера, Сеннера здесь родилась, – ответил я. – Пожалуй, мне труднее всего.

Огард кивнул на ходу. Потом озабоченно сказал:

– Я лишь недавно вошёл в Совет рунных мастеров. Моя сфера ответственности – отношения с Тёмной Империей. Я посмотрел ваше досье и, признаться, был расстроен. Волшебник ваших способностей и отваги не должен рыться в старых фолиантах, зарабатывая гроши. Как вы отнесётесь к тому, что я назначу вас своим советником по Тёмной Империи? Вам будут платить десяток золотых в неделю, а работа не столь обременительна.

Я хорошо отнёсся. Я же ещё не выжил из ума.

– Был бы рад, – сказал я осторожно. – Вашей целью ведь не является уничтожение нашего народа? Народ не виноват.

– Мы всего лишь обеспокоены собственной безопасностью, – сказал Огард. – У нас нет никаких планов вторжения, только оборона.

– Но мне нравится рыться в старых книгах, – продолжал я. – Знаете... хочется найти какие-то забытые руны, которые позволят проучить повелителя!

– Разделяю ваше стремление, – сказал Огард. – И это тоже будет входить в ваши обязанности. Вы получите полный доступ к нашим библиотекам и хранилищам, Грисар.

Это было настолько хорошо, что даже не верилось.

– Буду счастлив помочь, – сказал я.

– Что ж, тогда считайте, что сегодня у вас началась новая работа, – весело сказал Огард. – И начнём мы её с натурфилософа Ирбрана. Вы же знакомы?

– То ещё знакомство... – вздохнул я. Вырубленный в скале коридор закончился, мы подошли к винтовой лестнице и стали подниматься. Огард шёл впереди и, явно специально, не спешил. – Сдуру обворовал его, меня обманул другой натурфилософ, Сект. Такое змеиное гнездо, ненавижу науку с тех пор... Да вы же читали, наверное?

– Читал, – согласился Огард. – Вы бы узнали Ирбрана?

– Разумеется.

– Считайте это первым заданием.

Я остановился. Огард тоже, он повернулся ко мне и терпеливо ждал.

– Вы схватили Ирбрана?

– Сам пришёл. И мне нужно будет ваше мнение о его словах.

Окон в помещении не было, и я не мог понять, где именно нахожусь. Комната, хоть и лишённая окон, была уютно обставлена, пол покрывали мягкие ковры, на стенах висели картины с умиротворяющими пейзажами – скорее хороший постоялый двор, чем тюрьма. Но у дверей стоял охранник, и когда мы с Огардом вошли, за нами защёлкнулся замок.

Господин натурфилософ Ирбран постарел.

Десять лет назад, при нашей встрече, он казался мне человеком немолодым, хотя ему было-то под сорок. Но выглядел Ирбран уже тогда скверно – невысокий, пузатый, лысеющий, с прищуренными близорукими глазками.

Сейчас ему было под пятьдесят, а мне пятьдесят семь, но, честное слово, – я сохранился лучше!

Единственное полезное, что принёс ему возраст, – Ирбран ссохся. Небольшое пузико он сохранил, но в целом выглядел тощим, как глист. Рост, похоже, ещё убавился. Волосы исчезли совсем. Глаза выцвели и скрылись за толстыми стёклами очков. Кожу покрывали пигментные пятна, а ещё она свисала складками, как у человека, набравшего нездоровый вес, а потом неправильно похудевшего.

– Господин Огард! – с энтузиазмом воскликнул Ирбран, вставая с кресла. На столе перед ним валялись листки бумаги с какими-то сумбурными набросками. – Я так рад вас видеть! Меня не выпускают гулять, знаете ли!

– Бережём ваше здоровье, – сухо ответил Огард.

Скрытые линзами глаза Ирбрана уставились на меня. Он протянул мне тощую руку.

– Очень, очень приятно познакомиться, профессор натурфилософии Ирбран...

Я оставил руки за спиной. Мне очень хотелось вмазать по этой старой физиономии. Несмотря на очки и древнее правило: «очкариков не бьют по лицу».

Может быть, пнуть его в пах?

– Это мой помощник, его имя не важно, – сказал Огард. – Я попрошу вас ещё раз повторить ваше предложение.

Мы уселись напротив Ирбрана. Тот снял и протёр очки, с любопытством посмотрел на меня снова, уселся.

– Хорошо. Хорошо, конечно же. Итак, я учёный, я много лет работал на Тёмного Властелина... мне нестерпимо стыдно, но в нашей Империи не отказываются от таких предложений, если хотят жить. Двадцать лет назад повелитель приказал создать для него особых солдат, совмещающих в себе тела и способности людей и животных. Поразительной смелости научная задача, надо признать! Я пытался подойти к вопросу с гуманной стороны, прививая добровольцам отдельные железы и части тела зверей, но возникало множество проблем, живые ткани отторгались... м-да. Большого успеха добился некто Сект, тоже натурфилософ... в каком-то смысле. Но он добавил к науке рунную магию, создавая не комбинированное существо, а единое. Понимаете? Совместить в одном теле человека и зверя. Очень любопытно! Но помимо этой смелой идеи, Сект ничего не придумал, практик из него был никакой, лишь замучил некоторое количество материала... поэтому повелитель передал его материалы мне...

Я сидел и думал, сколько же здесь правды, а сколько лжи. Мне было бы приятнее думать, что Сект, сделав своё открытие, даже не пытался претворить его в жизнь.

Но Сект утверждал, что не использовал магии, а я не мог представить, как возможно соединить человека и зверя одной лишь наукой. И он обмолвился про плач и страдания детей, с которыми экспериментировал. Убивал ли он? Колдовал ли? Оказался плохим практиком – или в нём проснулась совесть?

Все они бессердечные твари.

– Тут есть три ключевых момента, – продолжал Ирбран, всё более и более увлекаясь. – Материал должен быть юным, до момента полового созревания. Это касается и человеческого материала, и животного. Необходимы рунные ключи, сложные, но не очень ёмкие по времени, которые удерживают организмы вместе. И самое главное – человеческий материал должен иметь способности к магии. Тогда – всё возможно! Именно я убедился, что для успеха требуется ребёнок-маг. Совершенно случайно, когда один из экспериментов окончился удачей, я несколько лет не мог понять, в чём же дело...

– То есть вы говорите, что экспериментировали на детях-волшебниках? – холодно спросил Огард.

– Да. Совершенно верно. Это ужасно, но Тёмный Властелин не ведал жалости. В учебных заведениях для магов отбирали не самых талантливых детей, покупали их у родителей и передавали мне. Процесс был поставлен на поток, доктор Сект после некоторых событий тоже был привлечён к работе... и мы создали для Тёмного Властелина почти пять тысяч изменённых. Целая армия!

– В чём их ценность для Властелина?

– О! – Ирбран торжественно поднял руку. – Эти пять тысяч стоят миллиона обычных солдат! Они крепкие, выносливые, быстрые, сильные. Они легче противостоят магии, а многие и сами ею владеют. Они – верные, благодаря... тут, я смею заметить, всецело моя идея! Потом мы сможем это обсудить, но я вас уверяю: без полного контроля над изменёнными, без их любви, создавать таких солдат смертельно опасно.

– Почему вы убежали из Тёмной Империи? – спросил Огард. – Только позвольте без высокопарных речей об угрызениях совести.

– Впал в немилость, – со вздохом сказал Ирбран. – Мне был некогда доверен Тёмным Властелином некий старинный артефакт; как я понимаю, имеющий для него ностальгическую ценность. Я пытался использовать его в работе – я же и сам немного владею рунами, и у меня были помощники, но артефакт не пригодился... а позже он был похищен. Когда повелитель об этом узнал, он был разгневан. И хоть артефакт нашли и вернули, но... – Ирбран вздохнул. – Эта лживая двуличная скотина Сект, он сделал всё, чтобы подсадить меня. Последние годы я, можно сказать, работал под принуждением, жил в незримых оковах, в атмосфере нетворческой и душной, презираемый и отверженный. Когда же я понял, к чему стремится Тёмный Властелин, я ужаснулся. Мне удалось сбежать... видите ли, некоторые изменённые, которые меня сторожили, на самом деле меня охраняли...

Ирбран тихо, мерзко захихикал.

– Они, конечно, любили Тёмного Властелина и подчинялись ему. Но лишь потому, что я так велел. Поэтому в один прекрасный момент произошёл бунт... вы не представляете, что это такое, когда две сотни изменённых бьются насмерть против нескольких тысяч... в суматохе мне удалось уйти. А куда же я мог бежать? Только к вам.

– Так к чему стремится Тёмный Властелин? – терпеливо спросил Огард.

– К завоеванию мира, конечно же! – воскликнул Ирбран. – А к чему ещё может стремиться могущественное бессмертное существо?

– К познанию мира, – предположил я.

Ирбран опять засмеялся.

– А вы молодец! Всё верно, верно, но для спокойного познания мира нужна безопасность. Для безопасности вы должны миром владеть... Мы не знакомы, простите?

– Чего вы хотите от нас? – прервал его Огард.

– Вопрос в том, чего вы хотите от меня! – патетически воскликнул Ирбран.

– Пять тысяч... ну, допустим, сейчас четыре с небольшим тысячи... изменённых

– даже вашим рунным мастерам не отбиться. Они обрушатся на вас с земли, из воды, из-под земли... даже с воздуха! Это всё безумные фантазии Секта...

он ещё мечтает создать изменённых, которые сумеют выбирать свои способности, сегодня – русалка, завтра – конь, послезавтра – птица... и знаете, у него начинает получаться... Я помогу вам защитить свои земли.

Даже тысяча изменённых, должным образом подготовленных для обороны, изменит баланс сил. Я убеждён, что вторжение начнётся будущим летом, зима – слишком суровое время для войны. У вас от силы год! Но мы справимся. К весне у Северного Царства будет своя армия.

– Предлагаете нам экспериментировать на собственных детях? – спросил Огард безэмоционально. – Превращать их в чудовищ?

– Всегда найдутся добровольцы, – ответил Ирбран. – Особенно среди детей, знаете ли. Дети мечтают о подвигах. Ведь какова альтернатива? Кто-то погибнет при вторжении, а кто-то будет взят в плен и всё равно изменён – в лабораториях Секта.

– А взрослые? – уточнил Огард. – Взрослые добровольцы?

– Увы. Не работает. – Ирбран вздохнул. – Проверено неоднократно, весь материал погибал...

Я подумал, что даже простенький и слабенький Турс прекрасно отсечёт натурфилософу голову. Или нашинкует в мелкую лапшу. Проверим, как это перенесёт материал профессора натурфилософии.

– Ясно, – сказал Огард. – Я выслушал вас, профессор. Изложите свои мысли и предложения в письменном виде. Совет рунных мастеров ознакомится с ними.

– Договорились. Но детали превращения я описывать не стану, извините, – сказал Ирбран и погрозил трясущимся пальцем. – Да, и не пытайтесь влиять на меня магией, принуждая раскрыть все секреты. Во мне дремлющая руна, я взорвусь при любом магическом воздействии.

Он рассмеялся и развёл руками.

– Пуф! И только клочья на потолке! Жить я люблю, но лучше умереть, чем испытать пытки. Я знаю слишком много способов причинять боль и не хочу их испытать на себе.

– Вам принесут обед, – сказал Огард, вставая. – Я помню ваши пожелания. Никакого красного мяса, один бокал вина, овощи и козий сыр.

– И прогулка! – капризно сказал Ирбран. – Я немолод, мне надо соблюдать режим.

– Вас выгуляют, – кивнул Огард.

Он коснулся моего плеча, и я, будто очнувшись, встал и пошёл за ним.

– Мы точно не встречались раньше? – спросил вслед Ирбран.

В дверях я обернулся. И поймал на лице профессора след от улыбки.

Он меня узнал.

Узкими коридорами и несколькими лестницами мы прошли в кабинет Огарда. Только здесь, благодаря окнам, я смог сориентироваться. Мы были почти в центре крепости Рунного Древа, в одной из башен рядом с Рунным Дворцом, где проходили общие собрания магов, где занимались настоящим волшебством, испытывали новые руны, где собирался каждую неделю Совет рунных мастеров.

На общие собрания магов нас с Мирой несколько раз звали. Это было почётно и приятно, не говоря уж о том, что собрание всегда завершалось настоящим пиром.

– Вот же тварь, – сказал я, когда Огард закрыл дверь.

– И не говорите, мастер Грисар, – вздохнул Огард. Открыл дверцу одного из шкафчиков, достал графин с золотистой жидкостью, два хрустальным бокала.

– Ячменная вода жизни, двенадцать лет выдержки. Не откажите.

– Не откажу, – сказал я. – Ирбран рассказал правду?

– В основном, похоже, да. В Тёмной Империи и впрямь был бунт изменённых. Мы лишь не знали причины, а оказывается их создатель решил бежать.

Огард разлил по бокалам крепкий огненный напиток. Мы молча выпили по глотку.

– Будьте моим гостем, Грисар, – предложил Огард. – Это мой кабинет... наверное, вскоре я переберусь в Рунный Дворец, но пока обитаю здесь. Как вам речь профессора?

– Очень хочется его убить, – сказал я.

– Понимаю. То же самое желание, – кивнул маг. – В чём-то он несомненно врёт, но в чём?

Я задумался на миг.

– В своих мотивах. Он – садист, ему доставляло удовольствие мучить людей и животных. Полагаю, детей он мучил с особой радостью. И он одержим наукой, как это не ужасно. Полагаю, родную мать разрезал бы на кусочки ради науки.

– А он и разрезал, – спокойно сказал Огард. – После смерти, правда. Изучал её организм, чтобы понять, какие свойства и особенности унаследовал.

Меня едва не стошнило.

– Что ещё? – спросил Огард.

– Он преувеличивает свою роль и значимость. Тёмный Властелин дал ему все материалы Секта, когда тот проявил человечность и перестал экспериментировать на детях. Реальных достижений у Ирбрана было два – ему попала несчастная девочка-маг, которая пережила превращение. И он догадался, как использовать южную лозу-паразита, чтобы контролировать изменённых.

– И ещё безжалостность, – сказал Огард. – Это тоже его реальное достижение.

Я кивнул.

– А Сект? – спросил Огард.

– Полагаю, он более талантлив, – сказал я. – Но в нём было больше и человечности. Он сказал, что не выдержал детских рыданий. Боюсь только, что с тех пор доктор Сект стал глуховат. Или придумал хорошие затычки для ушей.

– То есть он сможет продолжить работу Ирбрана?

– К сожалению, да, – кивнул я. – Если есть подробные записи, её продолжит любой натурфилософ.

Огард вздохнул. Подошёл к окну. Сказал:

– Хороший сегодня день. Завтра начинается предзимье, похолодает. К концу недели выпадет снег. Зимой Тёмный Властелин не нападёт. Зима – наше время.

Я подошёл к нему. На мой взгляд, ничто не предвещало похолодания, но Огарду, конечно, виднее. Я внимательно осмотрел ту часть крепости, что была видна из окна, лёгкие дымки над городом, далёкую внешнюю стену и за ней бесконечную череду невысоких сопок. Был виден и самый краешек океана, Спокойный залив, на берегу которого когда-то и был заложен город Рунное Древо.

Вот океан выглядел иначе, чем летом. Вода набрала густой серый цвет, на горизонте море словно вскидывалось вверх – там нависал облачный вал, наползающий на берег.

– Зима, – согласился я. – Но вы же подготовитесь к обороне до весны? Без всяких изменённых? Я сам встану на городской стене. Лет десять уж наверное у меня найдётся.

– Последний год на границах то и дело происходят стычки, – сказал Огард. – Иногда дозоры исчезают бесследно. Месяц назад я с конным разъездом попал в засаду. Я был с двумя десятками опытных бойцов. На нас напали два существа. Одно походило на мальчика и волка одновременно, будто оборотень, застывший посередине превращения... Другое было словно лягушка с рогами и выстреливающим из рта языком. К концу схватки она начала плевать огненными шарами. Визжала от боли, сожгла себе рот, но продолжала выплёвывать огонь... Я остался один, все солдаты погибли. Мне эта схватка стоила года жизни.

Я молчал. Даже не оттого, что услышал, а потому что понял, к чему клонит Огард.

– Пять тысяч изменённых при таком раскладе – это сто тысяч наших солдат, – сказал Огард. – У нас армия – пять тысяч. Нам придётся поставить в строй всех взрослых мужчин – и потерять их. А ведь у Тёмного Властелина есть ещё свои рунные маги. Множество! И обычная армия – триста тысяч с резервистами, ему даже не придётся загонять в строй крестьян и мастеровых. Ещё он может нанять кочевников, южан... боюсь, что при хорошей плате даже Западные княжества выставят двадцать-тридцать тысяч опытных бойцов.

– Вы тоже можете нанять, – сказал я. – Северное Царство бедно людьми, но не деньгами.

– Нам уже отказали, – сообщил Огард. – Может быть, тысяч пять авантюристов и безумцев наберём. Никак не больше. Тёмный Властелин настоятельно рекомендовал не вмешиваться в его отношения с Севером.

– И все согласились? – не поверил я.

– Его письма принесли изменённые, умеющие летать. Они приземлялись рядом с князьями и вождями в тот момент, когда те были в одиночестве и беззащитны. Скалили клыки и вручали письма. Все поняли намёк, мастер Грисар.

Он помолчал.

– Да, одному из западных князей, самому осторожному, письмо вручил изменённый, вынырнувший из выгребной ямы. В самый интимный и ответственный момент, можно сказать. Он нежно придерживал князя за яйца, вручая ему хрустальный сосуд с письмом. Яму после этого вычерпали, изменённого не нашли, только вырытый в земле ход длиной в сотню шагов.

Я вспомнил светловолосого мальчика, который сегодня впервые оживил руну. Сглотнул, представляя себе, как доктор... ах, простите, уже профессор Ирбран занесёт над ним скальпель.

– Должен же быть иной выход, – сказал я.

Мы не произносили вслух того, что было понятно нам обоим. Без изменённых Север не выстоит.

– Хотелось бы, – вздохнул Огард. – Ума не приложу, почему Тёмный Повелитель на нас так взъелся. У нас же нейтралитет. Вы знаете, Грисар, кто стал править нами век назад? Город тут был давно, крепость была давно, руны здесь изучали веками, но сто лет назад Рунное Древо стало править Севером и заключило перемирие с Тёмной Империей. Кто это сделал?

– Не знаю.

– Мирарек Ридор. Одна из Шести Героев Великой войны.

– Они же все умерли в бою, – прошептал я.

Огард засмеялся.

– О нет. Не все. Но было решено сохранить легенду. И то, что мы её поддерживали, стало частью платы за наш нейтралитет.

– А кто ещё? – спросил я, чувствуя, как колотится сердце в груди.

– Сам Тёмный Властелин, конечно же, – ответил Огард. – Впрочем, тогда его звали Аксом Танри. Скучный, скромный, неприметный маг. Один из Шести Героев, восставших против развращённого и жестокого короля. Тот и впрямь был жесток и развращён; поверьте, наш гость Ирбран в сравнении с королём выглядит добрым сельским лекарем...

– Остальные? – спросил я.

– Они погибли, – коротко ответил Огард. – Извините, Грисар, что-то я разболтался. Вода жизни крепка, а наша жизнь коротка...

Он поставил недопитый стакан на подоконник.

– Должен быть выход, – упрямо повторил я. – Всегда есть выход.

– Полагаете? Разве что какое-нибудь чудо, – размышлял вслух Огард. – К примеру, заклинание немыслимой мощи, которое позволит победить целую армию... или убить Тёмного Властелина. Вы не знаете такого?

– Я его ищу уже семь лет, – твёрдо ответил я.

Огард вздохнул.

– Ищите быстрее, мой дорогой мастер Грисар. Через неделю соберётся Совет. И если иного пути не будет, профессор Ирбран получит свою лабораторию и... материал.

Мы стояли у окна, глядя друг другу в глаза. Взгляд Огарда оставался по-прежнему сочувственным, но теперь я увидел за этим сочувствием жёсткую и непреклонную волю.

– Поищу, – пообещал я. – А вы не спускайте глаз с Ирбрана. Я не уверен, что он пришёл, чтобы спасти свою шкуру и помочь вам. То есть насчёт шкуры – без сомнения, а вот насчёт помощи – сомнительно.

– Разумеется, – сказал Огард. – Поверьте, мастер Грисар, мы ни с кого и никогда не спускаем глаз.

Руна двадцать третья, Дагаз

Я вошёл в дом, нагруженный пакетами и сумками. На рынке я купил самой дорогой и вкусной рыбы, две дюжины свежих устриц – самых мелких и потому самых вкусных, в пекарне взял свежий хлеб и медовый торт с малиной (горсть малины составляла половину цены, ведь только магия позволяла сохранить в свежести до поздней осени вообще не растущую здесь ягоду).

– Папа!

Дочь, пробежавшая мимо, ткнулась в меня, обхватила руками и тут же унеслась по своим важным делам. Но через миг сообразила, что отец пришёл не пустым, и вернулась.

– А что тут? Ух ты! Тортик! С малиной! Можно попробовать, папочка?

– После ужина, – твёрдо сказал я.

– Ну папа, я чуть-чуть, я буду ужинать...

– Сеннера! – строго сказал я. – А ты прочла книгу, которую я оставлял?

Надув губы, дочь гордо удалилась в свою комнату. Читала она хорошо, но ленилась. Особенно если надо было читать рунный текст, да ещё и написанный бустрофедоном, как тут принято.

Я с улыбкой посмотрел ей вслед. В общем-то семь лет назад я надеялся, что у нас с Мирой родится Хазе Танильмо Грисар – наследник и маг. Но родилась девочка и мы назвали её Сеннера – в честь бедной изменённой, которая спасла нас и которую мы спасти не смогли. Наша Сеннера росла красивой и умной девочкой, хоть и могла характером поспорить с любым мальчишкой – проказничала, дралась и командовала всеми детьми на улице.

Но руны она учила. Здесь все их учили.

– Грис?

Мира вышла навстречу. Увидела торт, который я держал в руке, и удивилась.

– Что за праздник? Откопал какую-то дорогую руну?

– Скорее меня откопали, – сказал я. Прошёл на кухню, сложил пакеты на стол. – Маг Огард из Совета рунных мастеров позвал меня в свои советники. Десять золотых в неделю.

– Ого, – Мира нахмурилась. Села за стол, отколупнула с торта ягоду и забросила в рот. – Откуда такая щедрость? Это много для советника.

– Советник по Тёмной Империи, – сказал я.

Мира продолжала хмуриться.

– Хорошо тут, тихо, – сказал я, садясь.

Мира провела в воздухе рукой – вспыхнули руны: Турс, Манназ, перевёрнутый Перт. Я бы использовал другую комбинацию, но так тоже неплохо.

– Что случилось, Грис? – тихо спросила Мира.

– Назревает война, – сказал я. – Видимо, уже весной. Мы принесли войну на Север, Мира. Повелитель не успокоится, пока не убьёт меня.

– Плохо, – сказала Мира.

– Он использует изменённых для устрашения соседей. Северному Царству никто не поможет. У него пять тысяч изменённых в строю, они сметут армию Севера.

– Совсем скверно, – сказала Мира. Даже тревога исчезла с её лица, осталась только печаль.

– Профессор Ирбран убежал из Тёмной Империи и явился в Рунное Древо. Он предлагает свои услуги – создать армию изменённых для защиты.

Мира молчала, глядя на меня.

– Совет рунных мастеров согласится, у них нет выхода, – продолжал я. – Но Огард намекнул, что если существуют какие-то руны... позволяющие противостоять Тёмному Властелину... и я их знаю...

Мира кивнула.

– Я поняла, Грис. Поможешь мне приготовить ужин? А ночью поговорим.

– Конечно.

Мира помахала в воздухе рукой, развеивая заклятие, мешающее нас подслушать. Бодро произнесла:

– Что же мы сидим и молчим, а? Почистишь рыбу? Нет, лучше я, а ты открой устриц. Догадался взять лимон?

– Лимон у нас есть, я помню, – так же весело ответил я. – Зато я догадался взять бутылку белого шипучего вина!

Мира – она замечательная. Самая умная женщина на Севере, также как на Юге, Востоке и Западе. И самая красивая. Если бы не магия, ей не было бы и тридцати. Выглядит она хорошо, никто ей не даст и сорока.

Но её телу сорок пять. Магия съела пятнадцать лет её жизни. Всё не так плохо, как у меня, но женщины к этим вопросам относятся более нервно. Я вижу, как она смотрит в зеркало – если считает, что я этого не вижу. Знаю, что она покупает самые дорогие и действенные кремы для кожи, знаю, что она осторожно экспериментирует с рунами, тратит дни и недели на то, чтобы выглядеть моложе на месяцы и годы.

Время – коварная штука, оно всегда есть, но его всегда мало.

Я достал из кухонного шкафа старую рыцарскую перчатку, купленную по дешёвке на блошином рынке. Перчатка была аккуратно сплетена из тонких металлических колец, но была без пары и досталась мне по дешёвке. Отрубили, что ли, рыцарю одну руку в бою?

Но для вскрытия устриц перчатка вполне годилась. Я вырос не на берегу моря, чтобы с детства вскрывать раковины без защиты для рук и к старости освоить эту хитрость, как оставшиеся три пальца. Коротким широким ножом, купленным на том же рынке, я аккуратно открывал раковины. Мира рядом, что-то мурлыча, чистила и потрошила рыбу.

Мы думали об одном и том же, я это понимал без всякой магии.

Совет рунных мастеров подозревает, что я скрыл от них какую-то могучую руну. И они отчасти правы. Но только отчасти, эта руна годится для поединка магов, но никак не поможет в сражении с толпой изменённых. Маги северян будут умирать один за другим, унося с собой в могилу монстров, но тех всё равно слишком много.

Можно рассказать. Почему бы и нет. Возможно, в благодарность меня так и оставят на хлебной должности советника. Вот только в войне это не поможет, а значит – северяне начнут создавать своих чудовищ. Вначале призывая к сознательности и вербуя «добровольцев» среди детей. Потом объявят, что родина в опасности и заберут детей-волшебников силой. Что уж тут поделать, когда идёт война с Тёмным Властелином.

Сеннера знала руны и унаследовала наш с Мирой дар. Она – слабенький маг, но ей и не надо быть сильной, чтобы её соединили с каким-нибудь моржом, белым медведем и полярной ехидной.

Нож соскользнул с раковины и ударил меня в перчатку.

– Хорошо, что надел её, – сказала Мира.

– Да, хорошо, – согласился я.

– Не отдам, – негромко сказала Мира.

– Конечно, – подтвердил я.

Неделя. Есть неделя на то, чтобы совершить чудо и придумать волшебство, которое нас защитит. Или на то, чтобы убежать. Возможно, если мы уедем, это спасёт Северное Царство. А может быть, и нет, военная машина уже запущена, солдаты тренируются, генералы рисуют карты, алхимики варят огненные зелья, лекари заготавливают корпию и травы, натурфилософы соединяют воедино людей и животных тварей.

Даже Тёмный Властелин не всегда властен над тем, что он начал.

– Сегодня не будем об этом, – продолжила Мира. – Сегодня у нас спокойный вечер. Семейный. Мы будем есть устрицы, вкусную рыбу и пить игристое вино. Если хочешь, можешь налить себе ячменной воды.

– Не хочу, я ещё собираюсь поработать, – сказал я. – Взял книгу из библиотеки, есть одна идея. Хотя... может, сейчас и выпил бы. И посидел бы с книгой.

Я положил на блюдо последнюю вскрытую устрицу.

– Посиди, – согласилась Мира. – Час у тебя точно есть.

Да, времени у меня нынче немного, но уж час-то найдётся.

Я сполоснул руки с настоем мыльного корня, взял сумку с библиотечной книгой, бокал с ячменной водой жизни (не такой хорошей, как у Огарда, конечно) и поднялся на второй этаж. Тут у нас домик был куда меньше, чем в Низинном Княжестве, – такой роскоши, как собственный кабинет, я не имел. Да и зачем он волшебнику, все дни работающему в библиотеке?

Поэтому я прошёл в спальню, достал книгу, лёг на кровать, а бокал, отхлебнув, поставил на пол.

Итак, «Рунные записки». Страна в ту пору, почти век назад, была единой, западные князья если и подумывали отделиться, то только спяну и под одеялом. Наш любезный король, о котором нынче многие вздыхают, любил предаваться излишествам в обществе юных дев, к примеру – принимать с ними ванны с игристым вином, а потом устраивать забеги пьяненьких юных дев по ипподрому, в голом виде и с пучками разноцветных перьев в попе. Проигравших пороли... и это было самое невинное из развлечений короля. Но правил он железной рукой. Когда шестеро рунных магов подняли восстание, он это всерьёз не воспринял. Великая война продлилась всего две недели – плохо обученная и вооружённая армия повстанцев осадила столицу, король выехал на встречу во главе верных ему войск, тренированных и обученных, пеших и конных, с огромным отрядом магов, с целым обозом палачей и раскладных виселиц его собственной конструкции. Король не собирался поступать как дурачок из детских сказок и посылать навстречу врагам вначале слабую армию, потом чуть посильнее, потом ещё посильнее... пока

повстанцы не научатся воевать, не почувствуют веру в свои силы и к ним не потянутся подкрепления.

Нет, король собирался разбить наглецов одним-единственным ударом. А захваченных в плен – повесить прямо на поле боя. Никаких заточений в башнях и казематах, откуда можно бежать. Никаких публичных казней посреди городских площадей, способных вызвать жалость и породить последователей.

Король был нормальным умным тираном, ценящим своё положение и умеющим его защищать.

Панцирная пехота, прикрытая рунной магией, принялась рубить и теснить восставших. Конница готовилась к решающему удару. Палачи уже готовились собирать виселицы.

Всё шло как положено.

А потом шесть магов, чьи имена известны всем, нанесли удар. Они потратили всю свою жизнь, умерли, но победили.

Вся королевская рать погибла на поле боя.

Тёмный Властелин лично обезглавил короля и вступил в столицу, держа перед собой за волосы голову тирана и выродка.

Воспользовавшись временной слабостью государства, окраинные провинции отделились. Началась гражданская война. Тёмный Властелин, великий и могучий маг, навёл порядок, но в доброте своей не стал завоёвывать предателей.

Это то, что знали все.

Но теперь я знал и то, что было известно немногим, что хранилось в тайне. Тёмный Властелин, о происхождении которого во всех летописях и легендах говорилось как-то уклончиво, невнятно, был одним из шестёрки. Акс Танри, самый невыразительный и неприметный из магов. Он выжил. А ещё выжила Мирарек, юная волшебница, в честь которой назвали мою Миру. Выжила – и уехала на мятежный Север, где возглавила Рунное Древо.

Она знала, кто такой Тёмный Властелин.

И не просто имя, в имени ведь ничего тайного нет. Ну узнал бы народ, что повелитель – это якобы погибший маг Акс Танри. И что с того? Наоборот, зауважали бы. Какой он застенчивый, наш Тёмный Властелин! Он не выпячивает себя, скромно прячет имя, все заслуги приписал боевым товарищам!

Значит, было что-то ещё, известное волшебнице Мирарек, что никак не должно было стать известным.

Рунные книги Тёмной Империи кое-что писали о пятерых магах из шести. Про Акса Танри упоминалось лишь мимоходом. Обычный маг, честно сложивший голову на поле брани. Записи времён Войны или предыдущих лет вообще сохранились не все, что, кстати, очень странно. Сколько раз я сам

натыкался в старых книгах на вырезанные страницы, вымаранные строки. И даже в Рунном Древе старые журналы и книги выдавались лишь по особому разрешению, которого я не имел.

А что насчёт древних книг, выпускавшихся на окраинах старой Империи? Вроде «Рунных записок»? В Тёмной Империи их почему-то не было. В княжествах я их не нашёл, что тоже удивительно. Но на Севере они, оказывается, сохранились. И теперь одна из них лежала передо мной. «Рунные записки» – на три четверти посвящённые изысканиям магов запада, но на четверть представляющие из себя дайджест новостей всей Старой Империи.

Я открыл книгу, обнаружил на авантитуле выцветший оттиск «Дозволено к печати, контрольный экземпляр», осторожно перевернул хрупкий бумажный лист.

Книга и впрямь была печатная, тогда только-только переходили от рукописных манускриптов к более дешёвым и массовым изданиям. По всей старой Империи стонали и стонали писцы, проклинали печатников и их дьявольское изобретение. Но зато книг становилось всё больше, в них появлялись гравюры, цена падала.

Напечатаны «Рунные записки» были только-только входящим в моду дуплусом – рунами вперемешку с гражданским алфавитом. Тексты были трогательно-старомодны, наивны и хранили в себе лёгкий западный акцент. Начиналась книга как раз с общеимперских новостей – и я с умилением прочёл о том, что Школу магии решено переименовать в Академию, а для обучения «школяров малоталанных и постыдного происхождения» открыть новую Школу. Интересно, что тогда считалось «постыдным происхождением»? Бедность? Крестьянский или ремесленный род? Незаконные отпрыски аристократов? Ох, как обиделись бы нынешние выпускники Школы, прочитавшие эти строки.

Потом подробно разбирались три руны, утверждённые советом магов при короле. Две руны были совершенно простецкие, одна – устаревшая и давно не в обиходе. Начертания рун были грубоваты. Поскольку среди магов прошлого хватало великих мастеров, я решил, что по-настоящему серьёзные руны в книгах просто не печатали.

Впрочем, как и сейчас. Только понятие серьёзности несколько изменилось, магия шагнула далеко вперёд за последний век.

Была и пара статей о натурфилософии. Одна объясняла, почему «младенческий лепет якобы науки» не способен ничем серьёзным помочь ни государству, ни военным, ни простому люду. Другая с ней полемизировала и утверждала, что при должном понимании своего скромного места в мире натурфилософия может стать помощником для слабых рунных магов и превратиться из игрушки в полезную и занятную безделицу.

Всем нам свойственно недооценивать новое. И раньше так было, и сейчас так, и будет во веки веков...

Прочитал я и список новых званий, присвоенных королём рунным магам. Это было вообще смешно: Тёмный Властелин одним из первых указов отменил табели о рангах и заявил, что рунные маги ничуть не лучше обычных

граждан, ибо мастерство дано им от бога, причём не для возвышения, а для служения, а между собой маги тем более равны, и соперничать им не в чем.

Легко призывать к равенству, когда ты могущественнее всех.

Ещё были скучноватые описания деяний, совершённых рунными магами по приказу короля и во благо народа. В основном перечислялся разгон облаков и установление хорошей погоды, «взбодрение посевов», «изгонка крыс» – тут я невольно улыбнулся, вспомнив Низинное Княжество, очищение «дурной воды», осушение болот и, ягодкой на торте, «укрепление мужской и женской детородной силы» в нескольких провинциях. Каким бы придурком и тираном ни был король, но он заботился о пропитании народа и росте населения.

Пусть даже для того, чтобы было с кем кувыраться в винных ваннах, а потом пороть на ипподроме.

Также был список выпускников бывшей Школы, а ныне Академии – я его прочитал, но знакомых имён не нашёл.

И всё. Дальше начиналась та часть «Рунных записок», которые говорили о княжествах. Я в задумчивости поднял с пола бокал и допил ячменную воду. И на что я надеялся? На то, что в хранящейся без особого присмотра старой книге вычитаю что-то важное?

– Папа!

Сеннера плюхнулась рядом на кровать. Возмущённо посмотрела на бокал и сморщила носик.

– А я что? Я ничего! – сказал я и чмокнул её в щёку.

Дочь обвинительно указала на бокал.

– Это ячменный сок!

– Это вода жизни, она горит! Её вредно пить!

– Как может быть вредно, если это «вода жизни»? – резонно спросил я.

Сеннера задумалась и не нашлась, что ответить.

– Мама зовёт, – сказала она.

– Скажи, что спущусь через пять минут.

Сеннера с любопытством посмотрела на книгу.

– А что ты читаешь?

– Ну... – я задумался. – Пытался найти что-нибудь интересное про одного древнего волшебника, Акса Танри.

– Но про Акса Танри упоминалось лишь мимоходом. Обычный маг, честно сложивший голову на поле брани. Сильный волшебник?

– О да, – признал я.

– Сильнее тебя?

Я задумался на миг.

– Пожалуй, сильнее. Но ты знаешь, у волшебников ведь всё сложно. Сейчас силен, а завтра слаб. Однажды я его победил.

– Я знаю, что ты самый сильный, – гордо сказала Сеннера и обняла меня. – Самый-самый!

– Спасибо, Сен, – сказал я, прижимая к себе худенькое тельце. – Я очень горд твоим доверием.

– А этот волшебник, Танри, он с Севера?

– Нет.

– А откуда? – Сеннера высвободилась и соскочила с кровати.

– И впрямь, – сказал я и сел на кровати. – Милая, да ты ведь сказала интересную вещь...

Но дочь уже унеслась вниз, не слушая ответа.

Я начал быстро листать книгу. Хватит мне пяти минут, чтобы проверить? Акс – это ведь западное имя...

Времени мне хватило.

Посередине четвёртого тома «Рунных записок» западных княжеств была помещена статья, подписанная «А.Т. и М.Р.». В ту пору рунные маги, помещая статьи спорные, способные вызвать насмешки и уронить их репутацию, частенько ставили лишь инициалы. Если статья вызывала хороший отклик, они раскрывали своё инкогнито, если же нет – их реноме не страдало.

Статья Акса Танри и Мирарек Ридор (я был уверен в их авторстве) называлась «Вопросы сохранения, растраты, обретения и покорения магической субстанции наполнения рун – времени».

Я оцепенел, глядя на название.

Потом прочитал первую фразу: «Бедой и проклятием рунного волшебства является конечность жизни волшебника, которая единственно является движущей силой рун. Уподобляя руны каналам и рекам, по которым течёт вода, приводя в движение суда и мельничные колёса, или же большим и малым сосудам человеческого тела, наполненным кровью, мы должны принять факт, что не каналы мелют зерно и не вены питают тело. Они служат лишь направлением той силы, что в них течёт, воды или крови. Так и руны творят волшебство лишь посредством жизненного срока волшебника, с большим или малым мастерством влитого в форму...»

Как это могло остаться незамеченным?

Почему я про это не слышал?

Да потому, что на книге оттиск цензуры! Это экземпляр, который был направлен на утверждение в столицу. А дальше разразилась война... и был ли напечатан вообще тираж «Рунных записок»? Несколько лет альманах вообще не издавался!

Может быть, я держу в руках единственный в мире экземпляр книги?

– Грисар! – недовольно позвала снизу Мира. – Устрицы дохнут попусту, рыба остывает, вино выдыхается!

Я спрятал книгу под подушку. И крикнул:

– Уже иду!

Руна четырнадцатая, Перт

Это был хороший вечер.

Мы с Мирой шутили, пили вино, поддразнивали Сеннеру, которая из упрямства съела устрицу, которых вообще-то терпеть не могла, а потом сидела с кислым лицом и пила воду с лимоном. Мы сыграли в северные шашки, которые умеют рубить и ходить назад, я играл против Миры с дочерью и, конечно, проиграл три раза подряд. Потом Мира стала рассказывать сказку из прочитанной недавно книжки – она в последние годы пристрастилась к чтению развлекательных историй. История была интересная и чудная, про летающего мальчика, жившего на заколдованном острове и его подружку из Тёмной Империи. Летающий мальчик прилетел в город, поселился на крыше высокого здания и всё время вовлекал девочку в проказы и шалости. Сеннера слушала, открыв рот, и Мира, разумеется, прервала рассказ на самом интересном месте. Вручила дочке книгу, разрешив немного почитать перед сном, и мы тоже пошли в спальню.

Альманах ждал меня под подушкой. Я решил вначале прочитать статью, а уже потом рассказать о ней Мире. Но когда через четверть часа я закрыл альманах, присел на кровати, ошарашенно глядя в темноту за окном, Мира уже спала.

Как хорошо, что она спала. Как хорошо, что мы не стали читать вместе.

Кажется, я понял, что именно произошло почти век назад на бранном поле рядом со столицей Старой Империи.

И это знание не сделало меня счастливее. Если вечером я не знал, что мне выбрать (вру, на самом деле знал, конечно же – рассказать про медальон Акса Танри, нарисовать руну и положиться на решение Совета рунных мастеров). Теперь же я знал, что выбора просто нет.

Его не было с того самого проклятого момента, когда я увидел медальон и решил прихватить его в качестве трофея.

Может быть, всё-таки уехать?

Огард почти напрямую сказал, что за мной наблюдают. Но мы с Мирой – маги. Какие-никакие, но всё-таки маги. Мы сможем уйти. У нас были планы и на такой случай.

Надо лишь решиться...

За окном послышался шум. Негромкий перестук копыт, словно копыта обмотали тряпками. Звуки затихли напротив нашего дома, потом скрипнула калитка.

Я не удивился.

Я смотрел на Миру и думал, надо ли её будить.

Потом понял, что если не разбужу, она мне этого не простит, – и коснулся ладонью её щеки.

Мира открыла глаза. Беззвучно села в кровати, посмотрела на меня. Я пожал плечами, кивнул на улицу. Встал, натянул штаны, надел тёплую рубашку. Взял «Рунные записки» и стал спускаться вниз. За моей спиной торопливо одевалась Мира.

На первом этаже я заглянул в спальню к дочери. Сеннера тихо спала, разбросавшись по кровати. Ночник – крошечная руна в стеклянном шарике-солнышке, горел над её головой.

Я прошёл к двери, помедлил и открыл её.

Огард стоял передо мной, терпеливо ожидая. На улице тихо, даже не переступая с ноги на ногу, ждали трое конных, держа под уздцы двух свободных лошадей. В лунном свете лицо Огарда было бледным и виноватым.

– Простите меня, Грисар, – сказал Огард.

– За что? – удивился я.

– Я хотел сделать вам приятное. И велел дать на дом ту книгу... – его взгляд скользнул по моим рукам. – Эту книгу. А библиотекарь написал жалобу и...

– Думаю, он тоже не ожидал последствий, – сказал я, вручая ему альманах. – Чей-то недосмотр, что она осталась легкодоступной.

Огард молчал.

– Мне надо идти с вами? – спросил я.

– Да.

– Я вернусь?

– Не знаю, – честно ответил Огард.

– Семья?

– С ними всё будет хорошо, – твёрдо сказал Огард. – Я гарантирую. Они под моей защитой, что бы ни случилось с вами.

Я кивнул.

– Они же не читали? – мимоходом поинтересовался рунный маг.

– Нет. К счастью, нет, – ответил я. Обернулся – Мира стояла за спиной, напряжённая и собранная. – Дорогая, мне надо будет уехать на время с мастером Огардом.

– На время? – уточнила Мира.

– Да. Всё в конечном итоге сводится к нему, к времени.

Я шагнул к ней, поцеловал. От жены ещё пахло сном и чуть-чуть – игристым вином. Сладкий, мирный запах...

– Ложитесь спать, – посоветовал я. – Может быть, я вас разбужу.

«А может быть, мы тебя никогда больше не увидим», – сказали её глаза.

Я едва заметно кивнул.

Мира пробежала взглядом по Огарду, по всадникам на дороге – и как-то обмякла. Не в наших силах было противиться опытным рунным магам. Там, на перевале, мои враги не ожидали нападения. Огард был готов ко всему, от него почти воняло сырым волшебством, готовым к вливанию в руны временем...

– Я буду тебя ждать. Мы будем ждать, – сказала Мира.

– Знаю, – ответил я и вышел за порог.

Пусть я никогда не стану настоящим наездником, но всё-таки подниматься в крепость верхом куда проще. Мне, конечно, выделили самую спокойную и старую лошадь, которую смогли найти, – чтобы не было искушения прищипорить скакуна и броситься в бегство. Но я и не собирался так поступать.

Так что я просто наслаждался короткой поездкой по ночному городу, мимо редких освещённых окон, мимо горящих на перекрёстках фонарей, мимо таверны, где негромко, по-северному сдержанно, веселился народ. Мы

проезжали мимо, и вышедшие освежиться гуляки нестройными голосами зазывали нас присоединиться. Огард ответил что-то вежливое и умиротворяющее. Его спутники – молодые рунные маги, может быть, не слишком опытные, но полные «магической субстанции наполнения рун», подобрались и бдительно следили за выпивохами.

– Что там, в этой книге? – спросил Огард на полпути.

– А ты не знаешь? – удивился я.

– Нет. Знаю, что там есть запретные знания и тебя велено доставить... доставить в крепость.

– Почитай, книга уже у тебя, – ответил я. – Но я бы не стал.

– Почему?

– Если я объясню, это будет всё равно как если бы ты прочёл, – сказал я.

– Ты хочешь, чтобы вся твоя жизнь перевернулась? Чтобы тебя вытащили из кровати, разлучили с женой и ребёнком, потащили в крепость – чтобы убить или навечно замуровать в казематах? Решай сам. Если тебе так интересны знания, то прочитай.

Огард негромко выругался.

– Я не хотел тебе зла! Я тобой восхищался! Я хотел тебя вытащить из прозябания!

– Вытащил, – коротко сказал я.

Огард сплкнул и замолчал. Обиделся. На самом деле он ведь и впрямь ничего плохого не хотел. Так всё совпало – он пришёл именно в тот момент, когда я попросил альманах, он пристыдил и унизил библиотекаря, не пожелавшего выдать книгу на дом, библиотекарь оказался достаточно зол и упрям, чтобы написать жалобу или донос... кому?

– Огард, к кому ты меня везёшь? – спросил я.

– К главе Совета рунных мастеров, – ответил маг и больше не проронил ни слова.

Я тоже ничего больше не спрашивал. Я думал.

Рунный Дворец – не самое большое здание в крепости, но самое высокое. И меня, к сожалению, вели на самые верхние этажи. Я бы использовал руну Эваз, но мне строжайшим образом посоветовали не применять волшебство. Спутники Огарда нас во дворце оставили, но вместо них сопровождали четверо рунных магов средних лет. К тому же, эти маги были вооружены. У двоих висели на поясах короткие палаши, у их товарищей – мечи-«кошкодёры» для ближнего боя.

Опасная смесь – мечник-волшебник. Я не сомневался, что и на клинках нанесены какие-нибудь серьёзные руны.

Где-то на полпути, увидев кресло поудобнее, я остановился и поднял руку.

– Стоп! Имейте совесть, мастера. Мне тяжело! Понимаете? У меня колено не гнётся!

Совесть они имели, и я получил пять минут передышки, которые потратил сидя в кресле и массируя коленку. И даже выпил глоток ячменной воды из фляги Огарда.

– Он не преступник и не враг, – хмуро сказал Огард охранникам. – Возможно, он выйдет отсюда как полноправный член Совета рунных мастеров.

На охранников это впечатления не произвело. Наверное, они повидали всяких членов Совета рунных мастеров – и тех, кто выходил из здания разжалованным, и тех, кого они выволакивали за ноги.

Но всё же я передохнул и в зал Совета вошёл чуть бодрее, чем рассчитывал. К моему удивлению, все – и Огард и охранники – остались за порогом. Двери закрылись, и я остановился в помещении, бывшем святая святых Рунного Древа.

Как интересно тут всё было!

В центре круглого зала росло дерево. Именно росло, настоящее, живое – огромный, метров десяти высотой ясень, раскинувший ветви во все стороны, протянувшийся вершиной к стеклянному потолку. Он был одновременно диким древом и искусным творением садовника, скорее воплощением природы, чем её частью. Несколько рунных огней сияли над ним, заливая его тёплым солнечным светом. Только они и разгоняли мрак, выхватывая из темноты ясень, но всё остальное тонуло в полутьме. Я не считал, но был твёрдо уверен, что у ясеня двадцать четыре ветви – по числу рун футарка.

Вокруг ясеня кольцом стоял стол. За ним легко уместилось бы и три десятка человек, но я опять же знал, что стульев двадцать четыре.

Стены зала были покрыты гладко отполированным камнем – я узнал и гранит, и мрамор, но большая часть оказалась мне незнакома. Наверное, здесь тоже двадцать четыре сорта камня, и каждый так или иначе означает одну из рун. Маги прошлого были склонны к символизму. Вот окон, за которыми светились редкие огни города, темнел океан и блестели звёзды – их точно было двадцать четыре...

– Добрый вечер, – сказал я в темноту, заполнившую зал Совета. – Точнее – доброй ночи... госпожа Мирарек Ридор. Простите, что потревожил ваш отдых.

Темнота шевельнулась, и из-за древа вышла женщина. Медленно обогнула стол, подошла ко мне. Она была немолодой, но, пожалуй, выглядела младше меня – пожилая женщина с гладко уложенными седыми волосами, в простом белом платье, с амулетом на серебряной цепи. Я сразу впился взглядом в амулет; почему-то я думал, что он будет таким же, как у Акса Танри.

Но это была всего лишь стилизованная руна Перт – руна постижения новых знаний и руна женского божества.

– Как ты меня узнал, юный маг? – спросила она.

Голос у нее был нежный и звонкий, внешность – немолодой женщины, а назвать меня юным могла только древняя старуха.

– Я ещё мальчишкой размышлял, почему Тёмный Властелин не завоеует Север, – сказал я. – Всё-таки Север слаб, здесь живёт мало людей, но в Рунном Древе много знаний. Я бы обязательно завоевал. И я подумал, что Север ему чем-то дорог. Может, он родом отсюда. Или здесь живёт кто-то, кого он обещал не трогать. Например, свою любимую.

Мирарек с любопытством смотрела на меня.

– А потом я прочитал ту статью, в альманахе, – сказал я. – Понял, что вы не просто писали её вместе, не только обсуждали и размышляли вдвоём, а что вы были близки. Там будто слышно, как вы спорите, – я точно так же спорю со своей женой, с Мирой. Её ведь называли в вашу честь, знаете? Танри был с запада, а вот вы – с севера. И когда вы с ним поссорились, после войны, вы вернулись на свою родину. А он пообещал вас не трогать. И целый век хранил своё слово.

– Ты умный мальчик, – сказала Мирарек.

Я засмеялся.

– Да какой там умный. Был бы умный, так сидел бы, не высовывался. А не стоял бы перед вами с седой бородой и трясущимися ногами. Зря я попросил этот альманах. И зря вы его сохранили.

– Даже не думала, что он уцелел, – призналась Мирарек. – Впрочем, там же нет ничего конкретного. Теоретические изыскания.

– Да, на тему того, как повернуть время вспять, – сказал я. – Но там есть о чём подумать. Вам повезло, что началась гражданская война и все отпечатанные книги погибли.

Мирарек засмеялась.

– Повезло? Какой же ты всё-таки наивный, Грисар! Мы с Аксом начали восстание, чтобы уничтожить эту книгу. Наша теория слишком быстро превратилась в реальность... мы поняли: ещё год-другой – и рунные маги поймут, как можно работать со временем. Что волшебники станут бессмертными, что единственное ограничение нашей силы исчезнет! Представляешь, что бы тогда началось?

Я покачал головой.

– Ты то ли всё-таки глуповат, то ли удивительно наивен, – сказала Мирарек. Отодвинула от стола один из стульев, села. Махнула рукой. – Садись, у тебя и впрямь колени дрожат. Полагаю, не из-за страха, от усталости... Если наш секрет стал бы общим достоянием, бессмертные маги

шатались бы по всему миру, нападая друг на друга и высасывая чужое время. Сейчас люди уважают нас, ибо знают, что мы платим за волшебство жизнью. А так они бы нас ненавидели и уничтожали при первой возможности!

Подумав мгновение, я сказал:

– Тогда вы поступили правильно. Да и король был тираном..

– Король как король, – отмахнулась Мирарек. – Все они такие. Ещё лет пять – умер бы от пьянства и разврата. Но нам надо было захватить столицу, уничтожить библиотеки, получить полную власть и отследить каждый выпущенный альманах... и убить тех, кто его уже прочитал. Там, в Великой войне, мы забрали жизнь королевских магов и своих же товарищей. И обрушили волшебство на головы простых людей.

Мы молчали, сидя на краю маленького круга света, Мирарек внимательно смотрела на меня, а я пытался решить, что же такого сказать, чтобы выйти отсюда живым.

– Жаль, что Акс Танри придумал эту руну, – сказал я.

– Руну написала я, – холодно сказала Мирарек. – Акс разработал теорию, я всегда была практиком... впрочем, это неважно. Я уехала в Рунное Древо. Повелитель остался править Тёмной Империей. Но я знала, всегда знала, что это лишь передышка. У нас разные подходы, видишь ли. Я правлю этим городом уже сотню лет, я практически не скрываюсь, но никто не заподозрил, что глава Совета рунных мастеров не меняется. Меня считают собственной внучкой и знаешь почему?

Я помотал головой. Того, о чём она говорила, быть не могло. Кто-то обязательно догадался бы.

– Все думают, что бессмертный обязательно будет молодым, ты же сам это понимаешь! Старуха не вызывает подозрений. А никто из членов Совета рунных мастеров не задерживается здесь больше десяти лет, чтобы понять происходящее.

– Зачем вы мне это говорите? – спросил я.

– Чтобы ты знал – я не смогу отпустить тебя живым, – сказала Мирарек. Вздохнула: – Очень, очень жаль. Ты толковый волшебник. Смелый, удачливый, умеющий беречь время и тратить его. Но такие тайны не доверяют никому, а уж тем более магам. Где медальон Акса?

– У меня его забрали, – сказал я. – Изменённые, в Низинном Княжестве. Полагаю, он у повелителя.

– Но ты запомнил руну?

– Да, конечно.

– У Танри всегда была плохая память на сложные фразы, – сказала Мирарек и улыбнулась чему-то своему, давнему. – Я не советовала ему делать копию

руны, но он боялся перепутать знаки в бою. Это стало его большой ошибкой... Долго ты собирался изображать из себя старика, Грисар?

– Я и есть старик!

– Почему не используешь руну? Почему не станешь молодым?

– Потому что не знаю, как она работает! – почти выкрикнул я.

Мирарек широко раскрыла глаза. А потом рассмеялась.

– Вот оно что! А я не могла понять, все эти годы.. считала, что ты избрал мой путь, терпишь, чтобы в какой-то миг исчезнуть и вернуться молодым.. Как смешно, рунный мастер Грисар!

– Ничего смешного, – сказал я зло. – Проживи я хоть лет пятьдесят, настоящих лет, я бы разобрался. Но, видимо, не получится.

– Нет, – покачала головой Мирарек. – Ты же сам понимаешь. Твоя жена, она знает руну?

– Не знает.

– Врёшь, – вздохнула Мирарек. – Жаль. Но у тебя есть маленькая дочь, и я обещаю, что оставлю её в живых.

– Спасибо, – сказал я. – За это спасибо.

– Но не надейся, что она отомстит за тебя, когда вырастет, – сказала волшебница. – Способ я использую сложный, но добрый.

Кажется, ей хотелось поделиться со мной этим «сложным, но добрым способом», и по всему выходило, что стоило ей это позволить и прожить ещё несколько лишних минут. Но мне стало невыразимо противно, что эта древняя волшебница, оказавшаяся ничуть не лучше Тёмного Властелина, использует меня как подушку, которой юные девушки доверяют свои мечты.

– Мне достаточно знать, что она будет жить, – сказал я. – Чего уж там. Не тяните, госпожа глава Совета рунных мастеров.

– Даже не будешь сопротивляться? – спросила Мирарек с любопытством.

Я и сам ещё этого не решил. Но теперь, подумав немного, твёрдо сказал:

– Нет, не буду. Если вы пощадите Сен – не буду.

– Честное слово, меня не радует то, что я вынуждена сделать, – сказала Мирарек, помолчав. – Хочешь чего-нибудь выпить? Что-то сказать?

– Когда изменённые Тёмного Властелина придут за вами, – ответил я, – вспомните, что вы сами это начали.

– Хорошо, – сказала волшебница. – Но, возможно, я сама приду за мелким гадёньшем. Он прогадал, у меня есть время подготовиться и подготовить своих изменённых.

Наверное, на моём лице что-то изменилось, потому что Мирарек сказала:

– Да нет же. Твою дочь я не трону. Её вообще не будет здесь.

Она встала, я тоже попытался встать – и понял, что не могу шевельнуться, что намертво прилип к стулу, будто сросся с ним воедино.

– Ты увидишь, – сказала Мирарек. – Я всё сделаю и объясню. Ты умрёшь спокойно, убедившись, что я держу своё слово.

Она развела руки – и между ними полыхнули руны.

Перт, Наудиз, Дагаз, Райдо, Йера, Гебо, Манназ...

Рунный мастер Мирарек оперировала семью рунами сразу!

То, что вообще считалось невозможным для человека!

Руны плыли, переплетались, истекали одна из другой, меркли и снова наливались силой – откуда она берёт это время, неужели из себя?

– Мне понадобится немного твоего времени, – небрежно сказала Мирарек. – Немного, пара месяцев, для наведения... заклинание в целом требует почти двадцать лет, у тебя столько нет...

Я наконец-то понял. Она взяла немного своего времени, а остальное давала ей крепость. Те самые секунды и минуты, которые отдавали маги, открывая замки и проходя в двери – все они копились тут и были в её полном распоряжении. Время втекало в неё, а потом направлялось в руны. Действие, тоже считавшееся невозможным, но много ли невозможного для мага её уровня?

– Вот так...

На краткий миг вместе с неслыханной семерной рунной фразой вспыхнула ещё одна руна – с медальона Акса Танри.

Волшебница могла работать сразу с двумя составными рунами!

У меня перехватило дыхание, по телу прошёл холод.

– Два месяца с небольшим, – сказала Мирарек, будто извиняясь. – Остальное возьму потом. Не так уж много и осталось-то у тебя, Грисар...

В воздухе пылала, извиваясь, гибкая широкая труба, сотканная из света. Один конец пылал фиолетово-синим, другой – тёмно-красным. Мирарек быстрыми движениями рук разворачивала трубу, словно направляла её куда-то, в ведомую лишь ей даль.

Она что, хочет зашвырнуть мою дочь на край света? Беспомощную семилетнюю девочку? Это её «сложный, но добрый способ»? Тварь!

Я попытался вызвать в памяти руну – хоть какую-то, хоть простейший Турс, но меня словно переключило, я видел лишь руну Акса Танри... или лучше называть её руной Мирарек?

И ещё я видел, или мне это лишь мерещилось, как в закрытые застеклённые окна таращатся на нас страшные искажённые лица – полулюди, полуптицы..

– Изменённые! – крикнул я.

Мирарек вздрогнула. Выпустила трубу, я даже не понял, успела ли она завершить заклинание, повернулась. Труба исчезла, унеслась куда-то.

Стёкла зазвенели, осыпаясь осколками.

Чудовищные твари, полулюди-полуптицы, некоторые со львиными мордами, некоторые с когтистыми орлиными лапами, лезли внутрь. Длинные крылья путались в разбитых переплётах, их резали осколки стекла, но изменённые словно не замечали этого.

Из рук Мирарек ударили струи огня и кристаллы льда. Она не стала мудрить, использовала простейшую, но могучую магию.

Вот только изменённые ей не поддались. Огонь стекал с их шкур и перьев, льдинки осыпались или застревали в теле.

Распахнулись двери, ворвались охранники – те самые четверо, что привели меня. Огарда среди них не было. Я удостоился лишь короткого взгляда; сообразив, что я не опасен, кто-то из охранников просто сбил стул вместе со мной на пол – и четыре меча засверкали вокруг Мирарек, отгоняя нападающих. Я ворочался на полу, пытаюсь отлепиться от стула и встать. Какая-то тварь взвыла, когда плающее рунами лезвие меча глубоко рассекло её плоть, упала, забилась рядом в предсмертных конвульсиях. С могучего птичьего тела смотрело на меня перепуганное детское лицо. Взмах когтистой лапы распорол мне живот, хлынула кровь.

Как ни странно, это словно сняло заклятие. Проклятый стул отвалился. Скользя в собственной крови и прижимая живот ладонью, чувствуя под пальцами скользкие потроха, суча ногами, я отполз под стол, к стволу исполинского ясеня. Жёлтые огни мирно сияли над ясенем, по ветви, прямо над головой, ползла божья коровка, равнодушная к творящемуся вокруг. Маги и изменённые сражались насмерть, казалось, что сила Мирарек и отвага охранников берёт верх, но внезапно один из полулюдей-полуптиц встопоршил крылья – и встряхнул ими, напиговав сразу двоих магов острыми как кинжалы перьями. Через миг какой-то особо безжалостный удар Турса рассёк тварь на несколько частей, но ещё через секунду похожее на льва с крыльями создание откусило голову третьему магу.

Меня вдруг снова посетило предвиденье. Я понял, как погибнет четвёртый маг. Как десяток изменённых, умирающих, но рвущихся в бой, сомнут старую волшебницу и разорвут её в клочья. И как последние уцелевшие мимолётно прикончат меня, после чего сорвут злость на символическом древе, раздирая

в щепки несчастный ясень. Как падёт крепость Рунного Древа и как запыляет город, когда в него войдут войска Тёмного Властелина.

В голове вдруг всё прояснилось. Я встал, одной рукой держась за ветвь, другой по-прежнему зажимая вспоротое брюхо. В воздухе было столько магии, что умей я её использовать – мог бы и сам сжечь целый город. Но у меня было лишь моё время. Моё несчастное, короткое время, которого и так осталось немного.

Я вызвал руну Акса Танри (пусть её придумала Мирарек, но я уже привык называть её так). И швырнул в топку год своей жизни, зажигая рунную комбинацию с периферии, с жизни и смерти, в той последовательности, как придумал когда-то.

Сразу стало тихо.

Все взгляды обратились ко мне.

Тухнувшие, умирающие взгляды.

Я почувствовал, как рана под моей рукой заживает, как срастается плоть и наполняется силой тело, будто из меня не вылилась пара пинт крови. Как крепнут мускулы и зрение становится острым.

Нет, я не стал моложе.

Но я стал куда сильнее и здоровее, чем был даже в молодости.

Отшвырнув, будто табуретку, полукружье стола, я прошёл мимо падающих и умирающих изменённых. Ткнул в грудь последнего охранника – его взгляд помутнел и померк, охранник рухнул. Остановился перед Мирарек.

Старая волшебница, держась за грудь и жадно хватая воздух, смотрела на меня. С неё стекала кровь, но, кажется, только её. Я чувствовал, как она выстраивает защитные руны.

Мирарек прошептала:

– Браво...

Я молчал.

– Интересный... вариант... можем поладить...

Я сжёг ещё два года и склонился над упавшей волшебницей, глядя как жизнь уходит из её глаз.

Времени-то может быть сколько угодно. Но вот здоровье порой подводит и молодых.

Подобрав меч одного из охранников, я пошёл к выходу, опираясь на клинок, словно на трость.

Но через минуту отбросил оружие.

Колено больше не болело.

Руна семнадцатая, Тиваз

Не знаю точно, сколько изменённых пришло вместе с Ирбраном и затаилось вокруг города, ожидая сигнала к атаке. Мне кажется, не меньше тысячи. Наверное, этого было недостаточно, чтобы захватить Рунное Древо, но этого вполне хватило, чтобы нанести непоправимый урон.

Дворцы и башни внутри крепостной стены пылали. Что-то, возможно, подожгли нападающие, а что-то случайно запалили маги, обороняясь. Отовсюду доносились крики, звон стали, шипение оживающих рун. Кое-где срабатывали ловушки, про которые я даже не подозревал, – я увидел трёх крылатых изменённых, притянутых к потолку и пронзённых кривыми стальными крючьями, на лестнице мне попала змееобразная тварь, закованная в ледяной панцирь и горящая внутри него синим пламенем, в одном из окон застыло похожее на волка создание, с виду совершенно целое, но ссохшееся, как мумия. Рунное Древо не было лёгкой добычей.

Внизу, у ворот Рунного Дворца, полуодетый библиотекарь дрался с чудовищем, похожим на медведя, из плеч которого росла голова маленькой девочки в розовой косынке. Я помнил слова Секта о том, что совместить человека с медведем невозможно. Видимо, натурфилософы всё-таки нашли метод. Медведь удивительно ловко махал когтистыми лапами, а голова девочки тонким голоском изрыгала проклятия и басовито ревела по-медвежьи. Мой заклятый друг библиотекарь сражался отважно и отчаянно, но медведевочка казалась неуязвимой. В какой-то момент монстр сбил библиотекаря, навис над ним, голова девочки восторженно пропищала:

– Сейчас меня покормят!

Я остановился и всадил в мохнатую спину медведя руны Кано, вложенную в Гебо. Старый фокус сработал – магия вошла в чудовище и испепелила его изнутри.

Библиотекарь ворочался, выбираясь из-под медвежьей шкуры. Кажется, у него была сломана рука. Из всех отверстий, бывших у медведевочки при жизни, сыпался горячий серый пепел.

– Не благодари, – сказал я, проходя мимо.

– Грисар! – взвыл вслед библиотекарь.

Но я не стал задерживаться.

На улице, на месте Малого рынка, шло сражение. Среди разломанных и разбросанных прилавков, среди рассыпавшихся из ящиков овощей и снулой рыбы, два десятка подростков – учеников магической школы, сомкнув строй, отбивались от такого же количества монстров. Учитывая, что изменённые тоже были созданы из детей и частично сохранили их черты, выглядело это полнейшей фантаσμαгорией. Хоть батальное полотно рисуй, под названием «Отроки сражаются с пороками взрослых» или «Ангелы и демоны среди житейской тщеты».

Удивительно, как клинит мозги выброс магии!

Я не стал задерживаться и помогать школярам. Как ни странно, они отбивались даже удачнее, чем взрослые. Может быть, потому, что не щадили своё время – на моих глазах маленький мальчик испепелил нападающую на него гигантскую ящерицу, резко вытянулся вверх и отрастил усы. А может быть, потому, что не были скованы готовыми боевыми схемами и на ходу импровизировали.

У ворот крепости, поднятых несмотря на ночь, уже формировались отряды – рунные маги, стражники, прибежавшие из города мужчины-резервисты. Как только набирался с десятков бойцов, командующий сбором офицер – не рунный маг, обычный военный – отправлял их в ту или иную точку крепости. Несколько лучников и магов наблюдали за ночным небом. Либо летающих монстров было немало и их всерьёз опасались, либо их появление сильно испугало северян.

Натурфилософ Ирбран появился в Рунном Древе не для того, чтобы помочь с обороной. Он привёл с собой войско изменённых. Следуют ли за ними солдаты Тёмного Властелина? Может быть, но вовсе не обязательно. После понесённых потерь северяне не смогут оправиться до весны. Долгая тяжёлая зима ослабит боевой дух, начнутся свары и споры, кто-то предложит покориться Тёмной Империи, кто-то предпочтёт схватить родных и бежать... Весной придёт армия и сопротивления уже не встретит.

Тем более что я убил Мирарек Ридор, единственную, чья сила и знания не уступали силе и знаниям Тёмного Властелина.

– Эй, мастер! – окликнул меня офицер, собирающий отряды. – В строй!

Я лишь сейчас осознал это до конца – и даже в ночной прохладе меня бросило в жар. Я завершил то, что пытались сделать изменённые. Я убил великую волшебницу.

Да, она собиралась меня убить.

Да, никакой веры не было в её последние слова, в предложение «поладить».

Но ведь она могла сохранить десятки, сотни жизней сейчас!

И подготовить Рунное Древо к обороне!

– Ты меня слышишь, мастер? – хрипло и уже раздражённо воскликнул офицер. Чин у него, судя по нашивкам, был небольшой, но ему хватило духу принять

командование и организовать оборону. Хороший рывок в карьере... вот только что стоит карьера военного в обречённом королевстве?

– У меня жена и дочь, – сказал я. – В городе. Я иду к ним.

– У всех жены и дочери! – рявкнул офицер. – А ну встать в строй!

– Не надо, – сказал я негромко. – Не останавливайте меня.

Офицер поймал мой взгляд и потянулся к мечу.

Но его взял за руку кто-то из рунных магов.

– Оставь старика в покое. Ты что – не видишь? Он сжёг себя. Каждый заслуживает покоя в конце пути.

– Если я увижу в городе изменённых, я вступлю в бой, – сказал я, чтобы дать офицеру возможность отступить с честью.

– Иди, – согласился офицер, отпуская рукоять меча.

Я кивнул и вышел за ворота крепости. Навстречу мне попался высокий крепкий мужчина благородной внешности, в сверкающей кольчуге и с оголённым мечом в руках. Я поклонился ему. Шутейный царь Севера шёл защищать крепость Рунного Древа.

Все изменённые вначале напали на крепость. А вот потом, по мере того как они получили отпор, их поведение изменилось. Я увидел, как раненые монстры перебираются или перелетают через крепостные стены и бросаются в город, сея на пути смерть и разрушения. Видимо, у них не было приказа отступать, они должны были максимально разрушить Рунную Крепость, а на последнем издыхании убить как можно больше людей в городе.

Впрочем, северяне никогда не были робким народом. На моих глазах три женщины длинными копьями прижали к стене дома и проткнули тварь, составленную из мальчика-подростка, волка и, кажется, тигра. Тёмная Империя, похоже, скупала всех опасных зверей, существующих в природе. Пришпиленный к дому монстр орал и размахивал длинным стальным кинжалом, но подошедшая к нему женщина безжалостно отрубила обычным серпом вначале руку с оружием, а потом и голову.

Город должен был выстоять.

Я шёл по улице – не ковылял, а именно шёл, быстрой упругой походкой. Чужое отобранное здоровье бурлило во мне.

Побежал я, лишь когда увидел, что мой дом горит.

Мира стояла у калитки, смотрела в огонь и не шевелилась. Рядом, держась за ограду, стоял Огард – сгорбленный, поникший.

– Мира! – закричал я, подбегая. – Мира, где Сен?

Первым обернулся Огард – и опустил голову. Мне показалось, что я увидел в его лице стыд.

А потом повернулась Мира. И я замедлил шаг, подходя к жене, которая постарела лет на десять.

Превратилась из немолодой женщины – в старую.

– Где Сен? – спросил я тихо. И снова закричал, перекрывая гул пламени и треск сторающих досок. – Где наша дочь?

– Я не удержала... – прошептала Мира. В глазах у неё были ужас и тоска, смешанные воедино. – Её вырвало из моих рук... Надо было влить ещё время, надо было влить всё моё время, но я испугалась...

Она вдруг закричала в голос:

– Я испугалась, Грис! Я её выпустила! Я её предала!

– Труба? – спросил я. – Труба из света?

Мира торопливо закивала, в её взгляде появилась надежда.

– Ты не смогла бы удержать, – сказал я. – Это была магия главы Совета рунных мастеров. Сеннера жива, а ты бы не справилась, не кляни себя попусту. Я только не знаю, куда её унесло.

Мира снова обмякла. Сказала:

– Мы не спали. Я разбудила Сеннеру, я сказала, что нам, наверное, придётся уехать. Очень быстро. Мы даже собрали вещи. Я надеялась, что ты придёшь. Потом Сеннера начала волноваться. Сказала, что слышит твой голос, что у неё кружится голова... и появился свет, и стал её затягивать... я строила руны, я пыталась её закрыть, но она исчезла... я мало отдала...

– Ты не смогла бы найти столько времени, чтобы её защитить, – сказал я. Внутри у меня были тьма, огонь и пустота. Как и снаружи, где горел наш дом. – Мы её найдём, Мира.

Повернувшись к магу, я спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– Я пришёл, чтобы спасти твою семью, – сказал Огард. – Я понял, что... я решил отправить их на запад, пока ещё можно опередить снег. А в результате лишь спас твою жену. Это сотворил Ирбран?

Рунный маг с тоской кивнул на крепость. Удивительно, что он оставался здесь, а не бежал сражаться.

Потом я увидел, что Огард опирается лишь на одну ногу, а вторая изломана, изжёвана, покрыта кровью. Рунный маг стоял лишь благодаря рунам, убравшим

боль и остановившим кровотечение. Но если он не поторопится к лекарю, то вряд ли сможет когда-нибудь опереться на эту ногу.

– Это Ирбран, – подтвердил я его опасения. – Он пришёл не затем, чтобы сдаться или помочь. Он вёл с собой изменённых. Тот, кому они подчиняются, должен быть рядом, их нельзя посылать в дальний поход одних.

Тварь, которая чуть не убила Огарда, лежала в огороде. Зеленовато-бурая скользкая масса, из которой торчали окровавленные, разорванные жилы и кости.

– Лягушка-огнеплюй, – сказал Огард. – Мне на них везёт.

– Вас провели, северянин. И ты мне не помог.

– Когда я пришёл, твою дочь уже забрали, – сказал Огард. – Это тоже Ирбран?

– Это Мирарек, – сказал я.

Огард молчал.

– Ты знал, – сказал я. – Ты знал, что она не умерла.

– Есть вещи, о которых знаешь, но не говоришь, – глухо сказал Огард. – Мы – маленькая страна. Нам нужна защита.

– Куда она отправила мою дочь?

– Я не знаю, Грисар, – голос Огарда стал совсем слабым. – Но она не стала бы убивать ребёнка.

– Мира, мы уходим, – сказал я жене. – Прямо сейчас. Если какие-то вещи уцелели – бери и уходим.

Мира опустила глаза на большой саквояж, стоящий у её ног. Упала на колени, обняла саквояж и стала рыдать, доставая оттуда какие-то тряпки. Я узнал одежду дочери, книжку, которую она читала вечером. Они собирали эти вещи вместе...

– Грисар, что с главой Совета? – спросил Огард.

– Я вас всех ненавижу, – ответил я.

– Что с Мирарек?

– Она сдохла, – честно сказал я.

– Грисар! – закричал Огард. – Старая сволочь, я же спас твою жену!

Я со всей силы ударил мага в челюсть. Огард упал, раскинув руки и не шевелясь.

– Мы уходим, – сказал я Мире.

Мира непонимающе смотрела на меня. Потом спросила:

– Грис, почему ты сказал, что я...

– Я не о тебе, Мира. Советом рунных мастеров руководила Мирарек. Та, в честь которой тебя назвали. Подруга повелителя. Она бессмертна, как и Тёмный Властелин. Они умеют забирать чужое время. Они вместе это придумали.

Мира всхлипнула.

Подошла, провела рукой по моему лицу.

– Ты постарел...

– Я высосал жизнь из людей и изменённых. Иначе бы умер. Но пришлось заплатить временем.

– А... – понимающе сказала Мира. – А я... сильно?

– Сильно, – не стал я врать. – Идём, Мира.

Мира стояла, покачиваясь и глядя на Огарда. Сказала:

– Он меня спас... я была в истерике и не смогла бы защищаться. Он убил эту тварь...

Наш горящий дом будто вздохнул печально – и осел, разбрасывая искры и пепел. Крики и шум боя вокруг почти стихли; видимо, изменённых добили. Только запоздало и суматошно начал звонить пожарный колокол в крепости.

– Они все виноваты, – сказал я, глядя на Огарда. – Они знали, кто их предводитель. Не могли не знать. Но делали вид, что не понимают. Так им было проще. Пошли, пошли, Мира.

– Где наша дочь?

– На западе. На востоке. На юге. Я не знаю. Даже представить не могу, что это было за волшебство. Но я знаю, кто ответит.

– Тёмный Властелин? – сказала Мира очень спокойно.

– Да.

– А он захочет?

– Ему придётся.

Мира оглянулась вокруг. Подобрала волосы, скрутила их в пучок. Посмотрела на меня.

– У нас немного времени, Грис.

– Нам придётся его добыть, – ответил я. – Но вначале уйти.

Мира кивнула и сказала:

– Как ты думаешь, конюшни торговцев уцелели?

Нам повезло в том, что на город напали лишь изменённые. Будь среди них солдаты или маги Тёмной Империи – мы бы вызвали подозрение, несмотря на прожитые тут семь лет.

Но все уже знали, что злодеями оказались нечеловеческие твари. Люди всматривались и вслушивались в темноту, выискивая их, а двое бредущих по улице стариков подозрения не вызывали.

В конюшнях торговцев была охрана, но усыпить её рунами стоило совсем немного времени. Лошади волновались и бились в стойлах; может быть, они чувляли запах крови и гари, может быть, излишек магии вокруг. Можно было успокоить их рунами, но я просто вывел пару упряжных лошадей, и на воздухе они успокоились сами. Мы запрягли их в лёгкую повозку, приспособленную для зимних поездок, и на рассвете выехали из города через западные ворота. Как ни странно, но их не закрыли и нам не задали ни единого вопроса. Может быть, охранников, задумчиво глядящих нам вслед, обуревала та же самая мысль – не пора ли покинуть Рунное Древо?

Утро застало нас на западной дороге. Мы даже не подумали петлять, скрываться, путать следы, хотя Мира вполголоса заметила, что все беды непременно повесят на нас. И без того были бы под подозрением, а уж после убийства Мирарек – несомненно.

Ещё вчера, проснувшись в это же время, я завтракал на кухне, размышляя, сделать ли кофе или воспользоваться поводом и посидеть в кофейне. Сеннера сидела напротив, болтая ногами и отказываясь есть кашу. Мира рассуждала о том, что последние летние деньки нельзя пропускать просто так, хорошо бы собрать корзинку еды, нанять повозку и съездить на пикник к берегу моря, побродить по песку, собирая ракушки, потом запечь их на костре...

Прошедшим днём я разговаривал с симпатичным магом Огардом и размышлял об открывающихся перспективах.

Даже вечером, уже озабоченный всем услышанным и прочитанным, я всё же строил планы и переживал, не придётся ли бросать налаженный быт и уезжать неведомо куда.

А вот теперь мы ехали по накатанной дороге среди редкого северного леса, уже одетого в жёлто-оранжево-красные цвета, поредевшего, прозрачного и чистого. И нам было всё равно, куда ехать и преследуют ли нас. Вчерашняя яростная вспышка и бравада – «вынудим Тёмного Властелина во всём разобратся» – угасла.

Как вынудим?

Руна Акса Танри – пустышка. Даже если она хранит тайну возвращения времени, я не смог в этом разобраться за прошедшие десять лет, не смогу и за следующие. А есть ли они у меня вообще? Мирарек сказала, что у меня осталось немного. Что такое «немного» для волшебницы, прожившей век с лишним и намеревающейся жить вечно? Год? Три? Пять? Десять?

Мы ввязались в игру титанов, в спор великих волшебников древности. В жестокие игры натурфилософов, творящих живые кошмары из человеческих детей и диких зверей. В интересы государств, которые заключают и рвут союзы ради высшей выгоды. Что мы и кто мы на этих весах? Песчинки, которые уносит ветер.

Кого мы можем вспомнить с добром, кроме самих себя и дочери, которую у нас отняли? Несчастных девчонок из святилища Лунной Девы? Землеведов, погружённых в свои бесконечные странствия? Я вдруг им позавидовал – остро, тоскливо, представив себе вечные скитания не мучительным испытанием, а единственно верным и честным путём. Мимо игр государств, мимо жадности и властолюбия, в погоне за невозможной целью – узнать и увидеть весь мир...

– Как ты думаешь, – тихо спросила Мира, прижимаясь к моему плечу, – эта волшебница... Мирарек. Она всегда была такой? Или это из-за долгой жизни? И это неизбежно?

Я подумал немного, прежде чем ответить.

– Всегда. Они с Аксом Танри начали войну, чтобы уничтожить свою статью, напечатанную по неосторожности. Вовсе не потому, что старый король был сволочь.

– А он...

– Да, но не больше других. Боюсь, что Мирарек ничуть не лучше.

Мира вздохнула. Сказала:

– Я ведь мечтала быть на неё похожей...

И тут лошади заволновались. Я натянул поводья, останавливая их. Мы переглянулись. Вокруг был лес, редкий и хорошо просматриваемый, осыпавшиеся листья на земле.

– Что-то не то, – сказал я.

Листва рядом с повозкой разлетелась в разные стороны, с земли вскинулась серая тень – и напрыгнула на лошадей. Повозка дёрнулась и завалилась набок, когда лошади попытались бежать в разные стороны и опрокинули её.

Изменённый, ребёнок-волк ростом со взрослого мужчину и с жуткой головой, где совмещалось человеческое лицо и волчья морда, разорвал шею одной лошади и распорол когтями брюхо другой. Лошади бились и ржали, кровь фонтанами была в воздух. Мы с Мирой упали на землю и попытались встать, но волколак был слишком стремителен. Через мгновение моя левая рука была

по локоть в его пасти, крепко сжатая острыми зубами, а две лапы прижимали к земле Миру.

Только после этого профессор Ирбран поднялся с земли и аккуратно отряхнул с себя листву.

– Вы такой не по возрасту быстрый, дорогой Грисар, – пожаловался он. – Мы вас едва-едва опередили.

– Тварь... – сказал я.

– Спокойно, – Ирбран поднял руку. – Мне достаточно попросить, и ты останешься без руки. Неприятная смерть – истечь кровью, пока волк жрёт часть тебя. И не надейся, что тебя спасут руны, я ведь тоже маг. Давайте поговорим спокойно, как разумные люди.

– Я убью тебя! – крикнула Мира.

– Спокойно, спокойно! – Ирбран замотал головой. – Мне кажется, события этой ночи дают нам шанс на сотрудничество. Ведь это ты, Грисар, убил старую каргу. Мои мальчишки-девочки не смогли, а ты смог. Использовал какие-то хитрые руны, верно? Я бы сказал, что это повод помириться с повелителем, но не хочу врать. Наш дорогой Тёмный Властелин слишком на тебя зол. Но, возможно, если ты поделишься со мной его маленьким секретом, мы сможем вместе придумать лучшее будущее.

Я смотрел на Ирбрана и не верил своим глазам. Он всерьёз рассчитывал, что я ему поверю? Так привык считать себя самым умным, что остальных держит за простачков?

– Это же руны, – сказал я. – Это не твоё.

– Я не такой дурак, чтобы разменивать жизнь на чудеса, – ответил Ирбран. – Но я умею работать с рунами. Если время и впрямь может течь не только из человека, но и в него... О, это ведь всё меняет. Наука и волшебство – сколько всего можно сделать! Решай, Грисар. Твоя голова порадует повелителя, однако возможны варианты.

Я посмотрел на волколака. Глаза у него были звериные, но в жуткой искажённой морде таились и человеческие черты. Когда-то это был человек. Мальчик, мечтавший стать магом. Потом его исковеркали, превратили в чудовище, лишили воли, заставили любить своего мучителя и убивать для него.

Наверное, если бы дать ему свободу воли, он попросил бы его спасти. Любой ценой.

«Я не могу тебя спасти, – подумал я, глядя на волколака. – Извини. Только освободить».

В звериных глазах проступила человеческая тоска. Будто он всё понимал.

И тоже извинялся, что не сможет разжать челюсть и выпустить мою руку.

Я кивнул чудовищу.

Старая руна, придуманная мной ещё в Академии, впитала двое суток жизни.

Челюсти волка судорожно сжались, когда он стал весить будто двадцать волков. Боль резанула тело, но я отступил от упавшего волка и улыбнулся, баюкая обрубок руки. Кровь хлестала не слабее, чем у несчастных лошадей.

– Да ты же идиот... – прошептал Ирбран поражённо.

Я уже проделывал это ночью, а сейчас всё получилось куда легче.

Руна Акса Танри развернулась между нами и потянула жизнь Ирбрана в меня.

Ирбран взвыл, на его руках полыхнули Турс и Кано, ударили – и разбились о щит.

Мира, лёжа на земле, придавленная потяжелевшей, как свинец, волчьей лапой, выставила защитные руны и щедро, не меряя, вливала в них время.

– Нет! – ещё раз успел крикнуть Ирбран. Его кожа пожелтела, глаза ввалились, на штанах расплылось тёмное пятно. Я ощутил свирепую радость от того, что профессор натурфилософии умирает обделавшись и понимая, что он умирает.

И я очень жалел, что у меня нет лишней вечности, чтобы заставить Ирбрана провести её в муках.

– Грис! – крикнула Мира.

Я погасил руну. Наклонился и правой рукой выволок Миру из-под волчьей лапы.

Изменённый тоже был мёртв. Из открытой пасти торчал откушенный обрубок моей руки. Белела сломанная кость, из мышц сочилась тёмная кровь.

Я посмотрел на свою левую руку.

Её не было.

Была аккуратно зажившая культя, заканчивающаяся чуть ниже локтя. Я подвигал обрубком – никакой боли. Здоровье Ирбрана исцелило мою рану, но не смогло вырастить новую руку. Быть может, это было не под силу заклинанию. Но скорее просто не хватило здоровья профессора.

– Ты совсем седой, – прошептала Мира. – Седой и старый...

– Знаю, – ответил я и помог подняться своей старой седой жене.

Мы стояли, глядя друг на друга, рядом с издохшим профессором и мёртвым изменённым.

И, как ни странно, улыбались. Два семидесятилетних старика в холодном предзимье Северного Царства.

– Побредём? – спросила Мира.

– Ага, – ответил я. – Некогда ждать.

Руна вторая, Уруз

Зима в Тёмной Империи не такая холодная, как на Севере. Бывает и снег, бывает и мороз, но обычно стоит облачная погода с мелкой холодной моросью. Как по мне – даже хуже, чем снег.

Мы не прятались. В нашем положении петлять, путать следы, маскироваться – всё это было слишком большой роскошью. Мы шли по дороге, неспешно, почти не разговаривая, потому что любой разговор в итоге вышел бы к Сен. А так мы могли просто о ней думать.

Вечером нас подобрала маленькая процессия беженцев, двигавшихся к восточным землям. Те, кто не был совсем уж укоренён в Северном Царстве, решили уехать. Люди это были незнакомые, но не злые – они подобрали двух стариков, не стали задавать лишних вопросов и даже кормили нас три дня, пока пути не разошлись. Мы переждали день в приграничном селе, жители которого путались в вопросе, к кому они, собственно, относятся – к Северу, к Тёмной Империи или к восточным провинциям. А потом направились в Тёмную Империю с обозом, везущим вяленых гусей, – традиционный местный промысел.

Обоз шёл две недели, а следом за нами, настигая, неслась зима. Запах вяленых гусей (их набивали сухим горохом и солью, а потом полгода, до зимы, сушили на ветру) поначалу казался приятным, но к концу пути я подумал, что больше никогда в жизни не съем ни одного гуся.

Впрочем, что там осталось, той жизни?

Трясаясь на повозке, придерживая Миру – та почти всё время спала, я думал о Сен. Куда её забросило? Сможет ли она защитить себя, если потребуются, не забудет ли руны? Догадается ли послать весть... впрочем, куда её слать – в Рунное Древо, где нас уже нет и которое весной падёт под ударом Тёмной Империи?

Мир, особенно нынешний, не лучшее место и для взрослого, что уж говорить о ребёнке.

Ещё я вспоминал другую Сеннеру – не монстра, а пророчицу. Она предсказала мне три имени – Танри, Мирарек, Уинвард.

С Танри и Мирарек всё ясно. Они придумали, как поворачивать время вспять, возвращать его волшебнику. Испугавшись, что слишком многое рассказали в своей статье, устроили восстание. Сожгли мир, чтобы скрыть одну-единственную книгу. А потом разошлись, расстались...

Что-то тут было неправильно. Я вспоминал статью, которую написали почти век назад Танри и Мирарек. Если люди, так увлечённо работающие вместе, расстаются – то не через какой-то год. Нужно много времени, чтобы развести их в разные стороны.

А Уинвард? Юноша-маг, ему было не то пятнадцать, не то шестнадцать, некоторые вообще утверждали, что десять лет, другие настаивали на двадцати. Он-то тут при чём?

Правду мог открыть только Тёмный Властелин. И он же, со всей его мощью, опытом, накопленными знаниям мог отыскать Сеннеру. Разъяснить, что сотворила Мирарек.

Конечно, если сам это знал.

Мира лишь один раз спросила меня, не поторопился ли я убить старую волшебницу. Я и сам думал об этом столько раз, что ответил быстро и резко: нет, не поторопился. Нет, выхода не было. Нет, мы не стали бы союзниками. Мирарек убила бы меня, едва лишь чуть-чуть пришла бы в себя.

Мира смотрела на меня с минуту сонными глазами, а потом сказала, что верит.

В столице, куда мы вернулись после десяти лет отсутствия, всё изменилось. Порт вырос, стал куда больше, и кораблей в гавани прибавилось. Через реку появилось два новых моста – красивых и широких. Даже на окраинах улицы вымостили булыжником. Пустырь, на котором когда-то ночевали бездомные и бродяги, превратился в парк – красивый даже сейчас, когда с деревьев облетела листва, а фонтаны выключили. Экипажей на дорогах тоже прибавилось, причём помимо частных карет и наёмных колясок в изобилии появились «линейки» – огромные кареты, курсирующие по заранее определённым маршрутам. Такую можно было остановить, сесть на длинную скамью и проехать весь город за мелкую денежку. На стражниках была новая форма – яркая, праздничная, будто они не за порядком следить, а развлекать горожан вышли на улицы.

А ещё постоянно встречались изменённые. Увидев первого, я вздрогнул – по улице шествовал юноша с ногами длиной метра в два, мускулистыми лапами вместо рук и гривой волос на спине. Он был одет в широкие штаны и что-то вроде меховой жилетки, лицо юноши выглядело вполне человеческим, молодым и мирным. Изменённые росли медленно, значит, этот был из первых, созданных лет десять назад. Горожане на него реагировали спокойно, расступались, но без опаски – как перед обычным человеком изрядного роста. Потом навстречу изменённому выскочил мальчишка, что-то прокричал – изменённый нагнулся, подхватил его, легко поднял на уровень второго этажа и поставил на балкон. Мальчишка хохотал, махал изменённому рукой. Тот улыбался. Вышла женщина, обняла мальчика и протянула изменённому руку. Монстр церемонно пожал её – и зашагал дальше по улице.

Мы с Мирой обменялись понимающими взглядами.

Творения Ирбрана и Секта стали частью Тёмной Империи. Когда-то это были редкие гости из дальних концов света или древние создания, секрет происхождения которых был утерян. Теперь же они превратились в рядовых граждан, необычных, но никого не пугающих.

Я вдруг подумал, с ужасом и отвращением, что натурфилософам больше нет нужды воровать или покупать детей со слабыми магическими способностями. Теперь, пожалуй, дети сами мечтают измениться. Стать летающими, плавающими, ползающими в земле, шагающими и прыгающими на недоступные людям расстояния. Быть может, им даже обещана выслуга лет, по истечении которой их превратят обратно в людей. Быть может, им даже не требуется лиана из зловонных южных лесов, они подчиняются сами, добровольно, как обычные солдаты.

Тёмный Властелин снова победил.

То, что нам казалось чудовищным и жутким, внезапно превратилось в часть повседневной жизни. Десять лет назад мы думали, что бежим от кошмара, в который погружается Тёмная Империя. А оказалось, что кошмар мы унесли с собой.

Обоз направился к рынку, а мы вышли на бульваре Юности и Чести, который раньше назывался одновременно и проще, и помпезнее: улицей Первого Героя. Уинварда всегда называли Первым из уважения к его юности, дальше шли Вторая и Третья Героини, Фреда и Мирарек, потом уже ничем не примечательный Танри, любвеобильный Реджар и старичок Сигну.

Забавно, я никогда раньше не задумывался о причинах такой последовательности. Ну ладно, Уинвард был юн, но ведь как раз юность не верит в смерть и склонна к безрассудству. Героизм женщин всегда вызывает уважение; видимо, поэтому они заслужили второй и третий номера в порядке перечисления? А Танри – если забыть о том, кто он, чем удостоился четвёртого места? Хорошо, допустим, что своей скромностью... посмеёмся вполголоса и допустим. Ну а пылкий Реджар, считавший себя то мужчиной, то женщиной? Почему он идёт раньше Сигну? Потому что Сигну был стариком, ему было под семьдесят? Неужели считается, что старику легче идти на смерть? Мол, прожил жизнь, пора бы и умереть красиво?

Я вот ничуть не стремился в могилу. Может быть, потому, что на самом деле мне, страшно сказать, – всего двадцать пять? Мире двадцать семь, а мне двадцать пять – да мы же юнцы в старых согбенных телах! И пусть эти тела навязывают мыслям свой возраст, меняют что-то в том, как текут мысли, но мне двадцать пять и точка!

Под мелкой зимней моросью, от которой одежда становилась тяжёлой и влажной, мы прошли по бульвару, с любопытством разглядывая, что изменилось. На самом деле, кроме высаженных деревьев, кажется – лип, улица осталась прежней. Те же каменные добротные дома в два-три этажа, те же мощёные тротуары. У нас были приятели, живущие в клубе Уинварда, мы к ним порой заходили, и улицу эту помнили.

Я нёс саквояж, в который две недели назад Мира вместе с Сен сложили деньги, ценности и самую малость одежды. От своей одежды мы избавились, даже плащи на нас теперь были другие, фасона восточных провинций, из тонкой верблюжьей шерсти. Незачем было наводить любопытных на мысль о том, откуда мы приехали. А вот вещи Сеннеры все остались. Выложить их – означало признать, что дочь мы в ближайшие годы не найдём.

– Думаю, у нас день или два, – сказала Мира. – Может быть, три.

– Да, – согласился я.

Вряд ли нас ищут в столице, вряд ли ожидают такой наглости – явиться под нос к Тёмному Властелину. Но регуляторы проверяют каждого мага. Хлипкая легенда, которую мы придумали вместе, затрещит по швам при первой же проверке.

Но если мы не справимся за пару дней, то не справимся никогда. У меня при ходьбе начинало тяжело нить за грудиной, приходилось останавливаться и пережидать, пока сердце отпустит. Я мог подлечиться, обычными рунами или чьим-то здоровьем, незаметно вытянув немного. Но это стоило бы мне времени, и изношенное тело через несколько дней начало бы сбоить ещё сильнее.

Время. Я всегда думал, что умею его беречь и ценить. Оказывается – нет.

Мы подошли к клубу, когда короткий зимний день начал клониться к закату. На бульваре зажгли газовые фонари, причём без всяких фонарщиков, мы как раз шли мимо одного, когда начал шипеть газ, потом блеснула искра и фонарь засветился. Наверное, какая-то новая выдумка натурфилософов. Не все же они заняты тем, что совмещают детей с животными.

Клуб Уинварда выглядел почти как наш прежний. Все шесть клубов изначально были королевскими дворцами, в каком-то любил жить сам король, в другом обитала официальная супруга, к которой король порой навещался, в третьем – королевские отпрыски, четвёртый служил для официальных приёмов, пятый – для неофициальных развлечений, шестой... да тоже для чего-то требовался. Тёмный Властелин выстроил для себя замок на вершине горы рядом со столицей, а все городские дворцы пожертвовал магам. Разумеется, это весьма способствовало его популярности среди знатоков рун.

Мы подошли к дверям, я протянул руку, но Мира меня опередила, сама коснулась дверной ручки. Поморщилась.

– Что? – удивился я.

– Минута, – пояснила Мира.

Десять лет назад двери клубов снимали за вход секунду жизни. Что ж, цены растут всегда и на всё.

Мы прошли в большой светлый вестибюль. Несколько рунных светильников ярко пылали под потолком. Хотя это не изменилось, газовыми фонарями маги брезговали.

Навстречу вышел привратник – в яркой ливрее оранжево-голубых тонов, с привычно-вежливым холёным лицом. Боюсь, мы выглядели простовато по сравнению с ним, но зато не столь походили на попугаев.

– Позвольте вашу одежду, господин и госпожа...

Мира позволила снять свой плащ, я тоже повернулся к привратнику боком – так, чтобы тот увидел пустой рукав, и подождал, пока тот поможет.

– Я отдам плащи в сушку, – вежливо сказал привратник. – Что желают наши гости? Проводить вас в ресторан? Или вы желаете посетить библиотеку?

Я бы не отказался сейчас ни от того ни от другого. Но не сразу.

– Мы из восточных провинций, – сказал я. Возраст и дорога сделала черты наших лиц такими, что можно было назваться кем угодно, кроме разве что чернокожих южан. – Право приюта.

Привратник сдержанно кивнул. Сказал:

– Давно уже никто не вспоминал о праве приюта.

– Если оно не действует... – начала Мира.

– О нет. Всё, что было обещано век назад, действует и поныне, – торжественно сказал привратник. – Я имею честь провести вас в вашу комнату...

Право приюта было заявлено Тёмным Властелином сразу после Войны. Любой рунный маг из любого конца света мог приехать в любой клуб рунных магов и поселиться там на неделю, бесплатно получив скромное жилище и питание. Это был очень разумный ход, поскольку жилось тогда всем несладко, а подчёркнутое гостеприимство и открытость быстро завоевали симпатию рунных магов. Кто-то, пожив недельку, а то и месяц-другой (переходить из клуба в клуб не возбранялось), оставался в Тёмной Империи. Кто-то уезжал, но уже совсем с другим отношением.

Десять лет назад правом приюта ещё порой пользовались. Сейчас, оказывается, оно вышло из моды.

И всё же мы решили им воспользоваться. По традиции приехавших погостить магов не беспокоили, даже регуляторы первые дни к ним не заглядывали.

Да и денег у нас было немного.

Привратник вначале направился к лестнице, но потом передумал и длинным коридором провёл к небольшой комнате на первом этаже. Видимо, решил, что мы можем рассыпаться по дороге.

– Есть две хорошие гостевые комнаты на четвёртом этаже, – пояснил он. – Но возможно, вас устроит комната чуть проще на первом.

– Нас устроит, – сказал я, оглядываясь. Комната была вполне приличной. И кровать достаточно широкая для двоих, и умывальник есть.

Привратник бросил мимолётный взгляд на мою культу. Сказал:

– Восточные провинции – суровый край.

– О да, – вздохнул я. – Даже для мага и даже для старика. Три года назад, банда Исанха В-Меру-Рьяного... не в добрый час они решили грабить караваны.

– Но для них этот час оказался последним, милый, – поддержала меня Мира.

– Восток, – вздохнул привратник. – Но вы из Империи?

– О да, – сказал я. – Сорок лет как покинули Школу. Решили повидать мир, отправились на восток.

Так и впрямь бывало. Маги невеликой силы часто уезжали из Тёмной Империи поработать в странах, где с рунами были знакомы хуже.

– Отдыхайте, – сказал привратник. – Если захотите, то душевые открыты всю ночь, ресторан будет работать до трёх утра.

Он вышел, и мы остались вдвоём.

Вдвоём с нашей общей бедой.

Мы, конечно же, помылись и поели. Мира предложила помочь мне вымыться, я обиделся, объяснил, что одной руки мне хватает и вымыться, и задницу подтереть. Мира даже не возмутилась, ушла в женскую душевую, а я стоял под струями тёплой воды, неуклюже мылил своё тощее дряблое тело и думал, что же это на меня нашло, с чего я нагрубил жене.

Неужели это всегда так бывает? Неужели это и есть старость?

Когда мы пошли в ресторан, я взял Миру за руку, взглядом попросил прощения. Она махнула головой – «пустое», и мы вошли в зал.

Тут было людно. Тут сидели компании молодых и старых магов, но даже старые выглядели куда бодрее и благороднее нас. Стучали бильярдные шары, шлёпали о стол карты, в углу бард негромко пел под гитару для компании девиц слащавую балладу о любви и разлуке.

Нам стало не по себе.

Мы всё-таки сели в самом тихом месте, попросили еды – повторив про «право приюта», поели. Было вкусно. Нам даже налили по бокалу вина, хотя, мне кажется, раньше такого для дармоедов не практиковалось. Видимо, наш вид и пустой рукав моей рубашки вызвали сочувствие.

И мы торопливо, едва не заплутав в коридорах, удалились в свою комнату. Мира легла и сразу же, едва смежив веки, заснула. А я сидел на краю кровати, глядя на дрожащее пламя свечи и думал о том, какой же я беспомощный самоуверенный идиот.

На что я рассчитываю?

За пару дней понять то, в чём не разобрался за десять лет?

Стать круче, чем человек, сотню лет изучавший магию, придумавший, пусть и не в одиночку, эту руну?

Почему я думаю, что смогу?

Снова тяжело заныло в груди. В маленькое окошко колотил мелкий противный дождь.

Я просто старый маг. Скверный маг, да к тому же ещё и без времени.

И единственное, что заставляет меня двигаться и бодриться – то, что моя дочь неизвестно где, что её единственная надежда – мы с Мирой.

Я вызвал Уруз, руну тура, дикого быка, руну силы и бодрости. Влил в неё час, вздрогнув от холода, прошедшего по телу.

Но сонливость с меня сняло, и сил прибавилось.

Из саквояжа я достал блокнот и карандаш. Быстрыми взмахами нарисовал рунную фразу Акса Танри. Хорошо, что волколак зажевал мне именно левую руку, но в общем-то мне и рисовать было не обязательно, я слишком хорошо знал эти знаки.

Эта руна – не просто средство смертельного удара, отдачей бьющая в заклинателя. И не только способ вытянуть чужое здоровье, обменять своё время на исцеление.

Именно эта руна – ключ к времени. Она поворачивает поток, который всегда течёт лишь в одну сторону, она позволяет вернуть утраченное. Иначе не преследовал бы нас Тёмный Властелин, не расвирипела бы Мирарек – которая всё же не была беспросветно злобной, как бы я себя в этом ни убеждал.

Вот она. Источник силы Тёмного Властелина.

Я читал её от центра – и убил четверых магов, во много раз превосходящих меня по силе.

Я читал её от края – и выжал жизнь из изменённых, которые не очень-то магии подвержены.

Что ещё можно сделать?

Бустрофедоном её прочитать, слева-направо, а потом справа-налево? Самым нелюбимым дочкой способом?

Да не такая уж большая эта рунная надпись, чтобы подражать пахарю с плугом, идущему по полю...

Я задумчиво посмотрел на руну.

Порядок рун.

Дело именно в нём.

В заклинании руны читают одну за другой, если надпись прямая. Если заклинание свёрнуто в общий узор, как в руне Акса Танри, то его читают из центра или от периферии.

Никто никогда не читает руны абы как.

Но что мне говорила когда-то горская девочка по имени Сеннера?

«Ошибись дважды, стоя в центре и идя по краю, чтобы не ошибиться в третий раз».

Я начинал от центра.

Я начинал от края.

Настала пора прочесть руну так, как никому и в голову бы не пришло.

Что тут у нас?

Жизнь (она же Смерть), Человек (он же не-Человек), Удар, Радость (она же Горе), Нужда и Дар.

Шесть рун.

Или даже девять.

Я сглотнул вставший в горле комок.

Чтобы активировать руну, мне придётся отдать время. Много времени.

Если оно не вернётся – я умру.

Я посмотрел на Миру. Осторожно погладил её по седым волосам.

Потом перевернул лист бумаги и написал:

«Не от центра. Не от края. Люблю тебя».

Положил листок на подушку, задул свечу и в темноте тихонько вышел из комнаты.

Я не мог сделать то, что хотел, в комнате. Там была только Мира и оставшееся ей маленькое время жизни.

Я не хотел идти в ресторанный зал и красть время невинного человека... ну или просто испугать его и поднять тревогу, если я не прав.

Поэтому я пошёл в вестибюль.

Там никого сейчас не было. Добрый важный привратник ушёл и сейчас, наверное, мирно спит в своей кровати.

Зато на стене вестибюля была отполированная ониксовая плита.

Рунный камень, хранилище времени, в которую вливал свои секунды и минуты каждый входящий в клуб маг. Резерв для активации защитных рун и создания рунных амулетов, возможность нерадивому магу поменять время на деньги.

Я глубоко вдохнул, глядя на плиту.

Возможно, этот слоистый оранжевый камень – последнее, что я вижу в жизни.

– Я попробую, Сен, – сказал я и поднял руку. Обрубок левой тоже дёрнулся, но я прижал его к телу.

Гебо. Дар, который нам дан.

Альгиз. Жизнь, полученная нами.

Манназ. Человек, вступивший в мир.

Вуньо. Радость, идущая с нами.

Перевернутая Вуньо. Горе, вечный спутник радости.

Наудиз. Нужда, что неизбежно ждёт нас в пути.

Перевернутый Альгиз. Смерть, приходящая ко всем.

Перевернутый Манназ. Пустота и забвение.

Турс. Действие, вопреки смерти и пустоте, удар из могилы, из тьмы, из бесконечной пустоты.

Руны взвыли, полыхнули белым огнём, раскинулись передо мной – и я стал лить своё время в них, в жадно полыхающую топку вечности, где руны загорались одна за другой, ломая мироздание и выворачивая его наизнанку. Мне показалось, что здание затряслось, но, может быть, это подкашивались мои ноги, а руны всё наливались и наливались светом, пока одна за другой не застывали, насытившись...

Гебо...

Альгиз...

Манназ...

Вуньо...

Я потянулся за временем, чтобы насытить перевернутую Вуньо – и вдруг ощутил дно.

Времени больше не было.

Я выбрал себя досуха.

Я понял слишком поздно, мне не хватит жизни, чтобы стать бессмертным.

Я не смогу, не смогу закончить эту руну!

Жалкие стариковские слёзы потекли по моим щекам, пока я балансировал на последних секундах, страшась и желая влить их в бездну.

А потом Мира обняла меня, и её время потекло в руну Акса Танри.

Перевернутая Вуньо...

Наудиз...

Перевернутый Альгиз...

Перевернутый Манназ...

Её время тоже кончалось – вместе с моим.

И мы напоили Турс последними секундами.

Мир наполнился ослепительным светом, и я увидел его – время. Бескрайнее море, раскинувшееся вокруг. Насмешливо смотрящее на нас: где вы были раньше? Чего вам не хватало, из-за чего вы страдаете, плачете, убиваете? Вот же я, нескончаемое и вечное.

Время.

Я втянул в себя сразу десяток лет. Рядом вдохнула и вскрикнула Мира.

Это было как любовь, только ещё сильнее.

Океан света качался вокруг, и мы замерли посередине.

Я вдруг понял, что могу захлебнуться в нём. Могу впитать столько, что растворюсь, унесусь в никуда.

И я оторвался от руны, погасил её. Придержал Миру, но понял, что она не нуждается в этом.

Её волосы были белые, но уже не от старости, а глаза яркие и живые.

– Сразу много не надо, – прошептал я. – Привратник удивится.

Кажется, нам было примерно по тридцать.

– Да пусть хоть удавится, – сказала Мира.

Руна шестнадцатая, Соулу

Привратнику не пришлось ни удивляться, ни накладывать на себя руки: утром в вестибюле дежурил другой человек, совсем молодой парень. На нас он взглянул без удивления, видимо, мы прекрасно подошли под описание «волшебник и волшебница, старые, с восточных провинций, у старика нет левой руки».

А вот официант в ресторане был тот же, что и вчера, и он выглядел удивлённым. Одно дело – маг, постаревший за ночь. Совсем другое – омолодившийся.

– Важная встреча, – сказала ему Мира, не очень удачно имитируя старческий голос. – Времени жалко, но надо выглядеть моложе, перспективнее. Да... принесите хороший завтрак? Мы заплатим.

Официант успокоился. Безрассудных магов, создающих себе иллюзию молодости, он повидал немало.

Мы съели яичницу с травами и сыром, сосиски из перепёлок, выпили по чашке крепкого кофе. Молча. Только иногда смотрели друг на друга и начинали улыбаться.

Будь официант поумнее и понаблюдательнее, он бы при виде этих улыбок отправился к шеф-повару, взял расчёт и уехал в другой город. А может, и в другую страну.

– Всё-таки без руки неудобно, – сказал я.

– Ты очень ловко обходишься одной вилкой, – заметила Мира.

– Да я не про еду. Мне на тебя рук не хватает, – объяснил я.

– Ну... мне показалось, что ты неплохо справлялся, – лукаво сказала Мира.

Впитав время из рунного камня, мы уснули не сразу.

– Старался, – согласился я. – Мира, нам надо будет уходить. Такой выброс времени, как случился ночью, мог насторожить кого угодно.

– Кого не нужно, – уточнила Мира.

– Да.

– Подумаешь, выброс, – сказала Мира. – Я видела такой в Академии, когда спятившая волшебница спалила всё дотла.

– А если повелитель чувствует, куда течёт время?

– Хорошо, – согласилась Мира. – Теперь нам и впрямь нечего тут делать.

Мы взяли ещё по чашке кофе. Я изучал портрет над дверью ресторана. Как и в нашем клубе, здесь был изображён местный Герой – Уинвард. Художник трижды отошёл от канона, изобразил юношу совсем мальчишкой, не впереди, а позади других магов и не умирающим с героической улыбкой на лице, а выпрямившимся во весь рост и торжествующим. Уинвард был стройным, чернокожим, как уроженцы самых южных провинций, хотя ни рост, ни цвет его кожи никто точно не помнил.

– Уинвард, – сказал я. – Мне не даёт покоя это имя в предсказании. Лунная Дева всё сказала верно, но найти связь между Танри, Мирарек и Уинвардом я не могу.

– Да неважно это, – ответила Мира. – Он – их сын. Или был не столь юн и крутил роман с моей тёзкой.

– Что-то тут важное, – повторил я упрямо. – Мира... а что Лунная Дева сказала тебе?

– Я же говорила, – Мира сразу помрачнела. – Велела верить. «Доверяй Грису, когда в тебе не останется ни капли веры».

– Мира... – я покрутил в руке чашку. – Пророчица не говорила так просто.

– Грис, отстань!

– Мира, мы собираемся сейчас взять за глотку самого сильного мага на Земле. А ты о чём-то умалчиваешь.

Жена подняла на меня взгляд.

– Хорошо. Пророчица сказала: «Доверяй Грису, когда в тебе не останется ни капли веры. И останови его, когда будешь верить всей душой».

Я подумал немного. Спросил:

– И всё?

– Да...

– Именно это ты не хотела мне говорить? Семь лет в себе таила?

– Да! – возмутилась Мира. – Но это же... это свинство, предательство!

– Почему? Жена должна верить мужу. И должна вовремя остановить, если тот ошибается. Вот и весь смысл того, что тебе сказали. Так и поступай!

Мира возмущённо смотрела на меня. Потом покачала головой:

– Грисар! В тебе нет никакой романтики, никакого трепета перед пророчествами!

– Конечно же нет, – ответил я. – Пророчество – это картинки будущего, выхваченные волшебником, когда вокруг кипит время. Та бедная девочка потому и старела так быстро, что ей потребовалось заглянуть на семь лет вперёд и увидеть то, что ещё не случилось.

– Почему тогда было не сказать всё прямо? Как использовать руну, что задумали враги?

– Потому что тогда бы этого не случилось, – пояснил я. – Я над этим думал. Главная проблема пророчества не в том, чтобы заглянуть в будущее. Когда маг теряет слишком много времени, это даже случайно происходит. Главное – предсказать так осторожно, чтобы человек вспомнил нужные слова в нужный момент, а не раньше. Чтобы человек не ломал пророчество, а исполнял. Никакого трепета и мистики, сплошная логика.

– Ты говоришь как натурфилософ, – пробормотала Мира. – Кошмар! Я живу с человеком, начисто лишённым благоговения перед тайнами природы.

– Кстати, о натурфилософах, – кивнул я. – Может быть мы начнём с нашего старого друга?

Мира пожала плечами.

– Почему бы и нет? Надеюсь, он не сменил место жительства.

Мы встали из-за стола, я щедро расплатился – деньги теперь не значили ровным счётом ничего. Мира заглянула за саквояжем с вещами, оставлять одежду Сен она не хотела ни в коем случае.

И мы отправились в тупик Семи Радостей.

Это было так необычно – снова идти по улицам родного города и снова быть молодым. Город изменился за десять лет, накануне он показался чужим, словно знакомый актёр, накрашенный к представлению. Но утро смыло с улиц вечерний грим, исчезли нелепые фигуры изменённых, новомодные фонари, странные фасоны одежды, маршрутные экипажи. Город стал почти прежним, почти нашим.

И мы были почти прежними.

Дороги было больше чем на полчаса, но мы не стали брать экипаж. Мы не спешили. Мы наслаждались движением.

В какой-то момент навстречу нам прошёл регулятор – молодой мужчина, судя по выправке, бывший военный. Его взгляд скользнул по нам, но на лице ничего не отразилось. Если нас и искали, то не таких нас.

Мы с Мирой переглянулись и рассмеялись.

Тупик Семи Радостей теперь выглядел поприличнее. Грязноватая узкая улица, когда-то ведущая мимо него, была расчищена, ухожена и превратилась в широкий проспект, ведущий в сторону гор и замка Тёмного Властелина.

Неужели для того, чтобы профессору было удобнее добираться к повелителю? Похоже на то. Старые казармы так и стояли пустыми и заброшенными, но забор вокруг них починили, покрасили и даже подняли немного, скрывая от глаз прохожих. Мостовую переложили, никаких рытвин и ухабов не осталось. Все остальные дома, помимо особняка доктора Секта, тоже выглядели отремонтированными и жилыми. Да и жуткие мёртвые деревья отовсюду исчезли, вместо них росли живые, некоторые так даже с уцелевшей несмотря на наступающую зиму листвой.

– Доктор Сект остался верен родовому гнезду, – сказала Мира.

– А городские власти сочли полезным обустроить окрестности, – кивнул я.

– Да и соседи оценили преимущества жизни рядом с любимцем Тёмного Властелина, – закончила Мира.

Я поймал себя на том, что мы говорим как один человек, подхватывая слова друг за другом. Первый раз с той ночи, как мы покинули Рунное Древо. Даже раньше такое у нас было нечасто. И шли мы, не стовариваясь и не подстраиваясь, нога в ногу, плечом к плечу. Я – справа от Миры, чтобы обрубок руки был с её стороны. Пальцы правой руки у меня шевелились, будто вычерчивая в воздухе руны, иногда я не выдерживал, вливал в них секунду-другую – и Турс оставлял зарубку на камнях, или Кано вспыхивала в воздухе огненным факелом.

– Не балуйся, – строго сказала Мира. – Как дитё...

Мы подошли к воротам. Я подёргал рычаг, в доме зазвенел колокол.

В прошлый раз нам пришлось ждать минут пять, пока появился единственный слуга и по совместительству соглядатай доктора Секта.

В этот раз тратить время не пришлось. Дверь особняка открылась сразу же, к воротам подошли несколько человек. Приоткрывший окошко в воротах – явно дворецкий, вышколенный, гордый своей работой, и получает, пожалуй, побольше иного мага.

А за его спиной стояли два охранника. Один – темнокожий наёмник, другой – молодой рунный маг.

– Чем могу служить? – спросил дворецкий.

– К доктору Секту, – ответил я.

– Профессор Сект не принимает незнакомцев, тем более – без предупреждения, – снизошёл дворецкий до объяснений.

– Нас примет, – сказал я.

Дворецкий помрачнел, шагнул в сторону. Охранник и маг выступили вперёд, уставились на нас через смотровое окошко с явным ожиданием, что мы немедленно ретируемся.

– Не стоит, – сказал я. – Право, сегодня слишком хороший день, чтобы умирать.

Глаза мага вдруг расширились. Он нас узнал. Несмотря ни на что – узнал. И рванул ставню окошка, пытаюсь его закрыть. Правильный поступок – накладывать руны, когда не видишь цель, всегда сложнее.

А ещё он стал зажигать руны.

Мира вскинула руку и нас прикрыл щит. Что ни говори, а защита у неё всегда получалась лучше, чем у меня.

Я ударил в ворота Турсом – размашисто, будто исполинским молотом. Руна гулко вздохнула, скреплённые стальными полосами доски раскрошились, ворота затряслись, но устояли. На них были нанесены руны – после моего удара они начали разгораться, выстраивая цепочку защитных, а, быть может, и боевых построений.

Я пожал плечами и влил в Турс десять лет.

Ворота взорвались, щепками и железными осколками вонзившись в стены особняка. Охранника и мага унесло ударом – и притвозило к стене.

Дворецкий, стоявший чуть в стороне, остался невредим.

– У тебя счастливый день, – сказал я.

– Выходной, – уточнила Мира.

И мы вошли во двор.

Охранник был уже мёртв, а маг ещё жив.

– Прости, тебе это больше не нужно, – сказал я, разворачивая руны Акса Танри. Время, которое магу не суждено было ни истратить, ни прожить, хлынуло ко мне. Я взял двадцать лет, а десять отдал Мире. Больше у волшебника не было, отпущенный ему срок оказался короток.

Мы с Мирой переглянулись. Мы были безумно юны. Как в тот день, когда увидели друг друга.

– Нет времени на уговоры, – сказал я. Постучал по двери, и мы вошли.

Внутри особняк тоже преобразился. Всё очень чисто, мебель большей частью новая, дорогая. Прибавилось вещей необязательных и оттого уютных – картин на стенах, высоких ваз на полу, ярких тропических цветов в фарфоровых кадках.

Жилище старого мизантропа было не узнать!

– Доктор Сект! – крикнул я. – Простите – профессор Сект!

Как странно – я помнил этот особняк, хоть мы и провели тут всего лишь полдня. Вот просторная столовая зала, тут лаборатория... ага, двери новые, плотно закрыты. Обновили инвентарь, профессор? Берёте работку на дом?

– Грис...

Мира тронула меня за плечо. Я повернулся.

Двери на кухню были открыты. Пожалуй, кухня осталась единственным местом, которое совсем не изменилось, а стало ещё более захламлённым и оттого уютным.

За столом сидел профессор Сект – такой же высокий и нелепый, как раньше. Постаревший, но не сильно. Мятый домашний сюртук и заляпанная какими-то пятнами рубашка не добавляла ему импозантности. Напротив Секта сидела молодая симпатичная девушка, с ужасом глядя на нас. На коленях у Секта сидел малыш лет трёх, взиравший на нас спокойным взглядом любимого и ничего не опасющегося ребёнка. Рот малыша был измазан кашей, которой его пытался кормить профессор натурфилософии, в ручонке он сжимал золочёные очки Секта.

– Услышав шум, я сразу предположил, что это вы, – сказал Сект. Взял со стола салфетку, вытер малышу рот и передал его девушке. Погрозил малышу пальцем и забрал очки, водрузил их на нос. Поднялся и пошёл к нам.

– Котик! – воскликнула девушка.

Надо же. Он, оказывается, котик!

– Завтракайте! – строго сказал Сект. – У меня серьёзный разговор!

Он подошёл, осмотрел нас. Покачал головой.

– Прошло десять лет. Невозможно, даже если вы не тратили магию. Значит, вы...

– Да, – сказала Мира. Кивнула в сторону кухни. – Объект ваших изысканий?

Не знаю, зачем она это сказала. Хотела уколоть Секта, вывести из равновесия? Ребёнок, хоть и мелкий, был его вылитой копией.

– Это мой сын, – сказал Сект. Пожевал губами. – Я попрошу вас не трогать мою семью.

– А девушка? – спросила Мира. – Няня?

– Жена, – почему-то смутился Сект. – Няня ушла на рынок за свежим творожком...

Слово «творожок» от Секта прозвучало не менее смешно, чем «котик» от его жены.

Мира вдруг погрозила девушке пальцем, и та, вжав голову в плечи, крепко прижала к себе малыша.

– Она – слабый рунный маг, – сказала Мира. – Пытается строить щит... пожалели материал, профессор?

– Я не называю участников изменения «материалом», – вскипел вдруг Сект. И тут же осёкся. – Так говорил Ирбран. Полагаю, о его судьбе можно не спрашивать?

– Верно полагаете, – сказала Мира. – Так я права? Спасли, выходит, девочку?

– Она оказалась слишком взрослой для изменения... – Сект запнулся. Вскинул голову. – Да. Спас. Я прошу вас не трогать их. Я понимаю, что в силу всего происходящего... но я не могу не просить...

– Да уймись ты! – прикрикнула Мира на юную супругу профессора. – Не тронем мы ни тебя, ни твоего ребёнка! Только морщин себе зря нагонишь!

– Пойдёмте, поговорим, – сказал я. – Может быть, в лаборатории?

– Где? А... – Сект потёр лоб. – Ну да...

Он открыл дверь в лабораторный зал, та была не заперта. И мы оказались в комнате, чьё прошлое было бы невозможно угадать.

Огромная детская комната – с пушистым мягким ковром на полу, горой игрушек – деревянные солдатики, лошадка-качалка, игрушечный дом для кукол, который скорее впору увидеть у девочки, какие-то мячики, кубики. Стены выкрашены в нежно-голубой цвет, потолок тоже расписан под яркое летнее небо с пушистыми облачками, мягко, как настоящее солнышко, светит на потолке руна...

– То есть дома не работаете? – сказал я.

– Что? Да... – Сект аккуратно прикрыл двери. – Я мало работаю, всё поставлено на поток. Я занимаюсь изысканиями обратимости и гибкости изменений. Повелитель не считает это первостепенно важным, но для мотивации изменённых эти исследования...

Он замолчал и снял очки. Сказал:

– Я догадываюсь, что вы прошли через всевозможные лишения и испытания. И ваше отношение как ко мне, так и к натурфилософии далеко от благожелательности.

Он покосился на мой пустой рукав.

– Плевать нам на вас, – сказал я устало. – Что вы всё о себе да о себе? Говорите, как нам найти Тёмного Властелина. Он в замке?

– Конечно в замке. Вы, вероятно, переняли заграничные представления о нашем повелителе как об источнике зла, – сказал Сект. – Но вспомните

историю. Вспомните, через какие испытания страна прошла век назад. Хотите снова ввергнуть её в хаос? Изменённые более не порождения кошмаров и не результат злодейских экспериментов...

– У нас есть к нему разговор. Может быть, даже все останутся живы, – сказала Мира.

Сект надел очки и непонимающе посмотрел на неё.

– Нам просто нужно с ним поговорить, – сказала Мира. – Всего лишь поговорить. Если он объяснит нам кое-что...

– У нас похитили дочь, – сказал я. – Другая Героиня Великой войны, глава Совета рунных мастеров Севера. Мирарек Ридор. Равными с ней знаниями обладает только повелитель.

– Так вы всё знаете... – прошептал Сект.

– Да. Мы можем разойтись мирно. Нам нужна встреча с Тёмным Властелином. Он может явиться сюда?

Сект вытаращил глаза.

– Что? Нет, конечно нет! Он не может, и он бы не захотел, вы переоцениваете... Но у вас очень выигрышное положение, дорогой Грисар! Вы сами не представляете, насколько выигрышное! Конечно же, есть повод для встречи и переговоров.

Натурфилософ явно приободрился.

– Всё так сложно, – сказал он, потирая руки. – Но... но не безнадежно! Я готов выступить посредником. А пока будут идти переговоры о встрече, мой дом в вашем полном распоряжении!

– Вы не поняли, профессор, – сказала Мира. – У нас есть всё время мира, но мы больше не собираемся ждать. Встреча состоится сегодня. Прямо сейчас. У вас есть связь с Тёмным Властелином?

– Есть руна связи, – сказал натурфилософ с обидой. – Конечно же. Но я вас уверяю...

– Где руна?

Профессор достал из кармана плоский деревянный ящичек, открыл, извлёк серебряную пластинку. Виновато произнёс:

– Я освоил определённые навыки, если не ошибаюсь...

Мира молча забрала руну из его рук. Согнула пластинку и бросила на пол. Сказала:

– Обычно делается так.

Мы стояли и смотрели на руну. Ничего не происходило.

А потом послышался голос. Станный, сдавленный и хриплый, будто задыхающийся.

– Грисар и Мира. Вы прекрасно выглядите.

Сект зажевал губами и отступил на шаг, будто опасался услышать комплимент в свой адрес.

– Нам необходимо встретиться, повелитель, – сказал я.

Тёмный Властелин тихо засмеялся.

– Неужели? Я давно пытался организовать нашу встречу, но вы отказывались.

– Повелитель, у них есть то... – начал Сект.

– Замолчи, – оборвал его повелитель. – Я не слеп. Так что вам от меня нужно?

– При встрече, – ответил я. – Приходите.

Повелитель вздохнул.

– Увы, невозможно. Но вы можете прийти в мой замок.

– Договорились, – сказала Мира.

– Я уже организовал вам эскорт, – сказал повелитель. – До встречи.

Пластинка на полу рассыпалась пылью.

Сект вытер вспотевший лоб.

– Видите, как всё просто? – сказал я. – А вы нервничали.

– Возвращайтесь к домашним делам, – посоветовала Мира. – Не смеем больше задерживать.

Сект кивнул.

Мы вышли в столовый зал – жены и ребёнка Секта на кухне уже не наблюдалось. Им хватило ума не дожидаться ни няни с творожком, ни профессора с переговоров.

– Мне не понравились слова про эскорт, – тихо сказала Мира.

– Ага, – согласился я. – Но, кажется, я понял в чём мы ошибались. И если я прав, то всё не так страшно.

Мы двинулись к выходу – и тут нас окликнул Сект.

– Грисар... одну минуту.

Мы остановились, пока Сekt, переступая через ступеньки, унёсся наверх, стукнули двери, что-то зашумело, зазвенело бьющееся стекло. Я пожал плечами. Хотелось верить, что натурфилософ не наделает глупостей.

Сект вернулся, сжимая в руке маленький флакон мутно-зелёного стекла.

– Это то, что я когда-то обещал, – пояснил он, показывая флакон. – Очень сложный процесс, пока он не отлажен должным образом, лишь концепт, но... Помните ту первую изменённую девочку? Сеннеру?

– Помним, – мрачно сказала Мира.

– Я обещал ей и я работаю над процессом разъединения, – сказал Сekt. – Как я понимаю, она в личной охране повелителя. Если в процессе ваших... переговоров... удастся облегчить и её судьбу – я буду рад. Скажите, что надежда есть. Она никогда не хотела быть изменённой. Не понимаю – ведь возможности, которые она обрела, уникальны, и...

– Так это работает? – уточнил я, потянувшись к склянке.

– И да, и нет. С одной стороны, раствор работает, но с другой – он смертелен для всех частей изменённого. Но это ведь серьёзный шаг вперёд!

– Балбес вы всё-таки, профессор Сekt, – сказал я и ушёл, оставив его со склянкой в руках.

Снаружи было тихо. Два неподвижных тела, с которых уже натекали лужи крови, по-прежнему висели на стене особняка, припиленные к нему осколками.

– Ау! – сказала Мира. – Где же наш эскорт?

Мы вышли в тупик Семи Радостей, огляделись.

Никого.

Тишина.

– Мне не нравится, – сказал я. – Если что...

– Я твой щит, – сказала Мира.

– И моё время, – добавил я с нежностью.

– Сколько тебе будет нужно? – спросила Мира.

– Всё, до чего дотянешься, – сказал я и зажёл на своей единственной руке руну.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Мира покачала головой.

– Грис. Мы собираемся сделать страшную вещь.

– Да, – кивнул я.

Мы пошли по гладко уложенному бульжнику, мимо мёртвых уже век казарм и нарядных, но притихших домиков.

– Героев было шестеро, – сказал я. – Они могли импровизировать. У нас большого выбора нет.

– Не надо уговаривать, – ответила Мира. – Во мне нет веры, что ты прав, значит, я доверюсь тебе.

Мы вышли из тупика на перекрёсток и сразу увидели наш «эскаорт». Трудно не заметить толпу, в которой не меньше нескольких сотен человек и изменённых. Они заполняли весь проспект, ведущий к горам.

Нас ждали на том же самом месте, где мы когда-то сразились с регулятором Эмиром. Случайно? Или Тёмный Властелин увидел в этом какой-то символизм? Дать бой и победить там, где он не справился десять лет назад?

– Не могли они так быстро собраться, – сказал я.

– Всё-таки нас узнали в клубе, – предположила Мира.

– Или на улице.

– На улице.

«Эскаорт» явно был собран второпях. Тут были и военные, и полицейские, и маги, и изменённые. И регуляторы, конечно же. Один стоял впереди – тот самый, кого мы встретили по дороге к Секту.

– Вот надо же было тебе оказаться таким внимательным, – пробормотал я.

Регулятор вышел вперёд.

– Повелитель ждёт вас, Грисар и Мира, – сказал он вежливо.

– Мы дойдём сами. Право же, не стоит отвлекать занятых людей, – откликнулась Мира.

– Увы, но просто так пройти к повелителю нельзя, – сообщил регулятор. – Есть обязательная процедура...

Из толпы вышла немолодая женщина, на которой можно было повесить табличку «натурфилософ». А можно было и не вешать, и без того было понятно, кто она. В руках у женщины была сумка из плотной ткани, из которой она бережно достала прозрачный сосуд.

Отросток лозы Жохар-до-Лакши извивался в стеклянном плену.

– Да вы с ума сошли, – сказал я. – Нет.

– Мы вынуждены настаивать, – сказал регулятор твёрдо.

– Можно подумать минутку? – спросил я. – Спасибо. Нет. Простите.

И руна Соулу в моей единственной руке вспыхнула тысячью солнц.

Руна двадцать четвёртая, Одал

Даже в горах пахло гарью.

Я никогда не был у замка Тёмного Властелина. За небольшую плату к замку возили экскурсии, людей водили по части внутренних залов и устраивали перед замком костюмированные представления – обычно о Великой войне. Детям раздавали флажки и фигурки Героев, взрослых угощали крепким тёмным элем. Повелитель всегда понимал, что любовь работает лучше, чем страх.

Но до этого дня я к замку так и не выбрался. Вблизи оказалось, что сверкающие белые стены ещё и поблёскивают разноцветными искорками – их сложили из драгоценного северного мрамора. Очень красиво.

Город внизу тоже выглядел роскошно – горстью драгоценностей, брошенных на берег моря. Крыши высоких зданий у нас крыли железом и стеклянной черепицей, они сверкали на полуденном солнце, будто приветствуя замок повелителя.

Вот только чёрная выжженная полоса, идущая из центра города вверх, к горам, впечатление портила. Соулу – это не только свет. Это ещё и жар. Нестерпимый жар, если у тебя достаточно времени.

Вначале мы поднимались по дороге пешком, утопая в жирном чёрном пепле. Потом увидели в переулке брошенный экипаж – поводья зацепились, и лошади не смогли убежать. Мы успокоили животных руной и поехали вверх на маленькой двуколке, мимо разбегающихся горожан, всё дальше и дальше от выжженного проспекта.

Нас больше не пытались остановить. Думаю, повелитель успел бы призвать и десять, и двадцать тысяч солдат и магов. Но когда ты можешь забрать всё время противника, число ничего не значит.

– Надеюсь, теперь Танри готов к переговорам, – сказала Мира.

Я промолчал. Мы прошли через открытые ворота во внутренний двор, стали подниматься по широкой лестнице к дворцу. Лестница тоже была из мрамора, каким образом она оставалась белоснежной десятилетиями, ума не приложу.

Хотя на самом деле всё очень просто.

Лестница-то, может быть, и древняя. А вот пластины мрамора на ней регулярно меняют. Вот и кажется людям, что мрамор не пачкается.

Мы поднимались, прикрытые щитом, который держала Мира. Даже не подвергаясь атакам, щит сжигал сутки времени в минуту. Но теперь это было неважно, совсем не важно.

Два подростка шли во дворец непобедимого Тёмного Властелина. Мне снова было пятнадцать, Мира – семнадцать. Ремень на штанах мне пришлось затянуть на последнюю дырочку.

Я всё ждал, что сработает какая-нибудь ловушка. Здесь просто обязаны были быть рунные заряды, способные испепелить, раздавить, обрушить в пропасть нападающих. Но ничего не происходило.

И я, кажется, понимал почему.

Широченные и высокие двери замка были из белого металла, похожего на серебро. Если бы они были закрыты, то выгравированный на них барельеф изображал бы толпы ликующего народа в самом низу, мужественных стражей чуть выше, умных натурфилософов над стражей, рунных волшебников почти на самом верху и исполинскую фигуру Тёмного Властелина на вершине пирамиды. Но двери были открыты, и тёмная щель рассекала и народ, и армию, и мудрецов, и самого повелителя.

В проёме двери стояла изменённая девушка.

Сеннера выросла за эти годы. По росту ей можно было дать лет пятнадцать. Искажённое лицо, конечно же, возраст не выдавало. На ней были просторные одежды из тёмной ткани, глаза опущены – но мы её узнали.

– Сеннера! – воскликнула Мира.

Изменённая медленно отступила в темноту.

– Она под влиянием лозы, – сказал я. – Если нападёт – прижимаем тяжестью, хорошо?

Глупо и нелогично, наверное, жалеть одну-единственную изменённую после побоища, которое мы устроили в городе. К тому же, мы были вновь до неприличия молоды и безжалостны, как могут быть только юнцы. Но Мира глянула на меня с удивлением.

– Конечно, Грис. Бедная девочка ни в чём не виновата.

Мы вошли в замок – Сеннера маячила поодаль, всё такая же молчаливая и даже не глядящая нам в глаза. При нашем появлении она двинулась в глубину замка, и мы пошли за ней.

– Как думаешь – ловушка? – спросила Мира.

– Нет, – ответил я. – Идём.

И мы пошли.

Через галереи, куда пускали простых людей, – с картинами на стенах, старинными скульптурами, чучелами удивительных животных из дальних стран.

Через залы с подарками Тёмному Властелину от простых граждан – вырезанные на рисовых и маковых зёрнах портреты Героев, gobелены, вытканые женщинами из цветного шёлка, и ковры, сплетённые мастерицами из собственных волос, мечи, выкованные лучшими кузнецами во славу повелителя и украшенные сценами Великой войны, писчие приборы из драгоценных камней и минералов, предназначенные для написания новых могучих рун, и сами руны, вырезанные на драгоценностях, выточенные из дерева благородных пород, слоновьей кости и моржовых бивней. Всё то, что целый век дарили Тёмному Властелину, искренне или с корыстью.

Потом пошли залы и коридоры попроще, предназначенные уже не для посетителей, а для тех, кто помогал повелителю управлять страной. Здесь были низкие потолки, яркие рунные светильники сменились газовыми, а то и свечами. Целый зал занимали маленькие столы, на которых стояли затейливые механические устройства – рычажки с нанесёнными на них рунами и гражданскими буквами, листы бумаги, заправленные между валиками. На ходу я нажал один из рычажков – тот звонко шлёпнул по листу бумаги, оставив чёрный оттиск руны Одал, руны наследия. Удивительно! Что-то вроде крошечной печатной машины! Я представил, как в этом зале сидели девушки – да, почему-то казалось, что это должны быть именно девушки, и печатали какие-то документы, приказы, распоряжения. Ох и грохот же тут стоял!

Были большие залы, разбитые на клетушки невысокими, по пояс стеночками. Там тоже, вероятно, сидели и работали люди – я видел разбросанные бумаги, забытые чернильные приборы и курительные трубки, какие-то недорисованные схемы и чертежи.

Были залы, где явно экспериментировали с механизмами. Некоторые были понятны – механический молот, вот только расположенный рядом с огромным котлом и связанный с ним рычагами. Некоторые вещи были странные, а назначение их туманно. К примеру, что за устройство – здоровенная труба, в прошлой жизни бывшая геликоном или тубой, закреплённая на ящике, над круглым диском из чёрного твёрдого материала?

Была и столовая, человек на пятьсот, в которой ещё пахло едой, а на столах стояли тарелки с недоеденным супом и рагу.

И никого. Ни охранника, ни мага, ни клерка.

Словно, как только мы испепелили сводный отряд Тёмного Властелина, он приказал всем покинуть замок.

Мы шли и шли, Сеннера держалась в отдалении, останавливаясь, если мы отставали, и ускоряя шаг, стоило нам приблизиться.

Коридоры вились спиралью, уводя нас всё глубже, в помещения под замком. Если Совет магов в Рунном Древе устроил свой зал на вершине башни, в наивной вере, что туда врагам не добраться, то Тёмный Властелин предпочёл закопаться поглубже. С каждой минутой становилось всё холоднее и холоднее. Коридор сузился, утратил все украшения, даже стены были из едва

обработанного камня. Вдоль одной стены шла покрытая инеем бронзовая труба, от которой дохнуло холодом, вдоль другой – такая же, но горячая.

Наш Тёмный Властелин, похоже, давно уважал натурфилософию. И не только те её разделы, которые занимались соединением людей и животных.

Наконец Сеннера остановилась у круглой металлической двери. Некоторое время возилась с ней – я не заметил замка, но, видимо, он там был. Толкнула. Даже при её нечеловеческой силе было видно, что ей тяжело. Дверь медленно, но плавно открылась вовнутрь, Сеннера вошла. Мы – вслед за ней.

И увидели обиталище Тёмного Властелина.

Большой зал, весь облицованный светлым металлом.

Круглые матовые шары, в которых светились руны.

Сооружение из металла и стекла, похожее на приподнятую ванну, заполненную белёсой мутной жидкостью.

И в этой ванне, как в коконе, висело скорченное дряхлое тело – наш всемогущий Тёмный Властелин. Из опалесцирующей жидкости торчала лишь голова, лысая, морщинистая и неузнаваемая. Красные сморщенные веки, сыпь, покрывающая кожу, блеклые глаза, беззубый рот – если бы я не знал, кто это, то существо можно было бы посчитать и мужчиной, и женщиной, и даже изменённым. Когда-то он был темнокожим, но сейчас его тело стало скорее серым, лишённым всех оттенков живой плоти.

– Здравствуй, Первый Герой, – сказал я. – Здравствуй, Уинвард.

– Как ты понял, юноша? – спросил Тёмный Властелин. Это был тот самый голос, который говорил с нами в доме Секта, – хрипящий, старческий. Но по сравнению со всем прочим голос у него ещё сохранился неплохо.

– Ты никогда и нигде не появляешься сам, – сказал я. – Я думал, это страх. Но когда у тебя есть время – страху нет места. Значит, ты стар. Очень стар. Ты не умеешь вбирать в себя время.

Старик надтреснуто рассмеялся.

– Только Уинвард, самый юный из Шести, мог протянуть почти век, – закончил я.

Мира растерянно посмотрела на меня. Я пожал плечами. Кого мы встретим, я понял лишь пару часов назад, когда мы уничтожили армию Тёмного Властелина.

– Похвально, – сказал Уинвард, прикрыв глаза. Помолчал. – Да, этого я не умею. Я так и не смог понять руны Акса Танри.

– А что случилось с ним? – спросил я.

– Мирарек его убила, – спокойно ответил Уинвард. – Когда всё началось... когда он начал пить время из идущих навстречу магов и убивать королевских солдат... она стала кричать, что хватит смертей. Что они уже победили. Но Танри не остановился, он словно обезумел. Они схватились друг с другом, и Мирарек выпила его время. Стала совсем молодой... такой юной и прекрасной...

Тёмный Властелин помолчал.

– Ты был влюблен в неё? – спросила Мира.

– О да. Я был юным, как Грис. Я был влюблён. Чтобы остановить убийства, Мирарек выпила время из всех магов вокруг, лишь меня пощадила. Добряк Сигну, простушка Фреда, похотливый козёл Риджар – все они ссохлись и умерли. А я остался. Я даже подумал, что она хочет править вдвоём со мной. Но она сказала, что время – слишком сильная магия. Что она уедет в Рунное Древо, на родину своих предков. А мне велела остаться и исправить... хотя бы то, что ещё можно исправить...

Дряхлое тело чуть шевельнулось в ванне.

– Я стал Тёмным Властелином, – продолжил Уинвард. – А Мирарек уехала на Север. Мне не объясняли руну, я стоял сзади и не запомнил последовательность. Но Мирарек забыла снять с Танри медальон. Я пытался разобраться, но время... это не моя сильная сторона. Я нашёл лишь те возможности, что ты и сам использовал. Неотразимый удар и исцеляющая смерть. А вот время... его понимал Танри, а лучше всего знала Мирарек...

Он снова закрыл глаза. Спросил:

– Ну что? Заберёшь те дни или недели, что у меня остались? Накажешь злого Тёмного Властелина?

Я вдруг вспомнил, как убежав из лаборатории Ирброна, стоял на постаменте памятника. Как по лицу статуи из чёрного мрамора стекали капли дождя, и казалось, что наш бессмертный повелитель плачет. Лицо Тёмного Властелина ничуть не походило ни на кого из Шести Героев, его ведь давным-давно никто не видел. Но вот чёрный мрамор... его традиционно изображали тёмной фигурой... а ведь в этом была подсказка, затаённая гордость юного мага из дальних южных земель, гордость своим происхождением и цветом кожи.

– Зачем ты приказал натурфилософам сотворить изменённых? – спросил я.

– А... – повелитель открыл глаза. – Так это самое главное, что тебя задело? Учёные никогда не останавливаются, юноша, они ищут знания, тешат любопытство, а в итоге творят зло. Как дети, право... Если бы я не занял их этой задачей, они нашли бы другое зло. А тут был шанс. Для всех. Без магии. Детей жалко, но дети всегда страдают. Такова природа. Когда живёшь долго, начинаешь взвешивать зло. Большое и маленькое. Страшное и ещё страшнее.

– Но ещё ты мечтал о бессмертии, – сказал я. – Изменённые старятся медленно.

– Да, – согласился Тёмный Властелин. – Но мне поздно. Не работает.

Он закашлялся. С ноткой любопытства спросил:

– Если бы я сразу был с тобой добрее... обещал бы прощение и исполнил свои слова... ты поделился бы со мной руной Танри? Дал бы мне новое время?

– Ничего бы я тебе не дал. Я бы сам её не понял, – ответил я. – Надо было тебе найти других рунных магов, чтобы разобраться в руне. Опытных магов, а не сумасшедшего натурфилософа Ирбрана.

– Да ты смеёшься, – ответил Уинвард. – Любой, кто её разгадает, не выпустит тайну из рук. И ты не выпускай, юноша. Не надо миру такого испытания.

– Как ты протянул так долго? – спросила Мира. – Сто лет... нет, ведь больше... и магия!

– Я почти не использую руны с Великой войны, – ответил Тёмный Властелин. – Плохая репутация – хорошая штука. И я всегда был силён в контроле, я создал регуляторов, заклеимённых руной Бога. Они впускали меня в свой разум, и я жёг их время, когда требовалось.

– Впускали? Ты сам в них входил! – сказала Мира.

– Нет-нет. Это требует слишком много времени. Они сами меня звали. Любовь и преданность, ощущение причастности к великой цели – они сильнее страха. Иногда я успевал выйти, но чаще оставался в них до конца. Слишком велико искушение – снова ходить, видеть, творить чудеса.

Тёмный Властелин помолчал. Сказал с грустью:

– Наверное, вы правы, и я злодей. Ну так что? Мне трудно беседовать долго. Я выгнал персонал, а это тело надо массировать, питать и удалять отходы. Если пришли убивать – убивайте.

Я покосился на Сеннеру. Девочка-рептилия неподвижно стояла у стены.

– Освободи эту изменённую, – сказал я. – Помогите нам найти нашу дочь. И можешь жить своё время.

– Что случилось с вашей дочерью? – спросил Тёмный Властелин. – Ирбран не вернулся из Рунного Древа.

– С ней случилась Мирарек. Она использовала неизвестное мне заклинание. Она даже не касалась девочки, но возникла труба из света и уволокла её...

– Труба из света. – Тёмный Властелин помолчал. – Цветная?

– Цветная! Где нам искать дочь? – воскликнула Мира.

– Нигде, – сказал Уинвард. – Мирарек изучала время. Двадцать лет назад я был в отчаянии и угрожал ей. Требовал дать мне руну Танри. Мирарек ответила, что если я не уймуся – она пошлёт убийцу в прошлое, и тот задушит меня в колыбели. Понимаете?

Он стал смеяться тихим, кашляющим смехом.

– Добрая старая Мирарек не убивала детей. Даже меня пощадила. Но её доброта была очень необычной! Вы называли дочь «девочкой» на языке горцев. Странное имя, редкое. Повод задуматься, откуда в вашем прошлом взялась другая Сеннера...

Мы с Мирой повернулись и смотрели теперь только на изменённую. На ребёнка со слабым магическим даром, которого двенадцать лет назад подобрал где-то доктор Ирбран и превратил в монстра.

На свою дочь.

– Возврата нет, – сказал Уинвард. – Я не знаю рун, но я знаю, что это дорога в один конец. Ваша дочь упала в прошлое и стала частью настоящего. Навсегда. Нельзя остановить то, что свершилось.

Сеннера подняла голову – и я увидел следы старых ожогов на лице. Чешуя была искорежена, топорщилась. Та ночь в Низинном Княжестве далась ей нелегко.

– А ведь вы её не тронете, – сказал Тёмный Властелин очень спокойно. – Вы бы сожгли любую мою армию, выжали досуха всех моих волшебников. Но эту изменённую вы и пальцем не тронете. Я как знал, оставляя её при себе, как знал...

В его голосе появилась безумная нотка, но древний волшебник, грудой падали колыхающийся в своей ванне и живущий только за счёт натурфилософии, был прав.

Мира её и пальцем не тронет. Даже заклятие тяжести испугается наложить.

А я – смогу?

– Убей их, девочка моя, – сказал Тёмный Властелин. – Убей этих предателей, не сумевших тебя защитить, не узнавших тебя, бросивших в огне и убежавших. Убей. А я прикажу Секту исполнить обещанное.

Сеннера медленно пошла к нам, не отрывая взгляда от моего лица.

– Даже не вздумай, муж мой, – прошептала Мира. – Я верю тебе всей душой... и я остановлю тебя.

Я обнял её и сказал:

– Не требуется меня останавливать, Мира. Некоторые предсказания излишни.

Сеннера подошла, остановилась. На лице людоящерки не отражалось никаких эмоций – не приспособлены они для этого.

– Когда ты нас узнала? – спросил я тихо.

Сеннера посмотрела на Тёмного Властелина.

– Отвечай, – прохрипел тот. – А потом сделай то, что велит тебе любовь.

– Я узнала тебя ещё в цирке, папа, – сказала Сеннера. – Когда увидела маму, узнала её... и поняла, кто ты. Я не сказала. Мне было вас жалко. А ещё я злилась. Сильно злилась, особенно на маму.

Потом она сделала шаг вперёд и обхватила меня руками – неуклюже и неловко. Прижалась и застыла.

– Сеннера... – сказал Уинвард с ноткой тревоги. – Сеннера. В тебе лоза Жохар-до-Лакши, я – цель твоей любви, источник твоей веры, смысл твоей жизни...

Сеннера отстранилась, скорчилась. Её тело содрогнулось. И она с воплем выплюнула сгусток крови – и зелёный дёргающийся комок.

Мы с Мирой выбросили вперёд руки одновременно, и побег дьявольского растения превратился во вспышку света и клуб вонючего дыма.

А потом я повернулся к Тёмному Властелину.

И улыбнулся.

– Тебе нужно время? – спросил я ласково. – Отважный Уинвард, Первый Герой, самый юный и чистый из Героев... Ты ведь мог таким остаться. Время? Держи!

Здесь всё было наполнено временем.

Все стены замка. Всё тут было хранилищем времени, которое отдавали поколения магов, обучаясь, расплачиваясь за еду, жертвуя повелителю. Тысячи, десятки тысяч лет, которыми он так и не научился пользоваться, потому что так и не понял, что всё начинается с дара жизни и кончается неизбежностью смерти, всё идёт под рунами счастья и горя, но даже смерть – ещё не окончательное забвение.

Я взял полтора года и стал вливать их в трясущееся тело повелителя Тёмной Империи.

На миг мелькнул перед нами благообразный старик, возник и исчез гордый сильный мужчина, сверкнул белозубой улыбкой красивый юноша, широко открытыми глазами посмотрел на нас мальчишка...

– Вот теперь остановись! – крикнула Мира, хватая меня за плечо.

В густой опалесцирующей жидкости барахтался новорождённый младенец. Жидкость была такой густой, что он даже не погружался, а валялся на её поверхности, суча ножками.

– Он всё равно тот, кто он есть! – сказал я. – Он... он всё помнит!

– Уверен?

Я не был уверен. Время кипело во мне, искало выхода – я повернулся, глянул на Сеннеру. И влил оставшееся в неё. В трёх существ, что пятнадцать лет медленно старились в едином теле.

Это походило на ночной кошмар. Сеннера осела, уменьшаясь и снова превращаясь в того мелкого монстра, которого я увидел, стоя на потолке особняка Ирбрана. Замерцала режущим глаза синим светом. Из чешуйчатого тела вырвалась тонкая детская ручка. Упёрлась в чешую, потянулась – голова создания раздвоилась, растроилась, появилась голова Сен, потом – странная вытянутая морда, покрытая короткой жёсткой шерстью и опалённой чешуёй, и карикатурно-человеческая морда людоящерицы.

Три создания, соединённые вместе, вырвались друг из друга.

Сен упала на пол, беспомощно крутя головой. Она снова была маленькой девочкой, покрытой слизью вроде той, в которой плавал Тёмный Властелин. Рядом встал на четвереньки крупный, с неё саму размером кот – чешуя и шерсть, оскаленные зубы и когти, яростные глаза. Кот зашипел, глядя на нас, но Сен зашипела на него, кот убрал когти и с рычанием отошёл в сторону.

Людоящерица – почему-то меня поразило то, что у неё был хвост, – склонилась над Сен и ласково погладила её по голове. Видимо в этом чудовищном единении они с Сен были подругами.

– Мама? – спросила Сен.

Мира с рыданием наклонилась над ней, обняла, прижала, подняла на руки.

– Мама, прости...

Я отвернулся – и увидел чешуйчатого кота, сидящего на краю ванны и опустившего туда морду. В белой жидкости расплывались красные разводы.

– Идём, – сказал я. – Идём не оглядываясь. Не надо Сен этого видеть.

– Грис! – воскликнула Мира.

– А я что? Игры с хищниками опасны.

Я потащил их к двери. Людоящерица шла за нами, временами оглядываясь и издавая цокающие резкие звуки.

Надо будет как-то отправить её в джунгли.

И кота тоже.

Кота в первую очередь. Он – дикий свирепый убийца.

Хотя я не готов был его осуждать.

– Грис, Грис, что мы будем делать? – спросила Мира. Она несла Сен, как пушинку, то ли вкачав в себя руну Уруз, то ли в том приступе силы, который бывает у любой матери, нашедшей своё дитя.

– Жить, – сказал я. Хотел добавить про то, что хочу всё-таки вернуть себе руку. Но это было такой мелочью, что не заслуживало разговора.

Мира остановилась, повернулась ко мне. На лице её были и облегчение, и ужас, Сен зарывалась в неё лицом и, кажется, тихо рыдала.

– Грис, но так же нельзя! Мы станем такими же, как Уинвард, как Мирарек, – сумасшедшими злобными тварями!

– Да с чего бы? Я не собираюсь, – сказал я. Неловко их обнял. Людоящерка ткнулась чешуйчатой головой мне в бедро, запрокинула голову. Я погладил её культей.

Да, надо всё-таки заняться рукой.

– Грис, мы сожгли полгорода... мы свергли повелителя...

– Ну, не полгорода, – успокаивающе сказал я. – И не свергли, его убил дикий зверь... Вот и дела есть. Привести всё в порядок.

Мира со всхлипом втянула воздух. Спросила, уже спокойнее:

– Ты уверен?

– Если что, ты меня остановишь, – сказал я. – Но мы попробуем не стать дерьмом.

И мы пошли дальше по длинному скальному коридору.

К той жизни и судьбе, которая будет посложнее изгнания и бегства.

Но, по крайней мере, мы были вместе.

И у нас было достаточно времени.

Москва, август-октябрь 2019 г.

Мир Грисара

Вначале я должен извиниться перед читателями.

Я знаю, что все ждали продолжения книги «Порог», я работал над ним... но неожиданно отвлёкся. Родившийся как розыгрыш (я начал публиковать «Мага без времени» в Сети, под псевдонимом Мастер Романов) сюжет меня захватил. И у меня не осталось выбора, кроме как сжечь два месяца времени и рассказать историю Грисара, Миры и Сеннеры.

Мне, автору, нравится эта книга. Надеюсь, что она понравится и вам. Но где-то на середине текста я понял, что эта история требовала больше рун. Больше деталей, больше приключений (они были, но я не успел о них рассказать – ни о том, как Грисар и Мира добирались до Низинного Княжества, ни о том, как там обосновались, ни о том, как началась их жизнь в Северном Царстве).

Возможно, когда-нибудь я к этому миру вернусь. А может быть, и нет – ведь времени не хватает не только у рунных магов, но и у писателей.

Но я попробую ответить на некоторые вопросы, которые обязаны были возникнуть у читателя.

1. Это наш мир?

Скорее всего – нет. Ведь у нас руны, при всей их сказочности, всего лишь буквы стародавнего алфавита. Наверное, это одно из бесчисленных отражений нашего мира, плывущее в зеркале звёзд.

2. Где происходит действие?

В Европе. Точнее – в их Европе. Тёмная Империя расположена примерно там, где в нашем мире Германия и Франция. Северное Царство – где-то в Скандинавии. Низинное Княжество – Нидерланды. Но это лишь очень приблизительно.

3. А что в России?

Не знаю. Сильно подозреваю, что Орда.

4. Какой там год?

По целому ряду признаков – Ренессанс, но сильно затянувшийся. Примерно до XIX века. Наличие рунной магии затормозило развитие науки, точнее – превратило физику, химию, биологию в единое целое – натурфилософию. Самыми сложными механизмами из широко известных являются газовые лампы и печатные машины, но, судя по всему, маги искусственно тормозят технический прогресс и «придерживают» изобретения. Почему? А зачем им конкуренты?

5. Чем этот мир отличается от нашего?

Помимо рунной магии? Животным миром, несомненно. В наших джунглях не растёт «Древо ночи», нет у нас народа людоящеров, нет и бронированных котов (вначале я полагал, что это просто броненосец, но, когда Сеннера освободилась, понял свою ошибку). Возможно, это автохтонные животные их мира. Возможно, в их мире они не вымерли. А может быть, это древние творения рунной магии...

6. Тёмный Властелин погиб?

Да. Несомненно.

7. Что будет дальше?

Война, несомненно. Когда исчезает лидер такого масштаба, у всех вспоминаются старые обиды.

8. Что будет с героями?

Не знаю. Надеюсь, что всё будет хорошо. Если вам это действительно интересно, я когда-нибудь расскажу. Если найду время.

9. Что такое руны?

Всего лишь алфавит, называемый футарком. Футарк делится на три эттира по восемь рун в каждом. Всего в рунном алфавите 24 буквы. Впрочем, это так называемый старший футарк, а вообще-то их было много. Руны приспособлены к тому, чтобы высекать их на камне, поэтому они состоят из прямых линий.

10. Они так и называются, как в книге?

Да. Существуют разночтения, поэтому мне пришлось выбрать один из вариантов, который я счёл более благозвучным.

11. Что такое простые и составные руны?

Простые (или одиночные) руны – это 24 основные руны футарка. Действие каждой понятно и предсказуемо. С их помощью можно получить простые эффекты – удар, призыв воды, появление огня, прилив сил... Если же магу требуется что-то позатейливее, он использует составные руны (рунные фразы, сложные руны) – то есть сочетание нескольких рун. От того, в каком порядке они будут написаны, как будут читаться, как наполняться временем

– зависит и полученный эффект. Умение использовать сложные руны и есть главное искусство магии.

На практике, впрочем, маги называют рунами и простые, и сложные руны. Но всем понятно, что руна электричества или руна попутного ветра – это сочетание нескольких рун.

12. В нашем мире рунам приписывают магические свойства?

Конечно! В интернете вы найдёте множество описаний того, как работают руны. Но я буду вынужден вас расстроить: почти все они ошибочны, рунам приписаны не те свойства, которые у них есть. Правильное описание – только у меня.

13. Так что же: и у нас можно творить волшебство?

Увы, нет! Руны – лишь форма, в которую маг заливает истинную субстанцию волшебства – время своей жизни. А этого в нашем мире не умеют. Мы лишь ловим отголоски чужих миров и грезим о волшебстве.

Но если бы вы даже смогли влить в руну время своей жизни – вы уверены, что игра стоит свеч? Мы творим волшебство с помощью науки, и честное слово – лучше потратить время на неё.

14. Но я хочу попробовать! Вдруг я тоже рунный маг?

Как угодно. Разве я сторож вам? Вот стандартное начертание рун в мире Грисара. Пользуйтесь! Маленький совет: начинающему магу проще работать с руной, которую он собственноручно высек на камне, вырезал на дереве или выгравировал на металле (серебро лучше меди, медь лучше стали). Но учтите: если вы придёте ко мне, с хныканьем утирая слёзы с седой бороды, и признаетесь, что хотите назад, в школу, я вам помочь не смогу! Амулета Акса Танри у меня нет, и я не смогу изобразить все его детали!